А. Богдановъ.

ЭМПИРІОМОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ.

КНИГА II.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Цѣна 70 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Дѣло», Фонтанка, 96.
1907.

А. Богдановъ.

ЭМПИРІОМОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ.

КНИГА II.

Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Дѣло», Фонтанка, 96.
1906.

„Вещь въ себѣ“

съ точки зрѣнія эмпиріомонизма.

Та философія, которая стоитъ на строго-исторической точкѣ зрѣнія, никогда не можетъ, опровергая какое-либо широко распространенное и вліятельное заблужденіе, ограничиться аргументами, прямо доказывающими его несостоятельность. Для этой философіи не существуетъ ни абсолютной истины, ни абсолютнаго заблужденія; во всякомъ заблужденіи она должна найти ту долю относительной истины, которая создавала почву для вѣры въ него,—такъ же какъ во всякой истинѣ она стремится отыскать ту долю заблужденія, которая требуетъ перехода отъ этой истины къ иной, высшей.

Вопросу о «вещи въ себѣ» эта точка зрѣнія должна отвести почетное мѣсто въ исторіи истинъ—заблужденій. Когда понятіе «вещи въ себѣ» было доведено Кантомъ до высшей степени философской пустоты, тогда стало неизбѣжнымъ крушеніе этого понятія: его логическая пустота и съ нею реальная безсмысленность не могли уже скрыться отъ ножа критики за оболочкою формальной неясности. Оказалось, что понятіе это выражаетъ не что иное, какъ реальность, оцѣпанную до такой степени, что отъ нея ничего не осталось. Въ этомъ понятіи ничего не мыслится—таковъ его главный недостатокъ; и Кантъ *почти* обнаружилъ этотъ недостатокъ, поставивши свою «вещь въ себѣ» внѣ категорій человѣческаго мышленія, т. е.

въ сущности внѣ сферы своего мышленія, оперирующаго этими категоріями.

Попытки реставрировать разбитую «вещь» путемъ ея «критическаго» истолкованія и перетолкованія не привели ни къ чему: въ этихъ попыткахъ несчастной «вещи» неизмѣнно приходилось играть унизительную роль совершенно излишняго названія для философскихъ понятій, и безъ того имѣющихъ уже вполнѣ удовлетворительныя обозначенія, какъ напр. понятіе безпредѣльнаго прогресса познанія. Такъ какъ, вдобавокъ, это излишнее названіе оказывалось еще въ высокой степени способнымъ порождать длинные философскіе споры и трактаты и всякую путаницу, то очевидно, съ нимъ желательно было какъ можно скорѣе покончить.

И вотъ, чтобы завершить необходимую ликвидацію несостоятельной «вещи», требуется отчетливо отдѣлить ея безсмертную душу—ту долю истины, которая въ ней жила,—отъ бреннаго тѣла, успѣвшаго уже разложиться со времени Канта,—отъ схоластическаго понятія, которое умерло и не воскреснетъ

I.

Дуализмъ «явленія» и «вещи въ себѣ» есть не что иное, какъ блѣдный, догорающій отблескъ другого, яркаго и полнаго жизни дуализма, того, который одухотворялъ всю природу, который за всякой физической реальностью находилъ скрытую въ ней и управляющую ею душу, словомъ—дуализма анимистовъ. Для нихъ «вещь въ себѣ» и явленіе находились въ очень простомъ и вполнѣ реальномъ отношеніи, въ томъ самомъ, въ какомъ ихъ собственная психика къ дѣятельности ихъ тѣла. Это отношеніе представлялось всеобщимъ, и было первою формою развитія «категоріи» причинности.

Я не стану разсматривать здѣсь соціальнаго генезиса этой формы *),—здѣсь достаточно того несомнѣннаго факта, что она существуетъ и для извѣстной стадіи культурнаго развитія является всеобщею. Я не стану также описывать процессъ ея послѣдовательнаго преобразованія отъ первобытныхъ, грубореалистическихъ формъ до утонченнѣйшаго «идеализма» нашего времени **). Достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе факты. Прогрессъ трудового опыта пригналъ къ разграниченію мертвой и живой природы; при этомъ душа была отнята у большинства явленій и оставлена только живымъ существамъ.

*) Я выполнилъ это въ другой своей работѣ—«Изъ психологіи общества», статья объ «авторитарномъ мышленіи» (Спб., 1904, раньше было напечатано въ «Образованіи» 1903).

**) Съ логической стороны процессъ этотъ прослѣженъ Р. Авенаріусомъ въ его работѣ «Человѣческое понятіе о мірѣ» (есть русскій пер.).

какъ необходимая предпосылка для пониманія и предвидѣнія ихъ реакцій. Но стремленіе мыслить всякую реальность двойственно не исчезло и не могло исчезнуть, пока по этому типу неизбѣжно мыслятся самыя близкія и самыя важныя реальности—люди и вообще живыя существа; стремленіе это принимало только новыя формы, приспособляясь къ новымъ содержаніямъ расширяющагося опыта. Такъ, метафизическія «силы» представляютъ изъ себя не что иное, какъ обезличенныя души вещей. Однимъ изъ результатовъ дальнѣйшаго обезличенія и опустошенія «душъ» явились «вещи въ себѣ». Онѣ—продуктъ *философской* обработки опыта по преимуществу.

Философія возникла какъ стремленіе мыслить все содержаніе опыта въ *однородныхъ* и *связныхъ* формахъ, и пріобрѣла самостоятельное значеніе именно какъ реакція противъ чрезмѣрной раздробленности и противорѣчивости опыта, выступившей на опредѣленной стадіи культурнаго развитія *). Раздѣленіе природы на одушевленную и неодушевленную создало цѣлый рядъ затрудненій для философіи: какимъ способомъ связать въ однородныхъ формахъ мышленія такія разнородныя вещи? На почвѣ этихъ затрудненій, какъ способъ разрѣшить ихъ, и возникла «вещь въ себѣ».

Первоначальное, анимистическое пониманіе причинной связи характеризуется тѣмъ, что въ немъ цѣпь причинъ *ограничена* и обрывается на опредѣленномъ звенѣ, именно—духѣ, который и является тогда *послѣдней* причиной даннаго ряда фактовъ. «Духъ», «душа»—это нѣчто «свободное», дѣйствующее изъ самого себя, не нуждающееся въ дальнѣйшемъ «объясненіи». Въ эпоху всеобщаго анимизма вся цѣпь причинности сводилась, такимъ образомъ, въ каждомъ данномъ случаѣ всего къ *двумъ* звеньямъ: явленіе и духъ, который за нимъ скрывается. Этотъ духъ можетъ дѣйствовать сообразно *цѣлямъ*,

*) Именно на той стадіи, когда развивается спеціализація, и авторитарно-родовыя общины разлагаются, уступая мѣсто анархіи товарнаго хозяйства. (См. мою ст. «Собираніе человѣка», «Правда», 1904, 4).

какъ человѣкъ, но нѣтъ и мысли о *причинахъ* его дѣйствій и цѣлей.

Прогрессъ техническаго опыта—борьбы съ природой—вызвалъ удлиненіе этой цѣпи, но основной характеръ ея не измѣнялся: во-1), отношеніе всякой причины къ ея слѣдствію продолжало мыслиться антропоморфически, на подобіе отношенія между волей человѣка и вызываемыми ею дѣйствіями, во-2), цѣпь обязательно оканчивалась на «послѣдней причинѣ»—свободной душѣ, или высшемъ творческомъ духѣ, или на активной изъ себя «силѣ» и т. п.

Чѣмъ труднѣе было удержать «душу» въ явленіяхъ неорганической природы, тѣмъ настоятельнѣе становилась потребность въ ея замѣнѣ какой-нибудь или «послѣдней причиной», иначе рядъ причинъ становился безконечнымъ, что было рѣзкимъ, мучительнымъ противорѣчіемъ для всего статистическаго и дуалистическаго мышленія, которое привыкло и умѣло оперировать лишь съ ограниченными рядами, лишь съ прерывающимися цѣпями.

«Сила»—обезличенная душа—только отчасти давала такую замѣну, потому что она, подобно «душѣ», выражала *активность*, являлась причиной измѣненій; а между тѣмъ въ процессѣ успѣшной борьбы съ природой все больше выступала «пассивность» вещей, необходимость активнаго воздѣйствія на нихъ для того, чтобы онѣ обнаружили скрытыя въ нихъ «силы».

Для цѣльнаго мышленія требовались «послѣднія причины» вещей и со стороны ихъ активности, и со стороны ихъ пассивности, причины и «дѣйствія» вещей и ихъ простого «существованія». Эти «послѣднія причины» и получили названіе «вещей въ себѣ».

Развитіе «вещи въ себѣ» шло совершенно такимъ же путемъ, какъ развитіе «души»—отъ грубаго реализма къ утонченнѣйшему идеализму. «Душа», какъ извѣстно, была на раннихъ стадіяхъ анимизма простымъ *удвоеніемъ* человѣка, его точнымъ подобіемъ, вложеннымъ внутрь его тѣла, а потомъ

все болѣе теряла физическія свойства, становилась все эфирнѣе и нѣжнѣе, пока не превратилась въ чистѣйшую абстракцію. Аналогичнымъ образомъ «вещь въ себѣ» сначала была точнымъ повтореніемъ вещи—явленія; и еще у древнихъ грековъ было распространено такое, напр., воззрѣніе, по которому мы видимъ вещи благодаря тому, что отъ нихъ отдѣляются маленькія и тонкія ихъ точныя подобія, которыя и попадаютъ въ глазъ.—Но по мѣрѣ того какъ обнаруживалась зависимость воспріятія внѣшнихъ предметовъ отъ состоянія органовъ чувствъ и нервной системы, различіе между «вещью въ себѣ» и «явленіемъ» стало возрастать. Выяснено было, что, напр., цвѣтъ вещи не можетъ быть отнесенъ къ свойствамъ «вещи въ себѣ», потому что различнымъ людямъ однѣ и тѣ же вещи могутъ представляться въ различной окраскѣ: наше «красное» и «зеленое» кажутся многимъ дальтонистамъ однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ, а для слѣпыхъ вовсе не существуетъ. Аналогичнымъ образомъ оказалась «субъективной» характеристика «теплое» и «холодное»: одна и таже вода можетъ ощущаться какъ «холодная» для согрѣтой руки и какъ «теплая» для охлажденной. То же относится къ запаху «вещей», къ ихъ вкусу и т. д.

Такъ возникло разграниченіе между «кажущимися» или «субъективно-существующими для насъ» свойствами вещей, и свойствами «вполнѣ реальными», «объективными». Первыя зависятъ отъ нашей организаціи,— такъ сказать, привносятся сю въ «явленія», вторыя отъ ня независимы, принадлежатъ «вещамъ въ себѣ». Такъ смотрѣли на дѣло еще сенсуалисты и матеріалисты 17-го и 18-го столѣтія. Всего дольше въ качествѣ «объективныхъ» свойствъ «вещамъ въ себѣ» приписывались протяженность (форма) и непроницаемость.

Кантъ сдѣлалъ послѣдній шагъ въ очищеніи «вещи въ себѣ» отъ всякой реальности: онъ отнялъ у ней всѣ «чувственныя» свойства, даже пространственность; его трансцендентальная эстетика учитъ, что воспріятіе вещей въ пространствѣ, какъ и во-времени, есть результатъ нашей познавательной

организаціи, свойствъ «субъекта». При этомъ «вещь въ себѣ» потеряла всякое *опытное* содержаніе, и стала непознаваемой.

И здѣсь, какъ это произошло съ понятіемъ «души», развитіе привело къ голой, пустой абстракціи; при чемъ обѣ абстракціи соединились вмѣстѣ—«свободная» и «безсмертная» душа попала въ міръ «ноуменовъ», или «вещей въ себѣ». Это соединеніе подтверждаетъ и освѣщаетъ идею объ ихъ общемъ происхожденіи.

II.

Опустошенная Кантомъ «вещь въ себѣ» стала познавательно-безполезной. Значитъ ли это, что она была только «заблужденіемъ»?

Конечно, нѣтъ. Правда, она была по преимуществу *философскимъ* продуктомъ; практическое сознаніе большей частью обходилось безъ нея, считая всѣ вещи—вещами для *себя*, и не раздѣляя ихъ нисколько отъ вещей «въ себѣ». Но философская потребность есть *законная* потребность познанія; и ея удовлетвореніе не было ни забавой, ни роскошью.

Потребность эта—стремленіе мыслить монистически. Вещь въ себѣ была результатомъ распространенія на всю природу того дуализма, который развился изъ анимистическихъ воззрѣній. Она—преобразованная «душа» явленія; а «душа» не была ни въ какомъ случаѣ простой ошибкой познанія.

Чтобы понимать и предвидѣть дѣйствія людей и другихъ живыхъ существъ, человѣкъ *долженъ* принимать у нихъ воспріятія и представленія, эмоціи и стремленія, подобныя своимъ собственнымъ. Ошибка начинается тогда, когда онъ помѣщаетъ все это *внутри* тѣлъ. Ошибка расширяется и развивается, когда *такіе же* психическіе комплексы онъ вкладываетъ и въ неорганизованныя тѣла, «одушевляя» неживую природу.

«Вещь въ себѣ» не страдаетъ этой второй погрѣшностью. Она не антропоморфна. До Канта, она страдаетъ первой по-

грѣшностью: она «интроэцирована», она представляется скрытой подъ явленіемъ *пространственно*. У Канта она уже оказывается исправленной въ этомъ отношеніи — внѣ-пространственной *). Я склоненъ думать, что этой особенности кантовскаго ученія Авенаріусъ отчасти обязанъ, сознательно или безсознательно, своей идеей о ненужности интроэкціи, «вкладыванья» психики въ тѣло. Отъ мысли Канта о нелогичности пространственнаго представленія «вещи въ себѣ», этого гомолога «души», было легко (психологически легко, разумѣется) перейти къ мысли о неправильности пространственнаго представленія о психикѣ, объ ея отношеніи къ тѣлу.

Такъ или иначе, если «вещь въ себѣ» есть исторически-производное отъ «души», если она возникла первоначально, какъ результатъ философскаго стремленія, въ дополненіе и въ параллель къ принимаемой для живыхъ тѣлъ «душѣ» создать нѣчто аналогичное для всѣхъ остальныхъ явленій природы, то объективно-критическій анализъ «вещи въ себѣ», выясненіе положительныхъ ея элементовъ надо начать съ ея первообраза —«души».

Одна изъ модныхъ доктринъ нашего времени есть *панпсихизмъ*, идея о томъ, что каждому «физическому» процессу соотвѣтствуетъ и за нимъ скрывается процессъ «психическій», какъ процессамъ нервныхъ центровъ соотвѣтствуетъ и за ними скрывается «сознаніе». Эта современная реставрація всеобщаго анимизма имѣетъ, несомнѣнно, метафизическій характеръ; она не находитъ научнаго *примѣненія*, хотя и признается нѣкоторыми людьми науки; она не устраняетъ коренного дуализма духа и тѣла, а только поэтически его обобщаетъ. И все-таки эта теорія выражаетъ ту же законную потребность—мыслить монистически, сдѣлать разъ признанныя *необходимыми* формы познанія—всеобщими, не ограничивая ихъ отдѣльной частной областью явленій.

*) Впрочемъ, также и внѣ-временной. Это дѣлаетъ ее вполнѣ метафизической, вполнѣ «непознаваемой», какой и должна быть абсолютно-пустая абстракція.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли совершенно необходимо хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ за «физическимъ» подставлять «психическое»? Не можетъ ли человѣкъ разсматривать другія живыя существа только какъ «тѣла», движущіяся среди другихъ тѣлъ, какъ сложныя, своеобразно дѣйствующія машины? не можетъ ли онъ обойтись безъ «гипотезы» о томъ, что они «чувствуютъ», «мыслятъ», «желаютъ», что ихъ дѣйствія стоятъ въ зависимости отъ «психическихъ переживаній»? Пусть даже никто не можетъ обойтись безъ этой «гипотезы» практически; но нельзя ли отрѣшиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, въ области чистой *теоріи?* Не окажется ли такая точка зрѣнія наиболѣе строго позитивной, наиболѣе «критической», наиболѣе чуждой компромисса между знаніемъ и вѣрой? Если въ «гипотезѣ» есть догматизмъ, то критика *должна* съ нимъ покончить...

Вопросъ этотъ не такъ сложенъ и труденъ, какъ можетъ показаться. Онъ легко устраняется фактомъ *соціальности познанія.* Мышленіе нераздѣльно съ представленіемъ о *доказательствѣ* истиннаго и *опроверженіи* ложнаго; а то и другое предполагаетъ *соціальное общеніе* людей. Субъективная характеристика «истины» для всякаго, кто думаетъ, что нашелъ ее, заключается въ томъ, что онъ можетъ доказать ее всякому другому достаточно разумному существу, что она, эта истина, «общеобязательна», т. е. имѣетъ значеніе не только для него, ея даннаго обладателя, но и для его со-человѣковъ.—Такимъ образомъ психическій солипсистъ, не признающій наличности психики у другихъ людей, впадаетъ не только въ практическое противорѣчіе, когда выясняетъ другимъ людямъ свои взгляды; онъ впадаетъ и въ теоретическое противорѣчіе, когда считаетъ свои взгляды «истинными», т. е. доказуемыми, т. е. имѣющими значеніе не для него одного».

...Мы видимъ, что «гипотеза» о психикѣ другихъ людей вовсе въ дѣйствительности не гипотеза, а необходимый элементъ познанія. Когда подъ такія-то данныя высказыванія другихъ людей я подставляю такія-то данныя чувства и мысли,

то гипотетично здѣсь только *данное содержаніе* подставляемаго; оно нерѣдко и бываетъ ошибочно: я могу «не понять» другихъ людей. Но самая подстановка—отнюдь не гипотеза, а «конститутивный признакъ» познанія, какъ борьбы за истину, борьбы соціальной и по генезису и по цѣли.

«Подстановка», о которой мы говоримъ, не представляетъ изъ себя ни въ какомъ случаѣ выхода за предѣлы возможнаго опыта. Ея правильность въ каждомъ данномъ случаѣ провѣряется практикой: основываясь на своей «подстановкѣ», мы предвидимъ дѣйствія другихъ живыхъ существъ, и сообразно этому разсчитываемъ свои собственные поступки. Если при этомъ мы обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ, а въ самыхъ расчетахъ не находимъ никакой несообразности, то намъ приходится исправлять подстановку: «онъ обманулъ меня», «я его не такъ понялъ» и т. п.

Удачная «подстановка» становится тѣмъ болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ дальше отъ насъ отстоитъ другое существо по типу своей жизни и по ея тенденціямъ. «Понимать» иностранца труднѣе, чѣмъ соотечественника, кошку труднѣе, чѣмъ человѣка, амебу труднѣе, чѣмъ кошку, врага труднѣе, чѣмъ друга и т. д. Чѣмъ труднѣе «подстановка», тѣмъ больше приходится создавать по частнымъ случаямъ неудачныхъ гипотезъ, которыя затѣмъ мы вынуждены отвергать или исправлять. Каждая конкретная подстановка можетъ потерпѣть крушеніе, это не колеблетъ принципа подстановки, который остается связанъ со всѣмъ нашимъ познаніемъ.

По мѣрѣ развитія опыта характеръ подстановки измѣняется. Вначалѣ она приводитъ къ наивному антропоморфизму: всѣ люди, всѣ живыя существа, и даже всѣ предметы неживой природы «понимаются» по прямой и непосредственной аналогіи съ психикой самого познающаго. Но шагъ за шагомъ въ аналогію вносятся поправки: частью уменьшается область ея примѣненія,—напр., перестаютъ одушевлять неорганическую природу, перестаютъ шелестъ листьевъ считать своеобразной рѣчью и т. под.,—частью самое примѣненіе индивидуализируется сооб-

равно суммѣ условій,—за сходными высказываніями принимается неодинаковое содержаніе, у животныхъ болѣе простое чѣмъ у людей, у человѣка одного характера иное, чѣмъ у человѣка другого характера,—и т. д. *Подстановка принимаетъ окраску относительности и условности.*

Что же вызываетъ такія измѣненія? Развитіе другого типа познанія, познанія, скажемъ, «отвлеченнаго», которое сводится къ обобщающему описанію явленій, какъ они непосредственно выступаютъ въ опытѣ. Въ борьбѣ съ природой подстановка зачастую оказываетъ человѣку плохія услуги, ведетъ къ непріятнымъ ошибкамъ и не-экономной растратѣ силъ. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ вынужденъ бываетъ совсѣмъ отказаться отъ привычной ассоціаціи наблюдаемаго «физическаго» съ предполагаемымъ «психическимъ», и ограничиться запоминаніемъ послѣдовательности фактовъ, какъ они протекали въ его опытѣ. Изъ такого запоминанія, при которомъ всего лучше сохранялось въ памяти наиболѣе повторяющееся въ явленіяхъ, и развилось то «натуралистическое» познаніе, которое составляетъ основное содержаніе современной науки и современнаго міровоззрѣнія вообще.

Это познаніе повсюду переплетается съ старой «подстановкой», получая отъ нея зачастую антропоморфную, «фетишистическую» окраску. Такъ, функціональная связь условій и обусловленнаго — «причинность» — представляется вообще въ такомъ видѣ, что причина «вызываетъ» слѣдствіе на подобіе того, какъ наша воля вызываетъ дѣйствіе. Напр., «природа не терпитъ пустоты», «сила тяготѣнія стремится взаимно сблизить массы», «растенія борются за существованіе», и т. под. — Но въ то же время это познаніе исправляетъ старую подстановку, намѣчая повсюду ея рамки и указывая, какъ приходится измѣнять ее въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, чтобы не встрѣтиться съ противорѣчіемъ. Оно констатируетъ, что организація внѣшнихъ чувствъ, интеллектуальныя способностями, характеръ, у различныхъ живыхъ существъ неодинаковы, и что при такихъ-то условіяхъ этого рода надо «подставлять» имен-

но такія-то воспріятія, идеи, стремленія, хотя у самаго «подставляющаго» при прочихъ равныхъ условіяхъ связь и отношеніе переживаній иныя. Кто, обладая нормальнымъ зрѣніемъ принужденъ объяснять дорогу дальтонисту, тотъ долженъ помнить, что указанія на цвѣтъ домовъ и другихъ предметовъ могутъ сильно спутать его собесѣдника; кто хочетъ научить чему-нибудь ребенка, тотъ долженъ излагать связь фактовъ не прямо въ томъ видѣ, какъ она выступаетъ въ его обычномъ мышленіи, а съ измѣненіями и переходами, приспособленными къ «пониманію» ученика; кто будучи флегматикомъ, споритъ съ сангвиникомъ, тому не слѣдуетъ забывать, что его оппонентъ придетъ въ страшный гнѣвъ изъ-за такого противорѣчія, которое въ немъ самомъ вызвало бы развѣ только легкое раздраженіе, и т. д.

Поправки эти становятся, вообще говоря, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше отъ организаціи познающаго отстоитъ организація того существа, которое приходится «понять». Констатируется, напр., отсутствіе у другихъ организмовъ тѣхъ «чувствъ», которыми мы обладаемъ (чему, я думаю, нѣтъ надобности приводить примѣры) или присутствіе такихъ, которыхъ у насъ нѣтъ (напр. «осязаніе на разстояніи» у летучихъ мышей, зрительныя впечатлѣнія отъ ультрафіолетовыхъ лучей у муравьевъ и т. под.); констатируются инстинкты и рефлексы, не похожіе на наши (напр. «гліотаксисъ» и «химіотаксисъ» у многихъ низшихъ организмовъ) и т. п. На извѣстномъ пунктѣ явленій поправки эти превращаются (при нынѣшнемъ состояніи знанія) въ рѣшительный скачекъ познанія—дается *одна* всеобщая поправка для неорганическаго міра и для растительнаго царства, а именно уничтоженіе самой подстановки (какъ увидимъ, только кажущееся),

Принимается, что рядъ непосредственныхъ переживаній, подобныхъ нашимъ психическимъ, совершенно обрывается на низшихъ животныхъ, что дальше идетъ въ этомъ смыслѣ *абсолютная пустота*, ничто.—По отношенію къ растительному царству это, впрочемъ, признается не безусловно; для свободно

живущихъ растительныхъ клѣтокъ, а также для растеній съ ясно выраженными рефлексами (напр., насѣкомоядныхъ) подстановка—въ самой минимальной степени — еще допускается. Но ужъ неорганическій міръ считается окончательно «мертвымъ».

Здѣсь, собственно, и начинается истинное царство «чистаго описанія», чуждаго всякихъ антропоморфизмовъ. Самая идея «чистаго описанія» выражаетъ именно стремленіе совершенно отдѣлить натуралистическое познаніе отъ сплетающихся съ нимъ элементовъ подстановки. Если Махъ и другіе нападаютъ на понятіе «причинности», на идею «объясненія» явленій, то именно постольку, поскольку они находятъ въ этихъ формахъ мышленія старый антропоморфизмъ, незаконную *подстановку* излишняго субъективнаго содержанія подъ объективныя данныя опыта. Правда, сторонники «чистаго описанія» не противъ подстановки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она очевидно-полезна и необходима—по отношенію къ людямъ и другимъ живымъ существамъ, дѣйствія которыхъ безъ помощи нея мы не могли бы предвидѣть; но и ее эти мыслители стремятся ввести въ рамки строго натуралистическаго познанія. Для этого они съ одной стороны очищаютъ ее отъ «интроэкціи», т. е. пространственнаго вкладыванія чувствъ, мыслей, стремленій и т. д. въ живой организмъ; съ другой стороны, они стараются ввести подстановку въ строго-научныя формулы «функціональной зависимости» фактовъ опыта: принимается, что опредѣленнымъ состояніямъ живого организма (для высшихъ существъ—именно центральной нервной системы) «функціонально соотвѣтствуютъ» строго опредѣленныя, вполнѣ одновременныя «психическія переживанія», при чемъ всякая попытка представить ту или другую сторону этой зависимости, «рядъ физіологическій» или «рядъ психическій», какъ *причину* другой, заранѣе признается незаконною, какъ внесеніе лишнихъ и противорѣчивыхъ элементовъ въ описаніе.

Здѣсь лежитъ крайній пунктъ реакціи «чистаго» натуралистическаго познанія противъ «анимистической» подстановки. Надо изслѣдовать, можетъ ли познаніе остановиться на этомъ

пунктѣ, можетъ ли оно принять безусловно методъ «чистаго описанія» въ *этой* его формѣ, и дѣйствительно ли чистое описаніе» вполнѣ устраняетъ подстановку за предѣлами живой природы.

III.

Познаніе имѣетъ практику своей основой и своей цѣлью; черная изъ нея свой матеріалъ, оно даетъ ей опору въ *предвидѣніи* будущаго. Именно поэтому центромъ познавательной жизни, къ которому тяготѣетъ каждое изъ безчисленныхъ частныхъ ея проявленій, была до сихъ поръ *причинная связь фактовъ*, связь ихъ *необходимой и постоянной послѣдовательности*. Предвидѣть надо то, чего еще нѣтъ, на основаніи того, что есть и было; поэтому жизненно-важна именно та зависимость, которая связываетъ *неодновременное*, связываетъ предшествующее къ послѣдующимъ. Такова всеобщая причинность явленій.

Въ своей борьбѣ противъ «фетишизма» причинности, новѣйшій позитивизмъ замѣняетъ ее чистой «функціональной зависимостью» фактовъ опыта. И дѣйствительно, устраняя изъ идеи причинности всякій антропоморфизмъ, мы получаемъ только строгую функціональную зависимость фактовъ, но именно—*фактовъ предшествующихъ съ послѣдующими*. Такую зависимость я и буду въ дальнѣйшемъ обозначать просто, какъ «причинность», не видя надобности отказываться отъ хорошаго стараго, всѣмъ привычнаго слова ради неуклюжей описательной формулы «функціональное отношеніе послѣдованности».

Но современный позитивизмъ признаетъ не только причинность въ этомъ смыслѣ слова, но и еще иную закономѣрность, а именно *функціональную зависимость одновременнаго*. Главнымъ полемъ этой зависимости является отношеніе «физіологіи» и «психики»: принимаютъ, что если имѣется извѣстное

состояніе нервныхъ центровъ, то одновременно имѣется и опредѣленный комплексъ «фактовъ сознанія», а также и наоборотъ. Эту форму функціональной зависимости я буду обозначать, какъ «параллелизмъ», чтобы не прибѣгать къ сложнымъ выраженіямъ въ родѣ «закономѣрной связи одновременнаго» и т. под.

Что параллелизмъ есть совершенно иная форма познанія, чѣмъ причинность, хотя бы онѣ и объединялись въ обобщающемъ неопредѣленномъ понятіи «функціональная зависимость» — это очевидно само собою. Что для познанія было бы громаднымъ выигрышемъ въ смыслѣ его стройности, его монистичности, если бы одна изъ этихъ категорій была сведена къ другой, или обѣ онѣ къ третьей, но вполнѣ опредѣленной, а не простой расплывающейся идеѣ связи вообще — это также очевидно. Полная самостоятельность обѣихъ категорій обозначаетъ *два совершенно различныхъ міра отношеній*, т.-е. строгій дуализмъ познанія. Съ точки зрѣнія позитивиста единственная возможная форма познавательнаго монизма есть единство основного типа группировки данныхъ опыта; а тутъ передъ нами выступаютъ *два* основныхъ типа, взаимно несводимыхъ.

Однако, что-жъ дѣлать? — спроситъ читатель. — Дуализмъ такъ дуализмъ, разъ строго научное и критическое отношеніе къ опыту не допускаетъ познавательнаго монизма, въ смыслѣ единаго всеобщаго типа систематизаціи опыта.

Но дѣйствительно ли дѣло обстоитъ такъ безнадежно?

Въ естественныхъ наукахъ связь параллелизма играетъ вполнѣ опредѣленную, и довольно важную роль. Тамъ въ очень многихъ случаяхъ выступаетъ такая формула: если въ изслѣдуемомъ объектѣ найдены такія же черты, то слѣдуетъ предположить еще такія то, повсюду ихъ сопровождающія, хотя въ данномъ случаѣ прямо не констатированныя. Напр., внѣшнимъ признакамъ извѣстнаго вида животныхъ соотвѣтствуетъ опредѣленное внутреннее строеніе, анатомическое и гистологическое; данному расположенію геологическихъ пластовъ — опре-

дѣленнаго рода животные и растительные остатки, въ нихъ находимые, и т. д., и т. д. Во всей «естественной исторіи», т. е. конкретно-описательной части естественныхъ наукъ, рѣшительно преобладаетъ формула «параллелизма»: каждый видъ, родъ, классъ и т. д. характеризуется именно какъ комбинація *параллельно* существующихъ, *одновременно* встрѣчающихся признаковъ и ихъ группировокъ. Такимъ образомъ, казалось бы, познавательная необходимость схемы «параллелизма», а съ ней и ея самостоятельное значеніе должны быть признаны безусловно.

Такъ это и было до выступленія на сцену идей эволюціонизма. Параллельное существованіе различныхъ формъ въ органической и неорганической природѣ, параллелизмъ во внутреннихъ соотношеніяхъ той или иной данной формы брались какъ фактъ, установленный опытомъ и не нуждающійся въ особомъ научномъ, *причинномъ* объясненіи. Вмѣсто такого объясненія предлагались либо ссылка на актъ творенія, либо на цѣлесообразность даннаго параллелизма. Но при этомъ къ двумъ научнымъ формамъ группировки присоединялись только двѣ ненаучныя, заимствованныя изъ области «подстановки»: свобода творящей воли, и теологія (чаще всего объединяемыя въ идеѣ «теологическаго творчества»).

Однако, уже тотъ фактъ, что для «объясненія» параллелизма примѣнялись такіе суррогаты причинности, указывалъ на потребность именно въ причинномъ объясненіи, указывалъ на то, что мышленіе *органически* не могло остановиться на простомъ констатированіи того или иного параллелизма. Эволюціонизмъ уже опредѣленно поставилъ вопросъ о *причинахъ* міроваго и органическаго развитія; онъ задался цѣлью *причинно* объяснить, почему органическія формы представляютъ такіе-то комплексы признаковъ, а солнечная система—такое-то строеніе, и т. д. При этомъ параллелизмъ явленій получилъ совершенно новое научное значеніе: если въ опредѣленныхъ формахъ признаки A, B, C,.... всюду встрѣчаются «параллельно» съ признаками X, Y, Z,.... то это имѣетъ свою *причину* въ предыду-

щихъ фазахъ развитія этихъ формъ и въ условіяхъ среды, подъ которыми онѣ развивались. Параллелизмъ сводится при этомъ къ причинности.

Біологія знаетъ не мало такъ наз. «соотносительныхъ уклоненій», которыя выступаютъ въ развитіи рядомъ и одновременно, хотя причинной связи между ними уловить совершенно не удается. Почему, напр., у кошекъ «параллельно» съ голубымъ цвѣтомъ глазъ наблюдается глухота? Этого мы еще не знаемъ, и однако никому въ голову не приходитъ отказаться отъ вопроса «почему?» и заявить: констатировано функціональное отношеніе одновременнаго существованія у кошекъ глухоты и голубоглазія,—дальше тутъ искать нечего, стремленіе найти причины этого факта въ корнѣ ошибочно. Такая точка зрѣнія была бы признана ненаучной.

Только въ одномъ случаѣ современный позитивизмъ поступаетъ такимъ образомъ: въ вопросѣ о соотношеніи жизни физіологической и психической. Тамъ онъ заявляетъ: частью констатирована, частью гипотетически признается функціональная зависимость одновременнаго существованія опредѣленныхъ нервныхъ процессовъ и опредѣленныхъ «психическихъ» комплексовъ. Дальше этого принципіально итти некуда, возможно только изслѣдованіе частныхъ случаевъ данной зависимости; стремленіе же «объяснить» ее сведеніемъ ея къ причинной связи необосновано и ненаучно, оно выходитъ за предѣлы чистаго описанія данныхъ опыта.

Естественно, что такая точка зрѣнія насъ не удовлетворяетъ. Признавая двѣ принципіально различныя формы функціональной зависимости—причинность и параллелизмъ, признавая законность подчиненія второй изъ нихъ — первой формѣ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, отношенія физіологіи и психики, мы получаемъ крайне дисгармоничную систему познанія: грандіозный міръ непрерывныхъ причинныхъ связей, къ которому сбоку прилѣплена ограниченная область отношеній чистаго параллелизма; и чтобы сохранить полную независимость этой области, на границѣ ея поставленъ ангелъ

строгаго позитивизма съ огненнымъ мечемъ, не допускающій никакой завоевательной попытки со стороны причиннаго познанія. По сравненію съ такой картиной познанія даже полный дуализмъ представлялъ бы нѣчто стройное и цѣлостное.

Какъ было выяснено, тотъ параллелизмъ, который создаетъ эту дисгармонію, есть результатъ научнаго очищенія старой подстановки «психическаго» подъ «физическое»; и вопросъ объ единомъ типѣ познавательной группировки фактовъ опыта сводится къ вопросу о введеніи «подстановки» въ схемы научной причинности.

IV.

Строго-научная форма «подстановки» такова: опредѣленнымъ физіологическимъ состояніемъ нервныхъ центровъ соотвѣтствуютъ опредѣленные факты сознанія.

Первый возникающій здѣсь вопросъ: что такое съ точки зрѣнія опыта тотъ самый «физіологическій процессъ», которому соотвѣтствуетъ процессъ психическій?

Человѣкъ для человѣка прежде всего—воспріятіе, слагающееся изъ зрительныхъ, тактильныхъ, акустическихъ и иныхъ элементовъ. Въ ряду многократныхъ повтореній комплексъ этотъ пріобрѣтаетъ устойчивость и опредѣленность. Благодаря его сходству съ другимъ подобнымъ комплексомъ — воспріятіемъ собственнаго тѣла лица познающаго — комплексъ этотъ дополняется посредствомъ, «подстановки», и возникаетъ «общеніе людей:—коллективный опытъ, передаваемый въ «высказываніяхъ», создаетъ идею *непрерывнаго* существованія этого, какъ и другихъ, аналогичныхъ по устойчивости, комплексовъ; въ коллективномъ опытѣ они «существуютъ» независимо отъ того, «воспринимаются» ли въ данный моментъ даннымъ лицомъ, или нѣтъ,—они существуютъ, какъ «тѣла»[*]).

*) Подробнѣе объ этомъ въ ст. «Идеалъ познанія» (Эмпиріомонизмъ», Моск. 1904).

Такимъ образомъ «физическое тѣло» есть результатъ группировки и систематизаціи *воспріятій*, сначала индивидуальной, затѣмъ коллективной. То же относится, очевидно и къ «физіологическому процессу нервной системы», при чемъ такого рода комплексъ развивается уже на еще болѣе высокой стадіи организаціи коллективнаго опыта—на ступени научной его обработки. Въ виду этого, вопросъ о параллелизмѣ физіологическаго процесса съ психическимъ сводится къ другому вопросу—о параллелизмѣ психическаго процесса съ воспріятіемъ—въ психикѣ другихъ существъ—соотвѣтственнаго физіологическаго процесса.

Поясню это на конкретномъ примѣрѣ. Въ одномъ изъ обычныхъ опытовъ, *относящихся къ выясненію природы эмоцій*, собакѣ, у которой снята часть черепной крышки, причиняютъ сильный испугъ: мгновенно мозгъ блѣднѣетъ и уменьшается въ объемѣ (сжатіе сосудовъ, особенно мелкихъ артеріи и капилляровъ). Съ точки зрѣнія *психическаго* опыта пациента и экспериментатора дѣло представляется такъ: въ сознаніи собаки выступаетъ своеобразный, сложный, неопредѣленный и колеблющійся комплексъ элементовъ иннерваціонныхъ, общаго органическаго чувства, страданія и т. д., обозначаемый словомъ «страхъ»; въ психикѣ наблюдателя—опредѣленное измѣненіе того комплекса, который представляетъ «воспріятіе мозга собаки»,—именно, быстро уменьшается сумма элементовъ пространственныхъ и тактильныхъ (уменьшеніе объема), еще быстрѣе—сумма элементовъ «краснаго» (поблѣдненіе мозга), и т. д. У собаки «непосредственное переживаніе»—испугъ, у наблюдателя—совершенно не похожее, но вполнѣ опредѣленное, функціонально связанное съ первымъ переживаніе—воспріятіе измѣненій мозга собаки. «Параллелизмъ» этихъ двухъ переживаній различныхъ существъ и представляетъ ту задачу, разрѣшеніе, которой даетъ ключъ къ пониманію психо-физіологическаго параллелизма, такъ какъ «процессъ физіологическій» есть результатъ систематическаго объединенія и гармонизаціи соотвѣтственныхъ воспріятій.

Теперь мы вернемся на минуту къ общей схемѣ причинности и для сравненія съ только-что обрисованной функціональной зависимостью возьмемъ нѣсколько типичныхъ случаевъ функціональной зависимости *причиннаго* характера.

Если плотность воздуха уменьшается, то ртуть въ барометрѣ падаетъ. Вотъ функціональная зависимость опредѣленной послѣдовательности. Что общаго между послѣдовательно выступающими комплексами — совокупностью атмосферныхъ измѣненій даннаго рода и измѣненіемъ уровня ртути? *Качественно*—между ними нельзя найти ни малѣйшаго сходства. Это не мѣшаетъ имъ находиться въ отношеніи «причины» и «слѣдствія». Однако, чтобы полностью охватить это отношеніе причинности, надо принять во вниманіе и устройство барометра: оно—необходимое условіе даннаго результата, составная часть его «причины».—Чтобы сдѣлать изложеніе болѣе простымъ и наглядным, я буду обозначать такую связь фактовъ терминомъ «отраженіе». Нашъ примѣръ тогда можно выразить такъ: пониженіе плотности воздуха «отражается» въ механизмѣ барометра въ видѣ движенія ртутнаго столба внизъ.

Итакъ, между «отражаемымъ» и «отраженіемъ», при ихъ строгой функціональной зависимости, возможно полнѣйшее качественное несходство. Такое несходство является даже скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. Въ немъ нѣтъ ничего загадочнаго: мы знаемъ, что ближайшимъ образомъ «отраженіе» опредѣляется именно *отражающей средой*, тѣмъ комплексомъ, *въ которомъ* отражается данное явленіе, и уже въ меньшей степени—этимъ «отражаемымъ» явленіемъ.

Беремъ еще нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ. Мелодія, звучащая близъ фонографа, отражается на его валикѣ въ видѣ совершенно непохожаго на нее ряда черточекъ; колоссальный физическій комплексъ — планета, со всѣмъ громаднымъ разнообразіемъ ея строенія, отражается въ сѣтчаткѣ человѣка, живущаго на землѣ, въ видѣ минимальныхъ химическихъ измѣненій на пространствѣ нѣсколькихъ микроновъ.

Послѣдній примѣръ удобно варіировать такъ, чтобы онъ приближалъ насъ къ нашему основному вопросу, объ отношеніи физическаго и психическаго: цѣлый міръ физическихъ комплексовъ, включающій, можетъ быть, громадную массу интенсивной жизни, отражается въ психикѣ земного наблюдателя какъ воспріятіе маленькой свѣтлой точки съ расходящимися короткими лучами на темно-голубомъ фонѣ.

Въ сферѣ психическаго опыта легко констатировать тѣ же отношенія. Одинъ психическій комплексъ, «отражаясь» въ другомъ, вызываетъ функціонально-опредѣленное его измѣненіе, которое можетъ оказаться совершенно несходно съ «отражающимся» комплексомъ. У васъ, напр., имѣется вполнѣ опредѣленное, сложившееся представленіе о лицѣ *A*, какъ интеллектуальной и моральной личности; въ ваше сознаніе вступаетъ «воспріятіе» нѣсколькихъ строчекъ, написанныхъ имъ, или нѣсколькихъ фразъ, имъ сказанныхъ, — и все ваше представленіе о немъ быстро мѣняется. При этомъ новыя комбинаціи, вошедшія въ представленіе объ *A*, какъ его характеристики, нисколько не похожи на тѣ зрительныя или слуховыя воспріятія, которыя вызвали измѣненіе,—которыя въ немъ «отразились».—Точно такъ же какая-нибудь новая «идея», проникая въ наше міровоззрѣніе и шагъ за шагомъ его преобразуя, «отражается» въ цѣлой массѣ вашихъ представленій, — но измѣненія, которыя она въ каждомъ изъ нихъ вызываетъ, качественно далеко не сходны съ этой самой идеей, далеко не представляютъ простого ея включенія въ данныя психическія формы.

Резюмируя подобныя отношенія, приходится сказать: если комплексъ *A* отражается въ какомъ-либо комплексѣ *B*, то отраженіе лишь функціонально опредѣляется отражаемымъ, являясь (вообще говоря) качественно съ нимъ несходнымъ. Это относится ко всевозможнымъ комплексамъ опыта, и представляетъ частную характеристику причинной связи фактовъ опыта.

Психическая жизнь каждаго человѣка есть чрезвычайно

сложный и обширный комплексъ, но все-же только комплексъ элементовъ опыта. Пусть имѣется два такихъ комплекса — психика человѣка *A* и психика человѣка *B*. Спрашивается, въ какомъ видѣ одинъ изъ нихъ — положимъ, *A*, — можетъ отразиться въ другомъ — въ комплексѣ *B*, предполагая, конечно, что онъ вообще *можетъ* въ немъ отразиться, какъ принадлежащій къ одной съ нимъ «природѣ?» На основаніи предыдущаго, приходится считать наиболѣе вѣроятнымъ, что «отраженіе» окажется совершенно несходно съ отражаемымъ, но связано съ нимъ опредѣленной функціональной зависимостью.

Теперь припомнимъ то, что мы передъ этимъ говорили о связи процесса психическаго и физіологическаго. Мы нашли, что въ формулѣ ихъ зависимости, не мѣняя ея основного характера («параллелизмъ»), вмѣсто физіологическаго процесса можно подставить воспріятіе его другимъ живымъ существомъ.

Сопоставляя съ только-что полученной схемой, получаемъ два соотношенія, которыя для наглядности я напишу рядомъ:

1. Психическій процессъ человѣка *A*.	1. Психическій процессъ человѣка *A*.
Функціонально съ нимъ связано:	*Функціонально съ нимъ связано:*
2. Воспріятіе соотвѣтственнаго физіологическаго процесса въ психикѣ другого человѣка *B*.	2. Его отраженіе (ближе пока не опредѣленное) въ психикѣ другого человѣка *B*.
Функціональная зависимость (предполагается) параллелизмъ.	*Функціональная зависимость—причинность.*
1-ое и 2-ое совершенно несходны качественно.	1-ое и 2-ое могутъ быть совершенно несходны качественно.

Сравнивая оба соотношенія, находимъ поразительное сходство. Главная разница заключается, на первый взглядъ, въ томъ, что одна зависимость — параллелизмъ (т.-е. одновремен-

ность), а другая—причинность (т.-е. послѣдовательность). Но дѣйствительно ли въ первомъ случаѣ имѣется полная одновременность? Конечно, нѣтъ: воспріятіе физіологическаго процесса въ психикѣ другого человѣка *неизбѣжно запаздываетъ* по сравненію съ тѣмъ психическимъ процессомъ, которому оно соотвѣтствуетъ. Такимъ образомъ и здѣсь дѣло идетъ не о точной одновременности, а о *послѣдовательности*, и различія между двумя отношеніями не оказывается.

При такомъ совпаденіи двухъ нашихъ рядовъ самой вѣроятной гипотезой является ихъ отожествленіе: неизвѣстный пока еще 2-й членъ второго отношенія тожественъ со 2-мъ членомъ перваго отношенія, какъ тожественны уже 1-е члены. Другими словами: отраженіемъ психическихъ процессовъ человѣка *A* въ психикѣ *B* является «воспріятіе соотвѣтственныхъ физіологическихъ процессовъ».

Выводъ этотъ создаетъ далеко не обычную и на видъ парадоксальную точку зрѣнія. Отнесемся же къ нея со всѣмъ сомнѣніемъ, какое подобаетъ проявлять при встрѣчѣ съ неожиданной гипотезой, и прослѣдимъ, противорѣчитъ ли она опыту.

V.

Прежде всего, очевидно, что эта точка зрѣнія не можетъ, по существу дѣла, остаться въ рамкахъ того случая, который мы разсмотрѣли. Она должна быть отнесена къ воспріятію всякаго живого существа всякимъ другимъ живымъ существомъ. Получается такой выводъ: всякое живое существо, какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, «отражается» въ другомъ живомъ существѣ (и даже въ себѣ самомъ), какъ «воспріятіе тѣла».

Если такъ, то представляется, повидимому, неизбѣжнымъ признаніе *полнаго* параллелизма физіологическихъ и психическихъ процессовъ: всякому «воспріятію» физіологическаго процесса,—стало быть, и самому физіологическому процессу, дол-

женъ соотвѣтствовать процессъ психическій, который «отражается» въ этомъ воспріятіи. Это совершенно обязательный, повидимому, выводъ изъ того, что никакой принципіальной разницы между физіологическими процессами нервной системы и прочими физіологическими процессами указать нельзя.

Этого мало. Процессы физіологическіе также принципіально не отличаются отъ процессовъ неорганическихъ, изъ которыхъ возникаютъ и въ которые переходятъ. «Воспріятіе» живого и «воспріятіе» не живого тѣла находится въ одной непрерывной цѣпи. Надо, повидимому, распространить нашъ параллелизмъ физическаго и психическаго на всю природу, принять, что въ нашихъ «воспріятіяхъ» неорганической природы «отражается» что-то «психическое».

Итакъ, повидимому, наша точка зрѣнія ведетъ къ *панпсихизму*. Впрочемъ, уже очевидно, что если тутъ и окажется «панпсихизмъ», то не дуалистическій, который повсюду *вкладываетъ* психическое въ физическое, а совсѣмъ иной: строго монистическій, для котораго «физическое» не оболочка «психическаго», а своеобразное его отраженіе: настоящее его «инобытіе». Для такого панпсихизма физическое тѣло является результатомъ опредѣленной группировки, координаціи, результататомъ процесса «организаціи» однородныхъ воспріятій, которыя сами представляютъ изъ себя отраженіе одного психическаго» въ другомъ «психическомъ». Словомъ, дѣло сводится, повидимому, къ строгому панпсихическому монизму.

Въ дѣйствительности, однако, это не такъ. «Панпсихизмъ» неминуемо связывается съ ошибочнымъ понятіемъ о *строеніи* различныхъ комплексовъ, образующихъ природу. Чтобы понять, въ чемъ его ошибочность, надо прежде всего выяснить себѣ, что есть «психическое».

VI.

Изслѣдуя различные комплексы элементовъ опыта, легко установить *три* различныхъ типа связи элементовъ.

Въ нашемъ опытѣ проходятъ различныя образы; каждый изъ нихъ представляетъ изъ себя нѣкоторое непосредственное сочетаніе элементовъ. Пока это сочетаніе является для васъ просто *даннымъ*, пока вы его вовсе и не разлагаете, не преобразовываете, не соединяете ни съ какой опредѣленной характеристикой, до тѣхъ поръ дѣло идетъ о первоначальной и основной, о *непосредственной* формѣ связи элементовъ опыта въ комплексы.

Мы разлагаемъ, однако, различные комплексы своего опыта на другіе, меньшіе комплексы и далѣе на элементы. Такое разложеніе предполагаетъ извѣстныя условія. Чтобы цѣльный комплексъ A разложился на свои части x, y, z, для этого требуется, чтобы эти части выступали въ опытѣ не только вмѣстѣ, но и отдѣльно, и чтобы въ памяти познающаго сохранились и и тѣ и другіе случаи, благодаря чему было бы возможно ихъ сравненіе. Иначе комплексъ A былъ бы для познающаго всегда только непосредственно-даннымъ A, и ничѣмъ больше; не возникало бы даже мысли о возможности его разложенія.

Совокупность указанныхъ условій характеризуетъ *ассоціативную* связь опыта, или связь *психическую*. Если комплексы x, y, z выступаютъ иногда вмѣстѣ, иногда нѣтъ, и притомъ такъ, что это *констатируется*, замѣчается, то они «ассоціированы» между собою, и «ассоціированы» съ массой другихъ комплексовъ, образующихъ систему «памяти» и «сознанія», образующихъ *психическую* систему. Эти элементарныя психологическія соображенія не нуждаются, я думаю, въ особыхъ доказательствахъ; а они вполнѣ достаточно обрисовываютъ «психическую» часть опыта. Это—ассоціативная связь въ ассоціативной системѣ.

Въ опытѣ «физическомъ» связь комплексовъ представляетъ иныя особенности, выражаемыя терминами «непрерывность» и «необходимость». Это *объективно-закономѣрная* связь опыта. Комплексы, объединенные такой связью—«тѣла» или «процессы» физическаго міра, не могутъ приниматься существующими то цѣликомъ, то по частямъ, то въ одной комбинаціи, то въ другой,

какъ ассоціативные комплексы. Для каждаго даннаго момента «физическіе «комплексы» представляютъ вполнѣ опредѣленную систему, измѣняющуюся лишь путемъ непрерывныхъ переходовъ отъ одного сочетанія къ другому, связанному съ нимъ необходимой зависимостью. Зависимость эта «объективна», то есть, не мѣняется съ индивидуальностью познающаго, а остается для самыхъ различныхъ индивидуумовъ одной и той же, «общезначимой»[*]). Это наиболѣе опредѣленная форма связи элементовъ опыта и его комплексовъ.

Три типа связи опыта соотвѣтствуютъ тремъ кантовскимъ категоріямъ реальности, возможности, необходимости. Непосредственная связь есть въ то же время и первичная и всеобщая, именно потому, что она наименѣе опредѣленная, и *заключается* какъ въ ассоціативной, психической связи, такъ и въ объективной, физической, охватываетъ, слѣдовательно, всякій опытъ всякую «реальность». Напротивъ, ассоціативная связь, положимъ, комплексовъ *A* и *B* выражается въ томъ, что они то являются вмѣстѣ, то не вмѣстѣ, т. е. эта связь имѣетъ окраску *возможности*. Вообще, возможность есть только «психическая» комбинація: въ данномъ случаѣ, эта комбинація представленій о тѣхъ случаяхъ, когда *A* выступаетъ вмѣстѣ съ *B* и о тѣхъ случаяхъ, когда *A* выступаетъ внѣ связи съ *B*. Напр., «возможно», что «онъ» (такое-то лицо) находится «дома» или «не-дома»: то и другое пока только мои представленія, находящіяся въ ассоціативной связи между собою и другими представленіями, то и другое, слѣдовательно, *психическая реальность*.—Реальность «необходимая» или «объективная» уже этой психической реальности; въ данномъ случаѣ она сводится къ одному опредѣленному факту *физическаго* опыта,—напр.: «онъ» (въ дѣйствительности) «дома». И очевидно, что психическая, ассоціативная связь *заключается* уже въ этой необходимой связи: неопредѣленная и

[*]) Эта надъ-индивидуальная «общезначимость» отношеній даннаго типа является результатомъ и выраженіемъ надъ-индивидуальной, т. е. *соціальной* организаціи опыта (см. мою ст. «Идеалъ познанія» въ сборникѣ «Эмпиріомонизмъ»).

текучая комбинація комплексовъ здѣсь только превращается въ опредѣленную, какъ-бы кристаллизовавшуюся, которая можетъ быть измѣнена только другими комбинаціями того же порядка («объективными силами»).

Такимъ образомъ три типа связи элементовъ и комплексовъ опыта являются въ то же время тремя фазами его прогрессивной организаціи: каждый низшій типъ есть исходная точка для развитія высшаго и неминуемо имъ включается: каждый высшій имѣетъ свои особыя предпосылки, которыхъ не хватаетъ низшему. Для *психическаго* типа связи, который намъ важно теперь отчетливо представлять, чтобы рѣшить вопросъ о «панпсихизмѣ», для психическаго типа такія предпосылки: наличность организованной «ассоціативной» системы (память, сознаніе) и ограниченная измѣнчивость комбинаціи (какая свойственна «ассоціаціямъ» образовъ, представленій т. под.). Гдѣ нѣтъ этихъ предпосылокъ, тамъ не должно быть и рѣчи о «психическомъ».

VII.

Если, какъ мы приняли, психическій процессъ и его физіологическій эквивалентъ относятся между собою, какъ «отражаемое» и «отраженіе», то заключеніе отъ второго къ первому такъ же законно, какъ и наоборотъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что отъ *всякаго* физіологическаго процесса мы можемъ заключить именно къ «психическому», который въ немъ выражался бы?

«Психическое» есть ассоціативная комбинація въ ассоціативной системѣ, т. е. организованная часть организованнаго цѣлаго. Соотвѣтственный «первный процессъ» называется нами такъ же, какъ организованное измѣненіе въ организованной системѣ. Это вполнѣ понятно: организованность отражаемаго выступаетъ въ организованности отраженія. Но изъ этого получается тотъ выводъ, что *предполагать* первую мы имѣемъ право только тамъ, гдѣ *имѣется* вторая. Такимъ образомъ,

исходя изъ «параллелизма» физіологическихъ и психическихъ процессовъ, мы научнымъ образомъ лишь настолько можемъ принимать за какимъ-нибудь физіологическимъ комплексомъ — психическій, насколько *организованность* перваго позволяетъ предполагать ассоціативный характеръ второго. Другими словами, за той или иной, данной въ опытѣ «физіологической жизнью» слѣдуетъ предполагать «психическую» лишь постольку и въ такой мѣрѣ, поскольку и въ какой мѣрѣ организованность первой соотвѣтствуетъ организованности процессовъ нервной системы.

Такимъ образомъ, въ полномъ согласіи съ опытомъ, слѣдуетъ прежде всего принять, что низшимъ формамъ нервной системы соотвѣтствуютъ низшія реформы «психической» ассоціативной жизни. А тамъ, гдѣ нѣтъ нервной системы? Насколько можно судить, всякая живая клѣтка способна «накоплять» энергію раздраженій и «привыкать» къ опредѣленнымъ реакціямъ на повторяющіяся комбинаціи условій. Это заставляетъ уже предполагать элементарныя формы *памяти*, т. е. ассоціативныхъ, психическихъ группировокъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что всякій организмъ съ сложной нервной системой развивается изъ *одной недифференцированной клѣтки*, такъ что въ жизни этой эмбріональной клѣтки и приходится искать исходной точки всего развертывающагося богатства ассоціативныхъ комбинацій. Словомъ, слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что организованный живой бѣлокъ есть физическое выраженіе («или отраженіе») непосредственныхъ переживаній *психическаго* характера, конечно, тѣмъ болѣе элементарныхъ, чѣмъ болѣе элементарна организація этого живого бѣлка въ каждомъ данномъ случаѣ.

Что же слѣдуетъ предполагать за предѣлами организованныхъ бѣлковыхъ тѣлъ, гдѣ мы встрѣчаемся со всевозможными другими, гораздо менѣе сложными «матеріальными» комбинаціями, химическими и физическими? Очевидно, что за этими *неорганизованными* тѣлами нѣтъ основаній принимать «психическія», т. е. ассоціативно-организованныя группировки. Но не

принимать *ничего* было бы рѣзкимъ скачкомъ познанія, нарушеніемъ его основного принципа—*непрерывности*. Это значило бы признать, что нѣчто, *само по себѣ* (внѣ нашего сознанія) является *ничѣмъ*, и тѣмъ не менѣе вызываетъ въ этомъ сознаніи нѣчто положительное («воспріятіе физическаго тѣла»),— и вызываетъ закономѣрно, необходимо; тогда какъ въ другихъ случаяхъ вызывающее вполнѣ аналогичный результатъ («воспріятіе физіологическаго процесса») «нѣчто» и *само по себѣ представляетъ нѣчто положительное* (чужая психика, существующая и внѣ нашего сознанія). Предлагаю читателю нѣсколько вдуматься въ это, по необходимости (вслѣдствіе недостатка въ нашемъ языкѣ точно соотвѣтствующихъ понятіямъ терминовъ) запутанно и неуклюже выраженное сопоставленіе,— и онъ пойметъ, что видѣть въ физическомъ комплексѣ *только* этотъ непосредственно данный въ воспріятіи комплексъ, значило бы признавать, что иногда нѣчто возникаетъ изъ ничего, признавать непрерывный актъ чудеснаго творенія.

Что же, однако, слѣдуетъ принимать за этимъ «чисто физическимъ комплексомъ», если, какъ указано, нельзя принимать «психическаго», потому что ассоціативная организованность выражается въ физіологической? Гдѣ нѣтъ предпосылокъ психической связи элементовъ и группировокъ, тамъ остается только связь *непосредственная*—низшая форма связи. Ее то и приходится съ точки зрѣнія строгой научной аналогіи принимать въ данномъ случаѣ.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что «подстановка» психическихъ комплексовъ подъ всевозможные физическіе невозможна, но что подстановка вообще необходима, если познаніе остается вѣрнымъ принципу непрерывности. Для неорганической природы комплексы «подставляемые» должны оказаться неорганизованными, не абсолютно неорганизованными, разумѣется, а только относительно, т. е. объединенными только низшей связью, которую мы назвали «непосредственной».

Не панпсихизмъ, а строго-научная подстановка—организованныхъ психическихъ комплексовъ подъ организованные фи-

біологическіе, неорганизованныхъ непосредственныхъ подъ неорганизованные физическіе,—такова наша точка зрѣнія. Она представляетъ природу, какъ безконечный рядъ комплексовъ, разлагающихся на тѣ же элементы, которые суть и элементы нашего опыта, обладающихъ самыми различными степенями организованности, и «отражающимися» одни въ другихъ такъ, какъ это происходитъ въ нашемъ опытѣ.

VIII.

Хорошо, замѣчаетъ читатель, ваша точка зрѣнія монистична, но она требуетъ «подстановки» и тамъ, гдѣ научное познаніе отъ этого отказывалось или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ безъ этого обходилось. Не является ли такая точка зрѣнія лишнимъ балластомъ для познанія? Не противорѣчитъ ли ея требованіе признаваемому вами принципу экономіи въ трудѣ мышленія? И кромѣ того, требуя подстановки, она вовсе не указываетъ, *что же именно* слѣдуетъ подставлять, напр., подъ тѣ или другіе опредѣленные неорганическіе процессы физическаго міра, и какая въ каждомъ такомъ случаѣ получается польза для познанія. Не значитъ ли это—уходить въ туманы самодовлѣющаго философствованія, т. е. по-просту—метафизики?

Всѣ эти возраженія очень серьезны, и должны быть взвѣшены очень строго, а отвѣтъ на нихъ долженъ быть какъ можно болѣе точный; иначе крушеніе нашего «эмпиріомонизма» неминуемо на первыхъ же шагахъ.

И первое, на что я укажу въ анализѣ возраженій, это *невѣрность* главной посылки,—будто научное познаніе обходилось до сихъ поръ безъ «подстановки» въ области познанія неорганической природы. Нѣтъ, подстановка постоянно практиковалась, только это была подстановка *физическаго подъ физическое.*

Что такое—механическая теорія теплоты, эфирная теорія свѣтовыхъ волнъ и другія аналогичныя теоріи, сослужившія

громадную службу наукѣ,—какъ не теоріи подстановки, съ точки зрѣнія которыхъ наши тепловыя, свѣтовыя и т. под. воспріятія представляютъ лишь *отраженія* въ нашей психикѣ иныхъ «непосредственныхъ комплексовъ», мыслящихся въ видѣ молекулярно-механическихъ колебаній, волнъ эфира и т. под. Принципіально—это совершенно такая же «подстановка», какъ подстановка «вещи въ себѣ» подъ «явленіе», и въ концѣ концовъ—какъ подстановка психическаго подъ физіологическое. Вопросъ только въ томъ, насколько удачна та или другая подстановка, насколько цѣлесообразна она для познанія.

Съ этой точки зрѣнія подстановка «физическаго» подъ «физическое» заключаетъ въ себѣ большіе недостатки.

Въ самомъ дѣлѣ «физическое» означаетъ опредѣленную связь опыта, самую стройную, самую организованную, наиболѣе выработанную форму этой связи (объективная закономѣрность). Таково физическое въ нашемъ опытѣ, таково оно какъ *отраженіе* непосредственныхъ комплексовъ, воздѣйствующихъ на различныя, соціально-связанныя общеніемъ психики живыхъ существъ. Но эта организованность даннаго *отраженія* принадлежитъ именно *отражающему* — соціально-психической средѣ, ею дается, въ ней вырабатывается; *отражаемое* само по себѣ можетъ совсѣмъ не представлять такой степени организованности; и, какъ мы показали, по отношенію къ неорганическимъ процессамъ природы даже неизбѣжно принять самую низшую степень организованности «отражаемаго». Когда подъ тепловые или свѣтовые комплексы подставляются комплексы «механическіе», то это значитъ, что высшая организованность опыта переносится за предѣлы той области, въ которой она дѣйствительно существуетъ, что она принимается независимо отъ своего реальнаго жизненнаго базиса—коллективно-познавательнаго организующаго процесса. Это ошибка того же типа, какъ приписываніе камню души, подобной душѣ человѣка. Эту ошибку прогрессъ познанія долженъ устранить.

Современная наука и обнаруживаетъ тенденцію исправить «подстановку», освободивши ее отъ указаннаго недостатка; тенденція эта врядъ ли ясно сознается, не всегда правильно проводится, но съ несомнѣнностью выступаетъ въ *новѣйшихъ* научныхъ теоріяхъ, каковы напр. электромагнитная теорія свѣта, электронная теорія массы и т. под. Въ этихъ теоріяхъ нѣтъ уже ни молекулъ, ни атомовъ, какъ особыхъ устойчивыхъ реальностей, скрытыхъ подъ текучей реальностью опыта; въ нихъ есть, повидимому, только голыя формулы и схемы, которыми связываются прямыя данныя опыта. Однако, вглядываясь въ эти формулы и схемы, легко убѣдиться, что за ними опять-таки скрывается «подстановка», только сознательно-неопредѣленная, избѣгающая перенесенія образовъ высшей организованности въ область подкладки явленій низшей организованности. Такія понятія, съ какими оперируютъ эти теоріи, напр. «напряженіе» въ той или иной точкѣ электрическаго или магнитнаго поля, «электронъ», положительный или отрицательный и т. под., не выражаютъ *никакого опредѣленнаго опытнаго содержанія* («чувственно» опредѣленнаго), но выражаютъ безконечный рядъ «потенцій», *возможностей* вполнѣ опредѣленнаго опыта, а не простое отсутствіе содержанія. Всѣ эти возможности имѣютъ отнюдь не субъективный характеръ, какъ въ психическомъ опытѣ, а вполнѣ *объективный*: каждая изъ нихъ, лишь только присоединяются опредѣленныя условія (для каждой особыя), переходитъ въ «необходимость», въ объективную, т. е. общезначимую дѣйствительность: при такихъ-то дополнительныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ даннаго потенціала и напряженія, обнаружатся такія-то тепловыя явленія, т. е. такія-то воспріятія въ психикѣ каждаго нормально организованнаго наблюдателя, при другихъ — такія-то свѣтовыя явленія, напр. воспріятіе искры, при третьихъ—такія-то механическія, и т. д. Каждая изъ этихъ возможностей существуетъ, слѣдовательно, не только для даннаго лица, въ данный моментъ принимающаго эти «символы» для опредѣленнаго поля

наблюденій,—но и независимо отъ его ограниченнаго личнаго опыта. Что же это значитъ?

Это можетъ означать только одно,—что даннымъ «симво ламъ» соотвѣтствуетъ «нѣчто», не зависящее отъ индивидуальнаго опыта той или иной личности, реальность, не связанная предѣлами такого опыта, лежащая даже внѣ *прямого* личнаго опыта, но входящая въ него *косвенно*. Метафизической она въ силу такого отношенія къ индивидуальному опыту отнюдь еще не дѣлается, какъ не дѣлается метафизической реальностью чужое сознаніе, точно также не доступное моему или вашему прямому личному опыту, но точно также составляющее для насъ подкладку различныхъ «возможностей». Если та реальность, о которой мы говорили, ближе не опредѣляется — опредѣляются только связанныя съ нею «возможности»,—то это въ данномъ случаѣ всего легче согласуется съ мыслью объ ея общей «неопредѣленности» или неорганизованности. Представлять же ее принципіально неоднородной съ нашимъ опытомъ, неоднородной съ нимъ по содержанію, по матеріалу, по «элементамъ», было бы нелѣпо, ибо тогда было бы немыслимо самое вліяніе ея на нашъ опытъ: различія по существу, субстанціальныя различія исключаютъ взаимодѣйствіе. Такимъ образомъ, все заставляетъ насъ принять, что искомая реальность сводится къ неорганизованному комплексу элементовъ, аналогичныхъ элементамъ опыта.

Какъ видимъ, развитіе науки и здѣсь, въ сущности, не устраняетъ подстановку, а исправляетъ ее. Всякая научная теорія, устанавливая для неорганическихъ явленій «объективную», т.-е. не только индивидуально-значимую закономѣрность, тѣмъ самымъ совершаетъ подстановку — принимаетъ «реальность» за предѣлами прямого опыта. Правильность подстановки провѣряется послѣдующимъ опытомъ, и на этомъ пути измѣняются формы и способы подстановки. Тенденція въ сторону «чистаго описанія» означаетъ только борьбу противъ подстановки комплексовъ высшаго типа подъ явленія низшаго типа, комплексовъ «физическихъ» и «психическихъ», въ томъ

и другомъ случаѣ—высоко-организованныхъ, подъ неорганическіе процессы. Но даже самое «чистое» описаніе принимаетъ подстановку въ тотъ самый моментъ, какъ оно признаетъ «объективность» своихъ «функціональныхъ соотношеній»: въ этомъ признаніи заключается мысль о реальности, независимой отъ личнаго опыта одного, другого, третьяго лица, но «отражающейся» въ этомъ опытѣ, вліяющей на его теченіе.

Замѣчу, во избѣжаніе недоразумѣній, что «объективность», о которой здѣсь идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ *абсолютной* объективностью кантіанскихъ гносеологовъ. Это только та «общезначимость» фактовъ и отношеній, которая констатируется въ общеніи живыхъ существъ; это общезначимость не безусловная, и даже неполная, но тѣмъ не менѣе—*надъ-индивидуальная*; и ея достаточно для того, чтобы признать надъ-индивидуальную же, т.-е. стоящую внѣ прямого личнаго опыта реальность, какъ «причину» явленій, органическихъ и неорганическихъ, относимыхъ къ «объективному» міру. «Подстановка» этой реальности, принципіально возможная повсюду, гдѣ дѣло идетъ объ «объективно-существующемъ». практически должна выполняться лишь постольку, поскольку она *познавательно-полезна*, поскольку она расширяетъ область предвидѣнія. Никто не сомнѣвается въ законности «подстановки» тамъ, гдѣ передъ нами живое, «сознательное» существо; но когда это существо падаетъ на насъ съ крыши, то намъ, для предвидѣнія практически-важныхъ для насъ послѣдствій, безполезно подставлять подъ движенія этого существа его «психику»,— это было бы даже вредной потерей времени. Достаточно сознавать, что это паденіе—фактъ *объективный*, а не субъективный образъ нашей психики, такъ что уклониться отъ него нельзя простымъ отвлеченіемъ мыслей въ другую сторону или закрытіемъ глазъ. Признаніе же объективности факта есть, какъ мы указали, низшая ступень «подстановки», самая неопредѣленная ея форма. По отношенію къ физическимъ комплексамъ неорганическаго міра такая форма подстановки является рѣшительно преобладающей, но еще

вопросъ, будетъ ли удовлетворяться ею и дальше развивающееся познаніе.

Въ наукахъ о неорганическомъ мірѣ принимается цѣлый рядъ высоко-полезныхъ формулъ, носящихъ оттѣнокъ иного рода, болѣе сложной подстановки. Таковы формулы, въ которыя входятъ понятія «стремленія къ maximum», къ «minimum» или «къ сохраненію». Эти формулы своей телеологической внѣшностью приводили многихъ мыслителей (изъ новѣйшихъ назову Вундта) къ различнымъ метафизическимъ выводамъ; и во всякомъ случаѣ онѣ говорятъ какъ-будто о подстановкѣ *психическаго* подъ неорганическія явленія. По типу онѣ таковы же, какъ старыя формулы: «природа не терпитъ пустоты» или «тѣла стремятся къ центру земли»; но отъ этихъ старыхъ формулъ онѣ отличаются своей устойчивостью въ научномъ познаніи: онѣ сохраняются, тогда какъ тѣ давно отвергнуты.

Съ нашей точки зрѣнія подобныя формулы не представляютъ, конечно, ничего принципіально-загадочнаго. Эмпиріомонистически, наша психика отличается отъ «не-живой природы» только высшей ступенью организованности; а высшая ступень *включаетъ* и *заключаетъ* въ себѣ низшія; и потому естественно, что схемы, соотвѣтствующія нѣкоторымъ чертамъ комплексовъ высшей организованности, могутъ соотвѣтствовать и отношеніямъ низшихъ комплексовъ. Для метафизики тутъ нѣтъ мѣста; но есть мѣсто для методологическаго изслѣдованія о «подстановкѣ».

IX.

Мы видѣли, что область «подстановки» въ современномъ познаніи *вовсе не уже*, чѣмъ въ познаніи алимиста; только наивныя ея формы смѣняются научными. Исторически, тѣ и другія оказываются весьма разнообразны:

1) Подстановка *психическаго* подъ *физическое:* научная —

тамъ, гдѣ психика подставляется подъ физіологію нервной системы, подъ движенія животныхъ и отчасти, можетъ быть, растеній, а также свободныхъ живыхъ клѣтокъ («Protista»); научна она, конечно, лишь постольку, поскольку критически провѣряется; иначе она уже здѣсь переходитъ въ наивную, какова она, напр., въ легендахъ животнаго эпоса,—человѣчески-сложная психика, принимаемая для животныхъ. Типичныя же наивныя формы этой подстановки: всеобщій анимизмъ, поэтическое одухотвореніе природы, пантеизмъ, панпсихизмъ.

2) Подстановка *физическаго* подъ *физическое*: «механическія» теоріи свѣта, теплоты, теоріи электрическихъ и магнитныхъ жидкостей и т. под. Всѣ онѣ для нашего времени относятся къ «наивнымъ».

3) Подстановка *физическаго* подъ *психическое* (о ней мы до сихъ поръ спеціально не говорили: достаточно упомянуть). Первобытный анимизмъ—отчасти, а именно постольку, поскольку душа представлялась «матеріальной», являлась какъ-бы простымъ повтореніемъ тѣла. Матеріализмъ Демокрита, Эпикура, Бюхнера и т. под., формы наивныя.

4) Подстановка *метафизически-неопредѣленнаго* подъ *физическое и психическое*: «вещь въ себѣ», принципіально отличающаяся отъ явленія, но составляющая его причину, «непознаваемая» или «познаваемая смутно» (сенсуалисты, матеріалисты типа Гольбаха, кантіанцы, Спенсеръ и т. под.) Формы противорѣчивыя, и потому наивныя.

5) Подстановка *эмпирически-неопредѣленнаго* подъ *физическіе, неорганизованные* процессы; теоріи стремящіяся къ чистому описанію въ абстрактно-монистическихъ схемахъ, и признающія «объективный» характеръ фактовъ, подлежащихъ описанію. Большинство *новѣйшихъ* естественно-научныхъ теорій; формы для нашего времени научныя. — Эмпиріомонизмъ отрицательно опредѣляетъ «неопредѣленные» подставляемые комплексы какъ *неорганизованные* (не абсолютно, а только относительно), и тѣмъ ставитъ эту подстановку въ одну цѣпь съ подстановкой «психическаго» подъ «физіологическое». Этимъ

дается принципіальная возможность изслѣдованія генезиса жизни, физіологической и психической (происхожденіе болѣе организованнаго изъ менѣе организованнаго).

Итакъ, развитіе науки и философіи ведетъ въ дѣйствительности не къ устраненію подстановки, какъ склонны думать многіе изъ современныхъ позитивистовъ, а къ ея критическому исправленію. Только въ одной сферѣ подстановка безусловно устраняется: это тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ психическими явленіями: подъ ними никакой «вещи въ себѣ», непознаваемой ли или смутно познаваемой, подставлять не приходится, ибо это познавательно-безполезно, а для монизма познанія даже прямо нецѣлесообразно: психическое есть исходная точка самой подстановки, изъ него берется содержаніе для первичной подстановки, его связь съ «физіологическимъ» есть объективное основаніе и въ то же время стимулъ къ подстановкѣ. Здѣсь подстановка можетъ быть только «наивной», только результатомъ ошибочной аналогіи.

Съ точки зрѣнія систематизированной, исправленной подстановки вся природа представляется, какъ безконечный рядъ «непосредственныхъ комплексовъ», *матеріалъ* которыхъ тотъ же, что и «элементы» опыта, а *форма* характеризуется самыми различными степенями организованности, отъ низшихъ, соотвѣтствующихъ «неорганическому міру», до высшихъ, соотвѣтствующихъ «опыту» человѣка. Эти комплексы взаимно вліяютъ одни на другіе. Каждое отдѣльное «воспріятіе изъ внѣшняго міра» есть отраженіе какого-нибудь изъ такихъ комплексовъ въ опредѣленномъ, сложившемся комплексѣ — живой психикѣ; а «физическій опытъ»—результатъ коллективно-организующаго процесса, гармонически объединяющаго такія воспріятія. «Подстановка» же дастъ какъ-бы обратное отраженіе отраженія, болѣе сходное съ «отражаемымъ», чѣмъ первое отраженіе: такъ мелодія, *воспроизводимая* фонографомъ, есть второе отраженіе мелодіи, имъ *воспринятой*; и она несравненно болѣе похожа на эту послѣднюю, чѣмъ первое отраженіе—черточки и точки на валикѣ фонографа.

Въ эмпиріомонистической картинѣ міра нѣтъ ничего сверхъопытнаго; въ ней есть только *непосредственный* опытъ и его продолженіе—область «подставляемаго», опытъ *косвенный*. Послѣдній является въ то же время опорой перваго, условіемъ его «объективности». Тотъ и другой одинаково лежатъ въ сферѣ *познанія*.

Теперь у насъ достаточно данныхъ, чтобы произнести справедливый, насколько надо—строгій, насколько надо — милостивый приговоръ надъ «вещью въ себѣ». Что старая «вещь въ себѣ» умерла—это несомнѣнно; но именно это и создаетъ возможность наболѣе безпристрастнаго сужденія о ней.

«Вещь въ себѣ» была выраженіемъ законнаго и правильнаго стремленія дополнить опытъ посредствомъ подстановки. Даже неопредѣленный характеръ этой подстановки не представлялъ ничего принципіально-неправильнаго, а только выражалъ недостаточность опыта и познанія. Ошибка начиналась тамъ, гдѣ познаніе пыталось такъ или иначе покончить съ этой неопредѣленностью, и создавало недоступную провѣркѣ гипотезу.

Такія гипотезы шли въ двухъ направленіяхъ. Однѣ, впадая въ посѣшную аналогію, подставляли на мѣсто неопредѣленности чрезмѣрную опредѣленность; таковы были особенно гипотезы анимистическія и матеріалистическія; панпсихизмъ и панматеріализмъ — типичныя формы этого *наивнаго позитивизма*. Другія на мѣсто неопредѣленнаго ставили непознаваемое, чтобы цѣной преувеличенія неопредѣленности избавить себя отъ труда, связаннаго съ попытками создать на мѣсто нея бо́льшую опредѣленность; здѣсь типичны точки зрѣнія Канта и Спенсера (гипотезы скептически-метафизическія).

Золотую середину заняли матеріалисты болѣе критическаго оттѣнка, которыя, отказавшись отъ *безусловной* непознаваемости «вещи въ себѣ», въ то же время считаютъ ее *принципіально* отличной отъ «явленія», и потому всегда лишь «смутнопознаваемой» въ явленіи, внѣ-опытной по содержанію (т. е. повидимому, по «элементамъ», которые не таковы какъ элементы опыта), но лежащей въ предѣлахъ того, что называ-

ютъ формами опыта—т. е. времени, пространства и причинности. Приблизительно такова точка зрѣнія французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка и изъ новѣйшихъ философовъ — Энгельса и его русскаго послѣдователя Бельтова. — Какъ всякая почти золотая середина, эта точка зрѣнія не вполнѣ устранила недостатки крайностей, а скорѣе даже совмѣстила ихъ, хотя, разумѣется, въ ослабленной степени.

Такой матеріализмъ принимаетъ, что «вещь въ себѣ» воздѣйствуетъ на наши «чувства» (аффицируетъ ихъ) и такимъ образомъ порождаетъ «явленіе» или «опытъ». Но *A* можетъ аффицировать *B* только въ томъ случаѣ, если то и другое *однородно* до извѣстной степени по своему матеріалу, по «элементамъ». Если они *принципіально разнородны*, они не могутъ воздѣйствовать другъ на друга, какъ полоса тѣни не можетъ повліять на движеніе ядра, которое черезъ нее пролетаетъ. Здѣсь необходимо, слѣдовательно, принять, что «вещь въ себѣ» однородна по «элементамъ» съ «чувствами», которыя она «аффицируетъ», т. е. съ психическимъ опытомъ, т. е. и *съ опытомъ вообще*. Съ другой стороны, простое и прямое перенесеніе въ область «вещи въ себѣ» формъ пространства, времени и причинности въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ мы ихъ принимаемъ въ физическомъ опытѣ, является недостаточно обоснованной, и даже отчасти противорѣчивой гипотезой. Даже для психическаго опыта пространственныя отношенія выступаютъ съ неизмѣримо меньшей опредѣленностью, чѣмъ для физическаго; и многіе полагаютъ, что психическія явленія вообще не имѣютъ пространственнаго характера; почему мы должны признать такой характеръ за «вещью въ себѣ», которая съ данной точки зрѣнія такъ сильно отличается отъ опыта, это ни изъ чего не видно. Да и вообще признаніе абсолютнаго значенія за временемъ, пространствомъ и причинностью, какъ мы ихъ теперь себѣ представляемъ, есть не что иное, какъ особая форма абсолютнаго апріоризма, идея метафизическая и статическая. На памяти человѣчества всѣ эти формы опыта развивались отъ конечнаго къ безконечному, отъ неоднороднаго къ однородному,

отъ прерывающагося къ непрерывному *); что же даетъ намъ право для теперешней фазы ихъ развитія принимать абсолютное значеніе?

Впрочемъ, мы должны заранѣе имѣть въ виду, что эти наши соображенія имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, если «вещь въ себѣ» понимать въ смыслѣ *эмпирической подстановки*. Но не въ томъ смыслѣ понимаютъ ее всѣ ея современные сторонники, въ томъ числѣ и діалектическіе матеріалисты. У нихъ дѣло идетъ *о подстановкѣ мет-эмпирической* или, что то же, метафизической. Ихъ «вещь въ себѣ» стоитъ *за* той, которая дается эмпирической подстановкой: они, напр., и за психическими явленіями подставляютъ еще скрытую «вещь въ себѣ», которая въ этихъ явленіяхъ должна обнаруживаться. Мы же нашли что самое понятіе «вещи въ себѣ» возникло изъ подстановки психическаго подъ физіологическое, такъ что для психическаго никакой дальнѣйшей подстановки не требуется.

Если употреблять терминъ «вещь въ себѣ» въ строго позитивномъ смыслѣ эмпирической подстановки, то нашъ взглядъ придется резюмировать такъ. Первичная «вещь въ себѣ» для каждаго человѣка—его собственный опытъ; отъ него онъ умозаключаетъ къ переживаніямъ другихъ людей и прочихъ существъ,—это ближайшій для него рядъ подставляемыхъ «вещей въ себѣ». Убѣждаясь, что физіологическая жизнь принципіально не отличается отъ другихъ физическихъ и химическихъ явленій, человѣкъ различными способами выполняетъ аналогичную подстановку и по отношенію ко всѣмъ «объективнымъ» процессамъ, впадая на этомъ пути въ различныя ошибки и исправляя ихъ дальнѣйшимъ познаніемъ. Такъ получаются дальнѣйшіе ряды «вещей въ себѣ», все менѣе и менѣе опредѣленныхъ по мѣрѣ того какъ увеличивается ихъ различіе съ первичной «вещью въ себѣ»—собственной психикой человѣка. Принципіально—всѣ опѣ познаваемы вполнѣ; практически—

*) Подробнѣе объ измѣнчивости и развитіи этихъ формъ см. мою ст. «Идеалъ познанія» (сборникъ «Эмпиріомонизмъ» и «Вопр. фил. и псих.», 1903, 3—4).

трудности ихъ точнаго познанія возрастаютъ при переходѣ отъ высшихъ формъ жизни къ низшимъ, отъ органической природы къ неорганической, отъ болѣе сложныхъ комплексовъ этой послѣдней къ болѣе простымъ. Но вмѣстѣ съ возрастаніемъ трудностей такого точнаго познанія «вещей въ себѣ» уменьшается и потребность въ немъ: «явленія» становятся проще и познаются легче, такъ что практически можно все больше и больше обходиться безъ точной подстановки. Впрочемъ, и здѣсь *вполнѣ* безъ нея обойтись нельзя: она заключается, въ неопредѣленной и скрытой формѣ, уже въ признаніи *объективности* явленія.

Но самое употребленіе термина «вещь въ себѣ» въ нашемъ позитивномъ смыслѣ есть уже до извѣстной степени философское злоупотребленіе: слишкомъ много метафизики приросло въ ряду вѣковъ къ этому старому понятію. Всего лучше, слѣдовательно, мы избѣгнемъ недоразумѣній, если просто скажемъ: «вещь въ себѣ» есть отжившая философская идея: все что въ ней было жизненнаго, исторически положительнаго, сводится къ *эмпирической подстановкѣ*; развивающееся познаніе сохраняетъ эту послѣднюю, непрерывно преобразуя и дополняя ее на основѣ расширяющагося опыта; эмпріомонизмъ дѣлаетъ ее орудіемъ выработки цѣлостнаго, чуждаго перерывовъ міровоззрѣнія.

Психическій подборъ.

(Эмпиріомонизмъ въ ученіи о психикѣ).

А. Основы метода.

1. Схема психо-энергетики.

I.

Поставленная нами задача заключается въ томъ, чтобы показать, въ какомъ направленіи должно развиваться психическое изслѣдованіе, если въ основу его будетъ сознательно положена идея *принципіальнаго единства опыта*. Задача эта цѣликомъ сводится къ *вопросамъ метода*; и потому будетъ вполнѣ естественно начать съ выясненія и анализа самаго общаго методологическаго принципа, которымъ мы будемъ руководиться. Это, какъ мы не разъ уже выясняли, принципъ энергетики; а въ сферѣ спеціально психическаго опыта, о которомъ теперь идетъ дѣло, это—идея *психико-энергетическаго метода*. Итакъ, что же она ближайшимъ образомъ означаетъ?

Понятіе «энергіи» служитъ познанію для того, чтобы представить всѣ явленія какъ *сопоставимыя*. Оно слагается изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, представленіе объ *измѣримости*,—всѣхъ явленій,—всѣ явленія разсматриваются какъ «величины»; во-вторыхъ, представленіе объ ихъ всеобщей *эквивалентности* признается, что въ непрерывной смѣнѣ явленій одни замѣщаются другими сообразно опредѣленнымъ и постояннымъ количественнымъ отношеніямъ. Таково содержаніе этого понятія, выработанное въ сферѣ «естественныхъ наукъ» научнымъ син-

тезомъ и научной критикой. Его требуется примѣнить къ «психическимъ» явленіямъ.

Прежде всего приходится задать вопросъ: измѣримы ли психическія явленія? Хотя методы ихъ измѣренія могутъ быть въ данное время очень мало выработаны, несовершенны, приблизительны, недостаточны, но принципіальный отвѣтъ на вопросъ этимъ не измѣняется: психическія явленія измѣримы; это *величины*. Поскольку они выступаютъ въ психическомъ полѣ съ большей или меньшей «силой», они представляютъ величины «интенсивныя»; поскольку они могутъ присоединяться одни къ другимъ, создавая большую или меньшую полноту жизни сознанія, это величины экстенсивныя. Къ этимъ двумъ формамъ количественнаго сравненія фактовъ сознанія сводится и всякое «объективное» измѣреніе физическихъ тѣлъ и процессовъ: актъ «измѣренія» есть всегда *психическая* дѣятельность, матеріалъ которой—данныя *психическаго* опыта. Если бы эти данныя не имѣли характера величинъ, то вообще никакое измѣреніе не было бы возможно.

Съ этой точки зрѣнія, въ очень многихъ случаяхъ, когда познанію не удается выразить данное психическое явленіе *вполнѣ* опредѣленной величиной энергіи, существуетъ тѣмъ не менѣе возможность *относительнаго* опредѣленія величины: можно наблюдать «возрастаніе» или «уменьшеніе» энергіи этого психическаго явленія. Всего проще тотъ случай, когда дѣло идетъ объ «одномъ и томъ же» психическомъ явленіи, которое, однако, «измѣняется»; напр., если данный образъ въ сознаніи блѣднѣетъ, теряя свою интенсивность, или если онъ утрачиваетъ нѣкоторые изъ своихъ элементовъ, становясь, такъ сказать, менѣе полнымъ, то мы имѣемъ основаніе говорить объ уменьшеніи энергіи этого психическаго образа; въ случаяхъ противоположнаго характера слѣдуетъ признавать возрастаніе энергіи, и т. д. Но и тогда, когда въ психикѣ смѣняются различные образы, сознаніе обыкновенно отмѣчаетъ ихъ относительно большую или относительно меньшую энергію; человѣкъ высказывается въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его сознанія

становится болѣе энергичной или менѣе энергичной.—Все это отнюдь не простыя аналогіи, такъ какъ въ подобныхъ выска зываніяхъ съ полною ясностью обнаруживается измѣримость и соизмѣримость психическихъ процессовъ, т. е. черты, создающія почву для энергетической концепціи этихъ процессовъ.

Было бы въ высшей степени ошибочно придавать особенно рѣшающее значеніе тому факту, что всѣ непосредственныя «измѣренія» и «соизмѣренія» психическихъ процессовъ отличаются крайней приблизительностью и неточностью, и отрицать на этомъ основаніи энергетическое пониманіе психики. Кто знакомъ съ фактическими примѣненіями энергетики въ естественныхъ наукахъ, тому хорошо извѣстно, какъ далеко простирается ея научное значеніе и за предѣлами точныхъ измѣреній, тамъ, гдѣ они технически не удаются. Область дѣйствительно точныхъ измѣреній, въ сущности, очень узка; но и при ихъ отсутствіи энергетическая точка зрѣнія въ массѣ случаевъ приводитъ къ научно-важнымъ выводамъ. Очень часто—едва ли не въ большинствѣ случаевъ—она даже *создаетъ* возможность технически-точнаго измѣренія явленій, позволяя вмѣсто однихъ, трудно измѣримыхъ, подставлять другія, легко поддающіяся измѣренію. Это, какъ увидимъ, относится и къ сферѣ психическаго опыта.

II.

Если вопросъ объ измѣримости психическихъ процессовъ не представляетъ никакихъ принципіальныхъ затрудненій, то вопросъ объ ихъ *эквивалентности* уже гораздо сложнѣе. Прежде всего тутъ приходится выяснить, слѣдуетъ ли принимать эквивалентность для психическихъ явленій только съ психическими, или также и съ физическими. Послѣднее можетъ казаться сомнительнымъ особенно потому, что форма связи явленій въ опытѣ физическомъ и въ опытѣ психическомъ очень различна.

Энергетическая эквивалентность выражаетъ идею всеобщей *непрерывности* явленій, которая требуетъ, чтобы съ устране-

нѣмъ изъ опыта одного комплекса элементовъ выступалъ другой, связанный съ нимъ опредѣленнымъ количественнымъ отношеніемъ. Но психическій опытъ, взятый въ его непосредственной формѣ, есть область *прерывающихся* отношеній: въ глубокомъ снѣ, обморокѣ, смерти, теченіе психическаго опыта временно или окончательно прекращается, въ различныхъ фазахъ сознательной жизни оно рѣзко измѣняется какъ по интенсивности, такъ и по экстенсивности переживаній. Ясно, что идея эквивалентности, примѣненная къ непосредственному психическому опыту въ отдѣльности, создала бы только рядъ противорѣчій. Слѣдовательно, идея эта можетъ получить реальный смыслъ только по отношенію къ болѣе широкой сферѣ явленій, чѣмъ одинъ психическій опытъ,—по отношенію къ опыту въ его цѣломъ, міру физическому и психическому вмѣстѣ. Между тѣмъ физическій опытъ уже *самъ по себѣ* характеризуется непрерывностью; присоединить къ его эквивалентнымъ замѣненіямъ процессы психическаго ряда, процессы прерывающіеся, значило бы, повидимому, только нарушить его собственную непрерывность. Получается такая дилемма: либо отказаться отъ психо-энергетики, либо допустить нарушеніе непрерывности физическаго опыта. Большинство философовъ принимаетъ первое рѣшеніе, приходя къ безнадежному дуализму метода *). Принять же второе—значитъ, превратить физическій опытъ въ нѣчто фантастическое, отнявши у него основную его черту, его «конститутивный признакъ»—непрерывность. Оба рѣшенія мало утѣшительны **).

*) Къ этому сводятся такъ называемые «критическіе» аргументы противъ психо-энергетики, основанные на «законѣ сохраненія механической энергіи» (выраженіе А. Риля), т. е. на непрерывности физическаго опыта.

**) Въ своей прежней работѣ—«Познаніе съ исторической точки зрѣнія» (Спб., 1901)—я склонялся ко второму рѣшенію, какъ болѣе монистичному; я не видѣлъ еще тогда съ достаточной ясностью, что возможно третье рѣшеніе, также строго монистичное, но не насильственное по отношенію къ сложившимся категоріямъ познанія. онизмъ былъ для меня страстью,—и я «увлекался».

Къ счастію, эмпиріомонизмъ не связанъ самой дилеммой,— онъ въ силахъ устранить ее, выйдя за ея предѣлы. Онъ даетъ возможность энергетически познавать психику, не нарушая энергетической непрерывности физическаго опыта. Какимъ образомъ достигаетъ онъ этого?

Между «психическими» и «физіологическими» явленіями жизни существуетъ опредѣленный параллелизмъ, точнѣе—опредѣленная функціональная зависимость. Но тамъ, гдѣ между различными рядами элементовъ опыта имѣется такая зависимость, самые эти ряды представляютъ не различные объекты для познанія, а *одинъ объектъ* *). Психическое явленіе и соотвѣтственный физіологическій процессъ слѣдуетъ считать не различными энергетическими величинами, а одной и той же величиной. Это—различные способы воспріятія процесса жизни, и они такъ же мало могутъ быть разъединены энергетически, какъ тѣло, воспринимаемое путемъ зрѣнія, и то же самое тѣло, воспринимаемое путемъ осязанія. «Параллелизмъ» обѣихъ «сторонъ» жизненнаго процесса здѣсь такой же, какъ параллелизмъ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ, образующихъ опредѣленное «физическое тѣло»; и здѣсь и тамъ законъ сохраненія энергіи отвлекается отъ разнообразія элементовъ, опираясь на *единство отношеній*.

Все это становится особенно простымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія «второго эмпиріомонистическаго положенія». Положеніе это устанавливаетъ всеобщій параллелизмъ «жизни физіологической» и «непосредственныхъ переживаній», и сводитъ этотъ параллелизмъ къ отношенію между «отражаемымъ» и «отраженіемъ». Если физіологическій процессъ есть отраженіе «непосредственныхъ переживаній», именно, отраженіе ихъ въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ, то очевидно, что создавать изъ того и другого отдѣльные объекты для монистическаго познанія не имѣетъ никакого смысла: это

*) Здѣсь не приходится повторять обоснову этого положенія. Она дана въ ст. «Идеалъ познанія». — «Эмпиріомонизмъ». ч. I.

было бы все равно, что считать за отдѣльные объекты познания планету, наблюдаемую прямо глазомъ, и ту же планету, видимую при посредствѣ вогнутаго зеркала рефлектора.

Такимъ образомъ, мы всегда имѣемъ право и основаніе замѣнять въ энергетическомъ изслѣдованіи психическій процессъ его физіологическимъ отраженіемъ, и наоборотъ, смотря по тому, что изъ двухъ для насъ доступнѣе и удобнѣе; напримѣръ, когда не выясненъ физіологическій процессъ, но легко наблюдается соотвѣтственный психическій, лучше подставить второй вмѣсто перваго; когда психическій процессъ не поддается измѣренію, можно попытаться измѣрить вмѣсто него физіологическій.

2. Схема психическаго подбора.

I.

Философское изслѣдованіе психическаго міра ставитъ своей задачей выработку *объединяющей* точки зрѣнія на всѣ различные процессы, протекающіе въ этой области. Такимъ образомъ разложеніе психическаго опыта на его элементы здѣсь можетъ имѣть значеніе только подготовительной работы, но не болѣе: собственно философское изслѣдованіе начинается тамъ, гдѣ выясняется отношеніе этихъ элементовъ къ психическому *цѣлому*, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какимъ способомъ координируются они въ психическую систему, какъ *организуется психика*.

Подчиняя психическій міръ всеобщему принципу энергетики, мы сразу получаемъ первую чисто количественную постановку вопроса, который только-что формулировали. Въ этой постановкѣ его слѣдуетъ выразить такъ: въ какомъ отношеніи находятся отдѣльныя переживанія и ихъ элементы, взятые какъ величины, и притомъ энергетическія, къ психической системѣ, какъ интегральной энергетической величинѣ? И сразу же получается первый и самый общій отвѣтъ, вытекающій изъ

самаго понятія о величинѣ; онъ будетъ, очевидно, такой: для психическаго цѣлаго отдѣльныя переживанія и ихъ элементы могутъ являться положительными или отрицательными величинами, увеличивающими или уменьшающими сумму энергіи этого цѣлаго *).

Въ эту отвлеченную формулу данныя біомеханики и психологіи позволяютъ сразу же вложить болѣе конкретное психическое содержаніе. Возрастаніе и уменьшеніе энергіи психической системы тожественно съ *непосредственнымъ возрастаніемъ и уменьшеніемъ ея жизнеспособности;* а колебанія непосредственной жизнеспособности выражаются психически въ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, въ такъ называемомъ «аффекціоналѣ». Энергетическая формула превращается въ психологическую: положительный аффекціоналъ переживанія (удовольствіе) познавательно тожественъ съ возрастаніемъ энергіи психической системы, отрицательный (страданіе), съ уменьшеніемъ**).

Итакъ, если человѣку «пріятно», напримѣръ, видѣть лицо

---

*) Читатель, знакомый съ математикой, замѣтитъ, конечно, что въ этой концепціи послѣдніе элементы психики играютъ роль дифференціаловъ по отношенію къ ея цѣлому, какъ интегралу. И это отнюдь не просто аналогія, а законное математическое опредѣленіе данныхъ процессовъ, какъ измѣняющихся величинъ энергіи.

Но пусть читатель не опасается, что мы потащимъ его въ область псевдо-математической фантастики въ духѣ психологіи Гербарта. Энергетика съ ея строгими методологическими требованіями не даетъ простора для такихъ формъ творчества, если бы мы и пожелали имп заняться. Она прежде всего—методъ количественнаго *описанія* того, что дано *въ опытѣ*.

**) Мы не можемъ повторять здѣсь всей обосновки этого положенія—она дана въ нашихъ работахъ: «Познаніе съ историч. точки зрѣнія» (Спб., 1901), стр. 13—23, и «Жизнь и психика» (Эмпиріомонизмъ въ ученіи о жизни).

Наша точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ далеко не совпадаетъ съ общераспространенными взглядами; но во всемъ существенномъ она соотвѣтствуетъ—при очень большой, конечно, разницѣ въ формѣ выраженія—воззрѣніямъ Б. Спинозы и Меупегt'а.

A и «непріятно» видѣть лицо *B*, то это означаетъ, что одно переживаніе—воспріятіе *A*,—вступая въ систему психическаго опыта, увеличиваетъ сумму ея энергіи, тогда какъ другое переживаніе—воспріятіе *B*—уменьшаетъ эту сумму. *Всѣ* переживанія обладаютъ положительнымъ или отрицательнымъ аффекціоналомъ — «безразличный» аффекціоналъ есть только предѣльная величина того и другого; а потому *всѣ переживанія энергетически-сопзмѣримы по ихъ отношенію къ психической системѣ.* Эта спеціальная форма ихъ сопзмѣримости и послужитъ основой нашего изслѣдованія.

II.

«Пріятное есть то, къ чему стремится, непріятное—то, чего избѣгаютъ»,—формулу эту трудно назвать даже опредѣленіемъ, это—почти простая тавтологія. И однако ея жизненное значеніе громадно: къ ней, въ конечномъ счетѣ, сводятся всѣ принципы прикладной психологіи—педагогики, политики, морали,—всѣ методы юридическаго и нравственнаго воздѣйствія однихъ людей на другихъ.

Всякое психическое переживаніе — будетъ ли это волевой актъ, или воспріятіе, или представленіе,—разъ оно характеризуется окраской удовольствія, обнаруживаетъ тенденцію *упрочиться* въ данной психической системѣ, вытѣснить тѣ переживанія, которыя не имѣютъ такой окраски,—оно устраняется все съ большимъ сопротивленіемъ, удерживается и воспроизводится все легче. Это отражается и на всѣхъ другихъ переживаніяхъ, которыя ближайшимъ образомъ ассоціативно съ нимъ связаны — ихъ энергія и устойчивость также возрастаютъ. Окраска страданія обусловливаетъ противоположную тенденцію: уменьшеніе энергіи и устойчивости тѣхъ переживаній, которыя ею обладаютъ, и всѣхъ тѣсно связанныхъ съ ними, возрастающую легкость ихъ устраненія изъ психической системы. Эти двѣ тенденціи образуютъ своего рода «психическій подборъ» переживаній: въ смѣнѣ и въ повтореніяхъ переживаній тѣ изъ

нихъ обнаруживаютъ относительно наибольшую жизнеспособность, которыя наиболѣе «пріятны»; наименьшая же свойственна тѣмъ, которыя наиболѣе «непріятны».

Такимъ образомъ, если политикъ старается въ психикѣ избирателей создать неразрывную связь между представленіемъ объ его программѣ и завѣдомо пріятнымъ представленіемъ объ извѣстныхъ практическихъ выгодахъ, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора; если педагогъ стремится въ психикѣ школьника тѣсно ассоціировать представленіе о шалости съ завѣдомо непріятнымъ представленіемъ о наказаніи, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора. Здѣсь лежитъ необходимое «a priori» для всякаго планомѣрнаго воздѣйствія на людей,—такова практическая роль этого принципа. Но для насъ въ данный моментъ важно выяснить его теоретическое значеніе.

Фактъ психическаго подбора несомнѣненъ, или, выражаясь точнѣе, несомнѣнно, что громадная масса психическихъ фактовъ вполнѣ укладывается въ рамки понятія «психическаго подбора», какъ оно нами установлено *). Но мы ищемъ *эмпиріомонистической* точки зрѣнія для психологіи, а потому для насъ возникаетъ вопросъ о томъ, вся или не вся область психическаго опыта должна быть подчинена этому своеобразному принципу, можетъ или не можетъ онъ стать всеобщимъ «a priori» для психологическаго изслѣдованія. Это вопросъ о границахъ методологическаго значенія идеи психическаго подбора.

Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо прежде всего самую

*) Терминъ «психическій подборъ» примѣнялся и раньше, но въ иномъ значеніи: въ смыслѣ *естественнаго подбора психическихъ формъ*, какимъ бы путемъ подборъ этотъ не происходилъ, стало быть—внѣ отношенія къ аффекціоналу. Но *этотъ* подборъ можно такъ и называть—естественнымъ подборомъ психическихъ формъ; свое же понятіе «психическаго подбора» я предложилъ потому, что мнѣ кажется необходимымъ обособить эту своеобразную черту психическихъ процессовъ развитія. Въ дальнѣйшемъ читатель увидитъ, насколько это цѣлесообразно.

идею психическаго подбора свести къ установленнымъ уже эмпиріомонистическимъ понятіямъ; надо, какъ обыкновенно выражаются, «объяснить» психическій подборъ, опредѣлить, «что» онъ такое, «какъ» и «почему» происходитъ.

Пока намъ извѣстно слѣдующее: психическимъ подборомъ мы назвали тенденцію къ жизненному усиленію или ослабленію отдѣльныхъ переживаній въ зависимости отъ ихъ аффекціональной окраски въ полѣ сознанія — положительной (удовольствіе) или отрицательной (страданіе). Такимъ образомъ основныя особенности психическаго подбора сводятся къ 2-мъ фактамъ: во 1-хъ, онъ выступаетъ въ полѣ сознанія (непосредственнаго психическаго опыта); во 2-хъ, по направленію, онъ зависитъ отъ аффекціонала. Что представляетъ изъ себя аффекціоналъ съ эмпиріомонистической точки зрѣнія, это мы уже знаемъ: удовольствіе для познанія тожественно съ непосредственнымъ возрастаніемъ энергіи психической системы, страданіе — съ непосредственнымъ пониженіемъ. Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на другой особенности психическаго подбора — на его отношеніи къ полю сознанія.

III.

«Сознаніе» и непосредственный психическій опытъ—тожественныя понятія. Существуетъ мнѣніе, что такъ какъ эти понятія выражаютъ то, что намъ «непосредственно извѣстно», а стало быть и наиболѣе извѣстно, то они вообще не подлежатъ опредѣленію и «объясненію». Это, конечно, невѣрно. Задача познанія—гармонически организовать опытъ, установить связь и зависимость его элементовъ и ихъ комбинацій; «опредѣленіе» и «объясненіе» такихъ комбинацій представляютъ изъ себя именно выраженіе этой связи и зависимости; изъ нея же ничто не можетъ быть выдѣлено, а потому *все* подлежитъ опредѣленію и объясненію. Такимъ образомъ, всякая область опыта должна быть опредѣлена и объяснена черезъ другія, то-есть

точно отграничена отъ нихъ и въ то же время неразрывно связана съ ними установленной общей закономѣрностью.

Итакъ, что такое «сознаніе», какъ непосредственный психическій опытъ? Прежде всего, очевидно, что это нѣкоторая комбинація переживаній, принадлежащая къ опредѣленной психической системѣ, но, какъ мы знаемъ, отнюдь ея собою не исчерпывающая. Какая же именно комбинація? Ея основная характеристика—специфически временная форма. Здѣсь содержаніе непрерывно измѣняется во времени, но не размѣщается въ пространствѣ. И такъ какъ содержаніе для чисто временной связи даютъ только измѣненія, то «непосредственное сознаніе» есть прежде всего область измѣненій. Измѣненій чего? Очевидно, психической системы, которой принадлежитъ сознаніе. И дѣйствительно, каждое переживаніе, проходящее черезъ поле сознанія, означаетъ нѣкоторое измѣненіе психической системы съ ея дальнѣйшими жизненными реакціями; измѣненіе это можетъ быть болѣе значительнымъ, или менѣе значительнымъ, или хотя бы даже минимальнымъ, но оно всегда есть, и путемъ такихъ измѣненій совершается непрерывно приспособленіе системы къ ея средѣ. Въ такомъ же отношеніи между собою находятся эти измѣненія? Они взаимно координированы, взаимно объединены *ассоціативной* связью, которая дѣлаетъ изъ ряда переживаній одно «поле сознанія» и изъ такихъ непрерывно смѣняющихся полей одну нераздѣльную цѣпь психическаго опыта. Слѣдовательно, сознаніе по отношенію къ психической системѣ можно опредѣлить такъ: *это область координированныхъ измѣненій психической системы* (причемъ формой ихъ координаціи является ассоціативная связь).

Дальнѣйшее выясненіе, изслѣдованіе характера ассоціативной координаціи, ея частныхъ формъ и т. д. для насъ въ данный моментъ не представляетъ необходимости. Пока достаточно просто констатировать: всякое данное поле сознанія можно разсматривать, какъ комплексъ одновременныхъ взаимно связанныхъ измѣненій психической системы. Въ опытѣ «поле сознанія» первоначально является какъ нѣкоторое недифференциро-

ванное цѣлое, и его разложеніе на отдѣльныя переживанія съ установленіемъ опредѣленной связи между ними есть уже актъ вторичнаго характера, актъ «познанія»; онъ превращаетъ единство неопредѣленное, въ единство опредѣленное, но отнюдь его не устраняетъ.

Исходя изъ этого положенія, мы можемъ «объяснить» себѣ процессъ психическаго подбора, т. е. представить его въ простой, монистической формулѣ.

IV.

«Поле сознанія» даннаго момента выражаетъ совокупность координированныхъ измѣненій, происходящихъ въ психической системѣ. Энергетически—всѣ эти измѣненія сонзмѣримы и *взятыя въ суммѣ образуютъ опредѣленное возрастаніе или уменьшеніе энергіи психической системы.* Но именно такое же значеніе имѣетъ и *аффекціональ:* удовольствіе соотвѣтствуетъ возрастанію энергіи системы, страданію—уменьшенію. Что же изъ этого слѣдуетъ?

Пусть въ полѣ сознанія имѣется рядъ образовъ —зрительныхъ, двигательныхъ и т.д., причемъ общій аффекціональ отрицательный (страданіе). Эти зрительныя, двигательныя и т. д. реакціи означаютъ опредѣленныя психическія *приспособленія,* существующія въ психической системѣ *не только* въ то время когда они выступаютъ въ полѣ сознанія: это вполнѣ доказывается тѣмъ, что данные образы время отъ времени вновь воспроизводятся въ сознаніи, слѣдовательно, не исчезаютъ изъ психики окончательно, когда исчезаютъ изъ непосредственнаго воспріятія*). Такъ какъ поле сознанія есть область *измѣненій* психики, то очевидно, что выступленіе въ немъ данныхъ образовъ выражаетъ рядъ измѣненій, происходящихъ именно въ сферѣ тѣхъ непрерывно существующихъ психическихъ приспособленій, которымъ эти образы соотвѣтствуютъ. Какого же рода измѣненія? Это выясняетъ аффекціо-

*) Подробнѣе объ этомъ см. „Познаніе изъ истор. точки зр"., стр. 35—36 (нѣсколько иная терминологія).

налъ: если онъ отрицательный, то дѣло идетъ объ уменьшеніи энергіи психической системы, т. е. очевидно, о пониженіи энергіи указанныхъ психическихъ приспособленій, — они составляютъ *область измѣненій*, стало быть происходящее уменьшеніе энергіи происходитъ *за ихъ счетъ*. Но пониженіе энергіи психическихъ приспособленій есть въ то же время уменьшеніе ихъ жизнеспособности; а оно и обозначается въ данномъ случаѣ, какъ «отрицательный психическій подборъ». Мы пришли такимъ образомъ, къ почти тавтологической формулѣ: при отрицательномъ аффекціоналѣ (страданіи) имѣетъ мѣсто отрицательный психическій подборъ потому, что отрицательный аффекціоналъ выражаетъ пониженіе энергіи, а слѣдовательно и непосредственней жизнеспособности тѣхъ психическихъ приспособленій, которыя выступаютъ въ данномъ полѣ сознанія. То же самое, съ соотвѣтственными измѣненіями, относится конечно, и къ положительному подбору при положительномъ аффекціоналѣ.

Ребенокъ протягиваетъ ручку къ огню и получаетъ обжогъ, что и служитъ для него «урокомъ»—вотъ самый простой типичный примѣръ психическаго подбора. Что при этомъ происходитъ въ психической системѣ? Сначала въ полѣ сознанія рядомъ съ зрительнымъ воспріятіемъ огня имѣется представленіе опредѣленной двигательной реакціи («хочу взять это»); оно имѣетъ положительную окраску (характеристика «пріятно»), т. е. оно соединено съ возрастаніемъ энергіи психической системы, но возрастаніе это происходитъ въ сферѣ ея «координированныхъ измѣненій», въ той области приспособленій, которая соотвѣтствуетъ полю сознанія: повышается энергія зрительнаго воспріятія огня съ одной стороны, двигательнаго представленія хватательной реакціи—съ другой; воспріятіе огня становится ярче, отчетливѣе, богаче элементами — увеличиваются сила и ясность перцепціи; двигательное представленіе дѣлается интенсивнѣе и опредѣленнѣе—переходитъ въ «актъ воли», въ полную психомоторную реакцію. Но тутъ въ полѣ сознанія вступаетъ интенсивное тактильно-термическое раздраженіе, разрушительно дѣйствующее на психику: сразу обнаруживается значительный отрицательный аффекціоналъ («очень больно»). Поле сознанія,

какъ область *координированныхъ* измѣненій, составляетъ одно цѣлое, и его общій отрицательный аффекціоналъ означаетъ паденіе энергіи всѣхъ психическихъ приспособленій, въ данный моментъ въ немъ представленныхъ. Въ результатѣ зрительное воспріятіе огня становится смутнымъ и неяснымъ («свѣта не взвидѣлъ»), хотя, конечно не исчезаетъ, такъ какъ продолжается дѣйствіе его «внѣшней причины»—свѣтовыхъ волнъ на сѣтчатку; двигательная реакція «хватанія» *прерывается*; а тактильно-термическое воспріятіе не можетъ исчезнуть вслѣдствіе продолжающагося «внѣшняго раздраженія», но подобно зрительному воспріятію огня, только еще въ большей степени, дѣлается смутнымъ и неяснымъ, какъ «воспріятіе»: въ немъ не различается никакихъ частностей и деталей, кромѣ приблизительной локализаціи въ пальцахъ руки, оно тонетъ и исчезаетъ въ хаотически поднимающихся волнахъ «жгучей боли» — неопредѣленной судорожной психической реакціи, представляющей колоссальную растрату энергіи психической системы*). Затѣмъ выступаетъ новая психо-моторная реакція—рефлексъ «отдергиванія руки»: и изъ всего дальнѣйшаго для насъ важно только одно: тѣ психическіе комплексы, которые были въ полѣ сознанія въ моментъ отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ воспроизводятся сравнительно ослабленными и болѣе рѣдко: даже зрительный образъ огня, возникая въ памяти ребенка, быстрѣе чѣмъ прежде подавляется другими реакціями—ребенокъ избѣгаетъ» этого воспоминанія; а та двигательная реакція «хватанія», которая ближайшимъ образомъ предшествовала появленію отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ совсѣмъ не повторяется въ связи съ воспріятіемъ огня, какъ это здѣсь было, да и во всякой иной связи воспроизводится менѣе быстро и энергично, съ большимъ колебаніемъ и «осторожностью».

*) Нетрудно видѣть, на сколько отчетливѣе и опредѣленнѣе тактильно-термическія воспріятія при гораздо болѣе слабыхъ раздраженіяхъ, но безъ такого отрицательнаго аффекціонала (напр. когда ребенокъ тѣми же пальцами беретъ и ощупываетъ обыкновенные предметы).

Въ большинствѣ случаевъ дѣйствіе психическаго подбора бываетъ менѣе интенсивно, особенно когда оно направлено въ положительную сторону, въ сторону усиленія и упроченія возникающихъ психическихъ комбинацій; но и тогда, повторяясь и накопляясь, оно въ концѣ-концовъ можетъ оказаться еще гораздо болѣе значительнымъ по своимъ результатамъ. Очевидно при этомъ, что съ точки зрѣнія принятой нами концепціи *все поле сознанія непрерывно является въ то же время полемъ психическаго подбора*, и вся жизнь сознанія представляется какъ процессъ развитія и разрушенія психическихъ формъ, направленіе котораго во всякій данный моментъ опредѣляется знакомъ аффекціонала.

V.

Связь психическаго подбора съ аффекціоналомъ означаетъ связь съ опредѣленіями типами жизнеразностей первнаго аппарата. Этимъ дается, какъ будто, иная точка зрѣнія на вопросъ о психическомъ подборѣ: его надо «разрѣшить», процессъ психическаго подбора надо «объяснить» на почвѣ физіологіи нервной системы.

Пусть въ сознаніи одновременно имѣется рядъ образовъ, окрашенныхъ чувствомъ «удовольствія», т.-е. въ нервномъ аппаратѣ протекаетъ рядъ жизнеразностей, разнообразной «формы», но имѣющихъ въ суммѣ положительный характеръ (увеличеніе энергіи центральнаго органа системы). Самая наличность «сознанія» соотвѣтствуетъ тому факту, что жизнеразности протекаютъ не изолированно въ немногихъ клѣткахъ системы, а распространяются въ ней по различнымъ направленіямъ, находясь въ то же время во взаимной связи и зависимости; но наличность *опредѣленныхъ* реакцій психики означаетъ въ то же время, что у этихъ жизнеразностей имѣются свои собственные центры, которые въ данномъ случаѣ являются главнымъ полемъ жизнеразностей и ихъ исходною точкой, — спеціальные,

такъ сказать, органы этихъ реакцій. Такіе органы при современномъ состояніи науки можно представлять себѣ только въ видѣ опредѣленныхъ комплексовъ нервныхъ клѣтокъ, взаимно связанныхъ нервными проводниками и при ихъ посредствѣ легко приводящихъ другъ друга въ состояніе «функціональной жизнеразности»—въ «динамическое» состояніе, какъ чаще выражаются. Въ данномъ примѣрѣ характеръ жизнеразности положительный, и энергія нервныхъ клѣтокъ, входящихъ въ составъ функціонирующаго спеціальнаго органа, повышается: увеличивается, слѣдовательно, интенсивность ихъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, и способность функціонально «возбуждать» другъ друга, и вообще приходить совмѣстно въ «динамическое» состояніе. Такимъ образомъ во-первыхъ, увеличиваются шансы повторенія психическихъ реакцій, связанныхъ съ этимъ динамическимъ состояніемъ, во-вторыхъ возрастаетъ и интенсивность этихъ реакцій. То и другое въ совокупности обозначается, какъ положительный психическій подборъ.

Совершенно аналогичнымъ образомъ можно представить себѣ картину отрицательнаго психическаго подбора. При понижающейся энергіи клѣтокъ спеціальнаго органа реакціи, онѣ въ меньшей степени способны возбуждать другъ друга къ функціи, сопротивленіе проводниковъ при прежнихъ условіяхъ уже не преодолѣвается ослабленнымъ передаточнымъ токомъ—реакція повторяется рѣже и менѣе интенсивна.

Въ такомъ «физіологическомъ» представленіи психическаго подбора передъ нами выступаетъ новая его черта, которую трудно было бы замѣтить при чисто «психологическомъ» способѣ изображенія. Какъ мы указывали, во время той или иной психической реакціи ея спеціальный органъ служитъ *главнымъ полемъ* жизнеразностей, но не единственною ихъ областью; онѣ распространяются—въ ослабленной степени—и на различныя другія области центральнаго аппарата, который именно какъ интегральное цѣлое является органомъ сознанія вообще. Если такъ, то процессъ психическаго подбора долженъ захватывать не только тѣ реакціи, которыя имѣются въ полѣ созна-

нія при данномъ аффекціоналѣ, но и другія, только въ гораздо болѣе слабой степени,—а изъ этихъ другихъ по преимуществу тѣ, спеціальные органы которыхъ наиболѣе тѣсно связаны со спеціальными органами первыхъ. И есть много фактовъ, которые подтверждаютъ эту дедукцію. Такъ, послѣ ряда перенесенныхъ страданій замѣчается общее уменьшеніе сферы памяти и практическихъ реакцій: «забывается» многое и изъ того, что не было, повидимому, прямо связано съ отрицательнымъ аффекціоналомъ; человѣкъ нерѣдко «разучивается» или «отвыкаетъ» дѣлать то, что само по себѣ опять-таки не было источникомъ страданій. Напротивъ, рядъ интенсивно-пріятныхъ ощущеній нерѣдко воскрешаетъ въ психикѣ много давно забытыхъ образовъ, не стоящихъ, повидимому, ни въ какомъ близкомъ отношеніи съ этими ощущеніями *). Во всемъ этомъ выражается реальное жизненное единство психики въ непрерывной смѣнѣ содержаній психическаго опыта.

Но какъ теперь отнестись къ тому факту, что у насъ получилось *два* объясненія психическаго подбора—одно съ точки зрѣнія непосредственныхъ психическихъ переживаній, другое—съ точки зрѣнія физіологіи нервной системы? Нетрудно замѣтить что оба «объясненія» *тожественны*, какъ энергетическія формулы, съ той только разницей, что въ одномъ говорится о психическихъ реакціяхъ, въ другомъ—о жизнеразностяхъ органовъ этихъ реакцій. Мы признали, что физіологическій процессъ есть *отраженіе* комплексовъ непосредственныхъ переживаній въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ. Въ энергетическихъ формулахъ отражаемое и отраженіе совершенно сливаются, потому что формулы эти отвлекаются отъ способа воспріятія—«прямого» или «косвеннаго». Такимъ образомъ два «объясненія» психическаго подбора представляютъ въ дѣйстви-

*) Указаніе, что эти забытые образы вновь возникаютъ благодаря косвенной ассоціативной связи, само по себѣ въ этомъ случаѣ ничего не объясняетъ: дѣло идетъ именно объ объясненіи этой «косвенной ассоціативной связи», которая представляетъ не болѣе, какъ *обозначеніе* изслѣдуемыхъ фактовъ.

тельности *одно* въ двухъ различныхъ формахъ изложенія: и мы можемъ во всякомъ данномъ случаѣ избирать ту изъ нихъ, которая именно въ этомъ случаѣ удобнѣе для наглядnаго описанія и стройной группировки фактовъ *).

VI.

Идея психическаго подбора представляетъ изъ себя, какъ мы видѣли, обобщеніе очень широкаго ряда фактовъ. Но мы хотимъ сдѣлать изъ нея нѣчто большее—руководящую точку зрѣнія при дальнѣйшемъ психологическомъ изслѣдованіи. И такъ какъ мы ищемъ *монистическихъ* методовъ, примѣненіе которыхъ могло бы охватить *всю* область психическаго опыта, то естественно поставить вопросъ: насколько широка та область, въ которой возможно, въ которой мыслимо пользоваться для изслѣдованія идеей психическаго подбора? Для самаго общаго отвѣта на этотъ вопросъ данныхъ у насъ уже достаточно.

Психическій подборъ, какъ мы его вначалѣ опредѣлили, есть та форма подбора переживаній, которая связана съ ихъ аффекціоналомъ; аффекціоналъ же есть характеристика переживаній, находимая именно въ «сознаніи», т.-е. въ полѣ непосредственнаго психическаго опыта, и только въ этомъ полѣ. Но здѣсь ли граница явленій психическаго подбора?

*) Въ моихъ прежнихъ работахъ—«Основн. элементы историч. взгляда на прир.» и «Познаніе съ историч. точки зр.»—я давалъ иное «объясненіе» психическаго подбора—объясненіе болѣе узкое, чисто-физіологическое, въ которомъ придавалось особенное значеніе функціямъ сосудодвигательной системы, регулирующей питаніе мозга. Эту постановку вопроса я теперь склоненъ считать не то чтобы невѣрной, а недостаточно широкой и недостаточно простой: роль системы, регулирующей питаніе, въ колебаніяхъ жизнеразностей, дѣйствительно, должна быть громадна, но все же «питаніе»—только одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго процесса, а *всеобщее* объясненіе должно сразу принимать во вниманіе обѣ стороны; при этомъ мои прежнія формулы, исходящія изъ болѣе *частной* группы фактовъ, оказываются и болѣе *сложными*.

Человѣкъ въ опытѣ и познаніи никогда не бываетъ солипсистомъ, — кромѣ непосредственнаго, т.-е. личнаго психическаго опыта, для него существуетъ психическій опытъ другихъ живыхъ существъ; эта несравненно болѣе широкая сфера психическаго опыта конструируется человѣкомъ на основаніи «высказываній» другихъ организмовъ. Ясно, что идея психическаго подбора не только можетъ, но должна быть перенесена на всю эту область; и это тѣмъ легче, что въ «высказываніяхъ» дается и аффекціоналъ — люди и животныя «выражаютъ» чувствованія удовольствія и страданія.

Психическій опытъ вообще характеризуется особымъ типомъ координаціи элементовъ и ихъ комплексовъ — именно, ассоціативною связью; этимъ онъ и отличается отъ опыта физическаго съ его высшей, объективной закономѣрностью. Но критика психическаго опыта привела насъ къ выводу, что онъ есть только нѣкоторая часть — именно, наиболѣе организованная часть—той области, въ которой господствуетъ ассоціативная координація и которую мы обозначили какъ область непосредственныхъ переживаній». Мы пришли къ убѣжденію, что всякой жизнеразности физіологическихъ процессовъ соотвѣтствуютъ, или, лучше сказать, во всякой жизнеразности для познанія обнаруживаются нѣкоторыя непосредственныя переживанія, со свойственной имъ ассоціативной связью элементовъ и ихъ комплексовъ. Съ этой точки зрѣнія психическій опытъ даннаго живого существа есть лишь главная изъ его ассоціативныхъ координацій, съ которою жизненно связаны другія, менѣе сложныя, относительно самостоятельныя координаціи аналогичнаго типа. Вопросъ заключается въ томъ, возможно ли распространеніе идеи психическаго подбора на всѣ *эти* координаціи, слѣдовательно, на всю область непосредственныхъ переживаній вообще,—а она, согласно нашему представленію, совпадаетъ съ царствомъ *жизни* въ природѣ.

Вопросъ этотъ до извѣстной степени рѣшается уже эмпирически. Многія изъ низшихъ координацій, остающихся за порогомъ психическаго опыта, доступны намъ при посредствѣ

высказываній, когда мы наблюдаемъ, напр., «автоматическія» дѣйствія людей, поступки лунатиковъ, различныя движенія низшихъ организмовъ, стоящихъ такъ далеко отъ насъ на лѣстницѣ развитія, что мы не можемъ приписать имъ настоящаго «опыта». Автоматическое дѣйствіе глубоко задумавшагося человѣка прекращается, когда встрѣчаетъ «вредное сопротивленіе», которое причинило бы «страданіе», если бы отразилось въ сферѣ сознанія; у лунатика есть прямыя высказыванія аффекціональнаго характера, напр., въ выраженіи лица, и имъ соотвѣтствуютъ перемѣны въ образѣ дѣйствій лунатика; низшій организмъ, въ родѣ амебы, быстро останавливаетъ свое движеніе, когда оно наталкиваетъ его на «вредное» вліяніе, понижающее энергію клѣтки и т. д. Ясно, что для всѣхъ такихъ случаевъ принципъ психическаго подбора является познавательно цѣлесообразнымъ.

Но дальше? Какъ мы знаемъ, далеко *не всѣ* непосредственныя переживанія находятъ себѣ отраженіе въ «высказываніяхъ». Очевидно, что это—не принципіальная разница между ними, и по существу ничего не мѣняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, полученная нами характеристика психическаго подбора такова: это подборъ, протекающій въ сферѣ координированныхъ измѣненій системы и основанный на возрастаніи или пониженіи ея энергіи. Значитъ, всюду, гдѣ есть такія координированныя измѣненія,—выступающее въ нихъ повышеніе или пониженіе энергіи системы должно вызывать явленія психическаго подбора. Но это относится ко всей области непосредственныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, съ формальной стороны есть всѣ основанія принять идею психическаго подбора за *всеобщій принципъ* изслѣдованія жизни, какъ потока непосредственныхъ переживаній. Это, однако, еще не означаетъ, чтобы его примѣненіе должно было всегда и вездѣ сопровождаться успѣхомъ, — дѣло зависитъ отъ того, достаточно ли конкретныхъ данныхъ для такого примѣненія,—ограниченіе, относящееся ко *всѣмъ* принципамъ познанія.

VII.

Примѣняемый нами терминъ «психическій подборъ» самъ по себѣ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе, особенно со стороны читателя-біолога. Терминъ этотъ указываетъ на то, что психическій подборъ есть нѣкоторый частный видъ того всеобщаго подбора жизненныхъ формъ, который обозначаютъ обыкновенно какъ подборъ «естественный». А между тѣмъ способъ дѣйствія психическаго подбора, повидимому, совершенно своеобразенъ и не похожъ на способъ дѣйствія подбора естественнаго: факторы одного—простое повышеніе и пониженіе энергіи психической системы, воспринимаемое, какъ удовольствіе и страданіе, факторы другого — размноженіе и смерть особей, воспринимаемыя, какъ объективныя явленія. Что здѣсь общаго и правильно ли подчинять одно другому, какъ видъ—роду?

Прежде всего, различіе способа воспріятія не можетъ имѣть принципіальнаго значенія для метода познанія. То что «субъективно» существуетъ, какъ удовольствіе и страданіе, то выступаетъ «объективно», какъ физіологическое измѣненіе — въ смыслѣ развитія или деградаціи системы; и то, что воспринимается «объективно», какъ смерть или размноженіе, то протекаетъ «субъективно» въ видѣ исчезновенія прежнихъ рядовъ непосредственныхъ переживаній, или возникновенія новыхъ. Разница только въ томъ, что въ одномъ случаѣ матеріалъ для изслѣдованія легче и полнѣе дается однимъ типомъ воспріятія, въ другомъ случаѣ—другимъ; а это для вопроса не существенно.

Далѣе, ошибочно было бы сводить весь процессъ «естественнаго подбора» къ однимъ моментамъ смерти и размноженія. Идея подбора выражаетъ непрерывное соотношеніе между данной формой жизни и ея средою: отрицательный естественный подборъ только завершается смертью, т.-е. разрушеніемъ жизненной координаціи, а до этого момента онъ выражается именно въ пониженіи энергіи данной формы, въ отнятіи этой энергіи средою; точно также и положительный подборъ не сводится къ

сохраненію и размноженію формы, а къ непрерывному равновѣсію или возрастанію ея энергіи за счетъ среды, къ процессамъ, которые въ сохраненіи и размноженіи только обнаруживаются наиболѣе наглядно. Тѣ. напр., «страданія», которыя приходится переносить неприспособленному существу, и которыя, понижая его жизнеспособность, ускоряютъ его гибель, служатъ самымъ настоящимъ выраженіемъ «естественнаго подбора».

Такимъ образомъ нельзя установить никакого принципіальнаго различія между «психическимъ» и «естественнымъ» подборомъ, если тотъ и другой понимать не въ грубо-реалистическомъ смыслѣ, какъ самостоятельнаго «дѣятеля» жизни, а въ томъ чуждомъ всякаго олицетворенія, строго методологическомъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ эти понятія *).

Но психическій подборъ долженъ разсматриваться, какъ частная форма «естественнаго» подбора, потому что первый относится только къ ассоціативнымъ координаціямъ переживаній, второй же—ко всѣмъ явленіямъ жизни во всѣхъ формахъ.

VIII.

Неразрывная связь психическаго подбора съ «аффекціоналомъ» ставитъ передъ нами новый вопросъ. Большинство психофизіологовъ разсматриваютъ самый «аффекціоналъ», какъ своеобразное психическое приспособленіе, очень важное, особенно необходимое для сохраненія жизни, но все же только *частное* психическое приспособленіе, одно изъ многихъ выра-

*) Въ наукѣ методологическая концепція *естественнаго* подбора наиболѣе отчетливо выяснена, на нашъ взглядъ, Le-Dantec'омъ въ его критическихъ работахъ о дарвинизмѣ и нео-ламаркизмѣ. Онъ только придаетъ слишкомъ исключительное значеніе *химическимъ* условіямъ равновѣсія жизненной формы съ ея средою, тогда какъ несомнѣнно, что дѣло идетъ здѣсь также и о физическомъ и о механическомъ равновѣсіи. Впрочемъ, и эта сторона дѣла у него отмѣчена, но слишкомъ бѣгло.

ботанныхъ развитіемъ. Принимая такую точку зрѣнія, было бы, очевидно, невозможно самую идею психическаго подбора, который въ психическомъ опытѣ выступаетъ, какъ подборъ аффекціональный, сдѣлать всеобщимъ методомъ психическаго изслѣдованія. Но можно ли вообще согласиться съ этой точкой зрѣнія.

Аффекціоналъ означаетъ только удовольствіе и страданіе, какъ непосредственныя чувствованія, вѣрнѣе—какъ нѣкоторую непосредственную окраску переживаній (ихъ «чувственный тонъ»). Взятая въ отдѣльности, сама по себѣ, окраска эта никакого приспособленія, очевидно не представляетъ. Но удовольствіе есть то, къ чему живое существо стремится, страданіе есть то, чего оно избѣгаетъ, причемъ то и другое служитъ на пользу сохраненію и развитію жизни: то и другое, такимъ образомъ, вполнѣ возможно разсматривать, какъ «приспособленіе». Что же это значитъ?

Ребенокъ приближаетъ руку къ огню, испытываетъ извѣстныя температурныя ощущенія въ окраскѣ сильнаго страданія и отдергиваетъ руку. Это — приспособленіе. Ребенокъ видитъ чудовище и сильно пугается; эмоція страха характеризуется сильнымъ страданіемъ, — но здѣсь страданіе это только отнимаетъ у ребенка силы, необходимыя для бѣгства отъ чудовища или борьбы съ нимъ: приспособленія, какъ видимъ, нѣтъ. Страданіе въ обоихъ случаяхъ означаетъ одно и то же—разрушительное вліяніе среды, растрату энергіи психической системы; но реакція системы различна, и различенъ результатъ для психической системы: въ одномъ случаѣ приспособленіе, въ другомъ неприспособленность. Отсюда вытекаетъ такой выводъ: если мы отграничимъ въ познаніи аффекціоналъ переживанія отъ послѣдующей реакціи со стороны системы, то окажется, что приспособленіе (или неприспособленность) зависитъ всецѣло отъ характера этой послѣдующей реакціи, самъ же аффекціоналъ выражаетъ только состояніе системы, пониженіе или повышеніе ея энергіи, т. е. въ сущности ея отношеніе къ «средѣ», которая является либо факторомъ, отнимающимъ энергію системы, либо, наоборотъ,

источникомъ возрастанія энергіи. Если бы ребенокъ отдергивалъ руку отъ огня рефлекторно, даже не успѣвши почувствовать страданія, его приспособленность отъ этого не уменьшилась бы, а скорѣе даже возросла бы, потому что меньше была бы растрата энергіи психической системы.

Итакъ, аффекціоналъ не есть приспособленіе, хотя онъ опредѣляетъ собою направленіе и выработку приспособленій. Чрезмѣрно теплый или чрезмѣрно холодный для животнаго климатъ вполнѣ аналогичнымъ образомъ опредѣляетъ собою развитіе въ организмѣ животнаго новыхъ приспособленій, однако сама по себѣ чрезмѣрная теплота или холодъ отнюдь не есть приспособленіе Аффекціоналъ для психическаго подбора означаетъ то же, что разрушительное или благопріятное воздѣйствіе среды на организмъ—для подбора естественнаго.

Психическій подборъ есть психическая причинность, какъ подборъ естественный есть біологическая причинность. Но причинность—не телеологія; и если въ общемъ она приводитъ къ возникновенію и развитію уравновѣшенныхъ, гармоническихъ системъ, то далеко не всегда такъ бываетъ въ частныхъ случаяхъ. Психическій подборъ, какъ и подборъ естественный, очень многое создастъ только для разрушенія. На психическую систему онъ дѣйствуетъ всегда лишь частично, а не интегрально: координируетъ только «части частей», а не цѣлое. Онъ непосредственно приспособляетъ одни психическія переживанія къ другимъ, когда они вмѣстѣ встрѣчаются въ данной опредѣленной координаціи; но далеко не всегда изъ этого можетъ получаться *общая* приспособленность, для всѣхъ координацій системы. Дѣйствіе психическаго подбора нерѣдко противорѣчиво. Но въ рядѣ вѣковъ его организующая тенденція преодолѣваетъ эти противорѣчія, сила развитія господствуетъ надъ ними.

3. Схема ассоціацій.

I.

Основную характеристику всей области психическаго опыта представляетъ опредѣленный типъ его координаціи, именно типъ ассоціативный. До сихъ поръ мы пользовались понятіемъ ассоціативной связи только для того, чтобы указать границы области нашего изслѣдованія; но это отнюдь не означаетъ, чтобы данное понятіе имѣло для насъ значеніе познавательнаго «a priori» въ кантіански-гносеологическомъ значеніи этого слова; и какъ только отъ вопроса о всеобщемъ психологическомъ методѣ мы хотимъ сдѣлать шагъ по направленію къ конкретно-психологическому познанію, передъ нами выступаетъ задача—«объяснить» съ точки зрѣнія этого метода фактъ ассоціаціи переживаній въ психическомъ опытѣ.

Прежде всего, что подразумѣваетъ психологъ, когда онъ говоритъ объ «ассоціаціи»?

Тотъ неопредѣленный, неорганизованный потокъ переживаній, который представляетъ дѣйствительное, жизненное «a priori» всякаго опыта и познанія, потому что именно изъ него въ процессѣ развитія кристаллизуется и то и другое, этотъ первичный хаосъ жизни еще не есть, конечно, ассоціативная комбинація элементовъ, а только возможный матеріалъ для ея возникновенія. Но и устойчивый, прочно организованный комплексъ элементовъ также не образуетъ самъ по себѣ «ассоціаціи», пока въ опытѣ и познаніи онъ не разложился на составныя части которыя и разематриваются тогда, какъ «ассоціированныя» между собою. Два комплекса, *A* и *B*, которые неизмѣнно встрѣчались бы вмѣстѣ въ полѣ психическаго опыта, не составляли бы ассоціаціи, потому что вовсе не различались бы какъ два отдѣльныхъ комплекса, а принимались бы какъ одинъ. Такимъ образомъ, если мы говоримъ объ ассоціативной связи комплексовъ *A*, *B*, *C* и т. д., то тѣмъ самымъ подразумѣваемъ не только ихъ взаимную связь, но и ихъ раздѣльность,—подразумѣваемъ

что иногда они выступаютъ вмѣстѣ, а иногда порознь, въ комбинаціяхъ съ другими комплексами. Но въ то же время мы не считаемъ «случайными» встрѣчи комплексовъ *A, B, C*... въ полѣ сознанія, а признаемъ извѣстную закономѣрность, состоящую въ томъ, что каждый изъ нихъ «влечетъ» за собою другіе, т.-е. каждый является положительнымъ, а не отрицательнымъ и не безразличнымъ условіемъ для возникновенія другихъ въ сферѣ непосредственнаго психическаго опыта. Иногда это условіе само по себѣ оказывается достаточнымъ, иногда нѣтъ, но всегда при его наличности для появленія ассоціированныхъ съ нимъ переживаній требуется меньшая сумма всякихъ иныхъ условій, чѣмъ при его отсутствіи.

Основная, наиболѣе общая и типичная форма ассоціативной связи—это ассоціація *по смежности*. Два переживанія, разъ выступавшія въ одномъ полѣ сознанія, обнаруживаютъ затѣмъ тенденцію взаимно вызывать другъ друга,—встрѣчая видѣнную раньше лошадь, человѣкъ вспоминаетъ о сидѣвшемъ тогда на ней всадникѣ, и наоборотъ. Какъ «объясняется» эта связь съ точки зрѣнія психическаго подбора?

Два комплекса, *A* и *B*, одновременно находящіеся въ полѣ сознанія, совмѣстно «подвергаются» психическому подбору, положительному или отрицательному, т.-е., другими словами, совмѣстно испытываютъ энергетическія измѣненія въ смыслѣ усиленія или ослабленія этихъ комплексовъ. Но тѣмъ самымъ оба комплекса образуютъ въ данной психикѣ *одну систему энергетическаго равновѣсія*. Это вытекаетъ изъ того, что поле сознанія представляетъ, какъ мы видѣли, область координированныхъ измѣненій психической системы, т.-е. измѣненій, энергетически въ данный моментъ связанныхъ, энергія которыхъ обмѣнивается не только со внѣшней для нихъ средой, но и между ними самими *).

*) Такая связь всего нагляднѣе выражается физіологически, именно, въ томъ, что отдѣльныя жизнеразности клѣтокъ и частныхъ центровъ, соотвѣтствующія «полю сознанія», сливаются при посредствѣ проводниковъ (ассоціативныхъ и проэкціонныхъ воло-

Итакъ, благодаря процессу психическаго подбора, передъ нами уже не два отдѣльныхъ, «случайно» соединившихся на время комплекса элементовъ, но нѣкоторая опредѣленная система равновѣсія. Она остается «внѣ сознанія», пока это равновѣсіе ничѣмъ не нарушается; если оно опредѣленнымъ образомъ нарушается для одной части этой системы—положимъ, для части A,—то «комплексъ A» вступаетъ въ поле сознанія; но тогда,—какъ во всякой энергетической системѣ,—нарушается равновѣсіе и для части B, и мы можемъ ожидать, что B также «появится» въ сознаніи. Если бы за все промежуточное время система этихъ двухъ комплексовъ оставалась совершенно неизмѣнною, то каждый изъ нихъ неизбѣжно вызывалъ бы другой вслѣдъ за собою; но о такой безусловной устойчивости не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о живой и живущей психикѣ: медленно и непрерывно измѣняясь въ своихъ мельчайшихъ частяхъ, система можетъ преобразоваться весьма значительно, и даже совсѣмъ разложится; вотъ почему и ассоціативная связь имѣетъ лишь ограниченное значеніе, вотъ почему она представляетъ массу различныхъ степеней, отъ неуловимаго minimum прочности до граничащаго съ неразрывностью maximum.

Съ этой точки зрѣнія для насъ вполнѣ объясняются всѣ существенныя особенности ассоціативной связи. Напр., она бываетъ особенно прочна, если возникаетъ при *сильномъ аффекціоналѣ*: все, что пережито въ моментъ высокой радости или интенсивнаго страданія, ассоціируется наиболѣе прочно, такъ что каждая часть тогдашняго поля сознанія, выступая въ сознаніи вновь, съ большой силой и ясностью воскрешаетъ другія,—на этомъ общеизвѣстномъ фактѣ основаны многіе пріемы мнемоники и педагогіи *). Сильный аффекціоналъ означаетъ

конъ) въ одну непрерывную, общую жизнеразность центральнаго аппарата.

*) Въ старыя времена, устанавливая границы помѣстій, на межѣ сѣкли мальчиковъ, чтобы они, доживши до старости, не могли забыть, гдѣ граница. Тѣмъ же методомъ пользуется современный классиче-

энергичное дѣйствіе психическаго подбора; и такъ какъ именно это дѣйствіе и создаетъ изъ двухъ встрѣтившихся въ сознаніи комплексовъ одчу систему равновѣсія, то понятно, что болѣе интенсивный подборъ обусловливаетъ большее относительное единство, большую устойчивость новой системы, т. е. болѣе прочную связь ея частей. Совершенно аналогичнымъ образомъ упрочивается ассоціація переживаній и тогда, когда они многократно выступаютъ вмѣстѣ въ сознаніи: здѣсь только интенсивность психическаго подбора замѣняется его продолжительностью, дѣйствіе его, такъ сказать, накопляется.

Съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе психическая жизнь за все то промежуточное время, пока ассоціированные комплексы остаются «за порогомъ» сознанія, тѣмъ больше ослабляется и ассоціативная связь этихъ комплексовъ, тѣмъ меньше шансовъ, что вступленіе одного изъ нихъ въ поле сознанія «повлечетъ» за собою вступленіе другого. Интенсивная психическая жизнь означаетъ большое количество измѣненій психической системы, слѣдовательно — большое количество измѣняющихъ вліяній, а вліянія эти дѣйствуютъ и за предѣлами главной координаціи, преобразуя прежде сложившіяся частныя системы энергетическаго равновѣсія—ассоціативныя группировки. И здѣсь, какъ въ предыдущемъ случаѣ, продолжительность измѣняющихъ вліяній имѣетъ однородное значеніе съ ихъ интенсивностью: ассоціаціи становятся менѣе прочными, если долго не возобновляются въ сознаніи.

Все это относится къ простѣйшему и основному типу ассоціативной связи—къ ассоціаціямъ «по смежности»; точно также разумѣется, и къ ассоціаціямъ «по временной послѣдовательности», потому что эта послѣдняя *заключаетъ* въ себѣ моментъ смежности: если комплексъ *A вполнѣ* исчезнетъ изъ сознанія къ моменту появленія комплекса *B*, то ассоціація

скій педагогъ, когда онъ оставляетъ ученика безъ обѣда, принуждая въ это время учить вокабулы, или патріархальные родители, когда они бьютъ дѣтей и «приговариваютъ»: «не дѣлай этого, не дѣлай этого»... и т. д.

послѣдовательности не образуется; она получается лишь въ томъ случаѣ, когда комплексъ *A* хотя бы только отчасти и въ ослабленномъ видѣ сохраняется еще нѣкоторое время на ряду съ *B*. Такимъ образомъ оба первоначальныхъ типа ассоціаціи мы имѣемъ всѣ основанія разсматривать, какъ *результатъ психическаго подбора*. Нѣсколько сложнѣе представляется вопросъ объ ассоціаціяхъ «по сходству» и «по контрасту» — объ ассоціаціяхъ «высшаго» типа. Чтобы перейти къ нимъ, для насъ требуется еще одно промежуточное звено — явленія психическаго «привыканія».

II.

Если какая-нибудь психическая реакція сенсорнаго характера (воспріятіе, представленіе) или двигательнаго (волевой актъ, стремленіе) повторно выступаетъ въ сознаніи, то она чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ становится *привычною*. При этомъ она измѣняется, и именно въ трехъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она все легче воспроизводится въ психикѣ— шансы ея новаго повторенія при прочихъ равныхъ условіяхъ возрастаютъ. Съ другой стороны, какъ комплексъ элементовъ опыта, она пріобрѣтаетъ все больше опредѣленности и консерватизма — взаимныя отношенія ея элементовъ становятся все прочнѣе и устойчивѣе. Съ третьей стороны, мѣняется аффекціональная окраска реакціи — вообще говоря въ сторону безразличія: высокій аффекціоналъ, положительный или отрицательный, понижается, становясь все болѣе незначительной величиной; но при отрицательномъ аффекціоналѣ дѣло этимъ не ограничивается,—онъ переходитъ затѣмъ въ положительный при чемъ, обыкновенно, также не переходитъ извѣстной не высокой величины*). Вопросъ заключается въ томъ, что можетъ

*) Эту сторону процесса привыканія «народная мудрость» выражаетъ словами: «стерпится—слюбится». Профессіональныя привычки даютъ людямъ возможность находить нѣкоторое удоволь

дать идея психическаго подбора для уясненія этихъ фактовъ, играющихъ такую громадную роль въ душевной жизни и развитіи.

Здѣсь прежде всего очевидно, что дѣло идетъ о многократномъ и въ общемъ продолжительномъ дѣйствіи психическаго подбора: повторяясь снова и снова, реакція каждый разъ подвергается этому дѣйствію. Если подборъ положительный (реакція въ сознаніи выступаетъ какъ нѣчто «пріятное»), то сразу же становится понятнымъ, почему возрастаютъ шансы дальнѣйшаго повторенія реакціи — это общая и основная черта положительнаго психическаго подбора. Но какимъ же образомъ получается аналогичный эффектъ «привыканія» и тогда, когда подборъ бываетъ отрицательный, когда реакція непосредственно «непріятна»? A priori слѣдовало бы ожидать, повидимому, прямо противоположнаго результата, — все болѣе и болѣе труднаго воспроизведенія реакціи? Правда, *иногда* такъ и случается— чѣмъ чаще данный комплексъ повторяется въ сознаніи, тѣмъ сильнѣе то внутреннее сопротивленіе, которое онъ при этомъ встрѣчаетъ,—тѣмъ сильнѣе тенденція къ его подавленію и устраненію изъ психическаго поля *). Но такъ бываетъ скорѣе въ меньшинствѣ случаевъ, насъ же сейчасъ занимаетъ противоположный типъ явленія — когда «непріятная» реакція возникаетъ все съ меньшимъ и меньшимъ сопротивленіемъ психики, а затѣмъ становится даже «пріятной», когда, напр., человѣкъ, начавши съ отвращеніемъ заниматься какой-нибудь работой,

---

ствіе даже въ томъ, что для всѣхъ непривычныхъ прямо невыносимо. Напр., многимъ химикамъ, работающимъ, хотя бы по анализу, съ сѣроводородомъ, запахъ этого газа положительно начинаетъ нравиться.

*) Напр., когда человѣка заставляютъ выполнять непріятную для него работу, то нерѣдко бываетъ такъ, что съ каждымъ разомъ это дѣлается для него все труднѣе, работа становится все менѣе энергичной, координація волевыхъ актовъ, психически ее опредѣляющая, становится все болѣе дисгармоничной и протекаетъ все болѣе вяло—типичная картина отрицательнаго психическаго подбора.

мало-по-малу «втягивается» въ нее и начинаетъ даже находить въ ней нѣкоторое удовольствіе.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такое «привыканіе» при отрицательной окраскѣ реакціи происходитъ гораздо медленнѣе и съ большей затратой энергіи, чѣмъ при положительной окраскѣ: «втянуться» въ непосредственно-пріятное занятіе гораздо легче, чѣмъ въ непосредственно-непріятное. Такимъ образомъ и здѣсь, повидимому, типичная *тенденція* отрицательнаго подбора имѣется налицо—она только парализуется и перевѣшивается какими-то другими вліяніями. Какія же это вліянія? Вопросъ рѣшается очень легко, если припомнить, что полемъ психическаго подбора является *все поле сознанія*, какъ одно цѣлое.

Трудно представить себѣ бо́льшія страданія, чѣмъ тѣ, которыя испытываетъ десятилѣтній школьникъ, «пріучаясь» курить: Необычныя осязательныя, обонятельныя и вкусовыя ощущенія отъ табачнаго дыма вызываютъ цѣлый рядъ дисгармоническихъ судорожныхъ реакцій—со стороны діафрагмы и другихъ мускуловъ дыхательнаго аппарата (кашель), со стороны сосудистой системы (сердцебіеніе, учащенный пульсъ), мускуловъ лица (гримаса), различныхъ железъ (слезы, слюнотеченіе) и т. д. Въ совокупности это означаетъ большую растрату энергіи, слѣдовательно, большое страданіе. Если бы все дѣло къ этому и сводилось, то врядъ-ли кто-нибудь «привыкъ» бы курить. Но обстоятельства гораздо сложнѣе, и въ полѣ сознанія имѣется, кромѣ указанныхъ комплексовъ, еще немало иныхъ. Представленіе объ актѣ куренія соединяется въ психикѣ ребенка съ представленіемъ о нѣкоторомъ относительномъ «равенствѣ» со взрослыми, стало быть о нѣкоторомъ принципіальномъ расширеніи жизни, о повышеніи ея уровня. Это сочетаніе сводится въ концѣ концовъ, къ ассоціаціи «по смежности» — къ тому факту, что ребенокъ видѣлъ курящими только взрослыхъ, и въ то же время наблюдалъ ихъ взаимныя отношенія—съ его точки зрѣнія весьма «свободныя». Если актъ куренія причиняетъ «непріятныя» ощущенія, то сознаніе возрастающей свободы

«пріятно»: одна часть ассоціаціи, взятая въ отдѣльности, имѣетъ отрицательный аффекціоналъ, другая—положительный; какова же окраска ассоціаціи, какъ цѣлаго? Чувство страданія, которымъ омрачается первая часть ассоціаціи, очень интенсивно, однако скоропреходяще, и имѣетъ лишь индивидуально-физіологическую основу; напротивъ, чувство удовольствія, характеризующее вторую часть ассоціаціи, можетъ быть не особенно интенсивно, но имѣетъ соціально-психологическую основу, постоянно поддерживается окружающей ребенка общественной средой, и потому отличается длительнымъ дѣйствіемъ. Ребенокъ одинъ-два раза накурится до тошноты и страдаетъ нѣсколько часовъ; но каждый день по многу разъ, глядя на окружающихъ, онъ возвращается къ мысли: «ахъ, какъ хорошо быть взрослымъ, который дѣлаетъ, что хочетъ, и который куритъ съ очевиднымъ удовольствіемъ». Если въ этой постоянно возобновляющейся ассоціаціи перевѣсъ получитъ длительное, хотя менѣе интенсивное дѣйствіе положительнаго аффекціонала, то нашъ герой будетъ вновь и вновь возобновлять попытки курить; если побѣдитъ интенсивное, хотя менѣе продолжительное вліяніе отрицательнаго аффекціонала, то попытки будутъ становиться рѣже или прекратятся. Въ первомъ случаѣ шансы повторенія реакціи возрастаютъ, какъ и бываетъ при «привыканіи», во второмъ—уменьшаются.

Этотъ частный примѣръ дастъ намъ указаніе на тотъ общій путь, на которомъ создается «привычка» къ повторенію «непріятной» реакціи. При каждомъ фактическомъ повтореніи реакціи, повтореніи, обусловленномъ совокупностью обстоятельствъ, хотя бы только «внѣшнихъ», реакція эта выступаетъ какъ составная часть опредѣленнаго *поля сознанія*, и психическій подборъ ассоціируетъ ее «по смежности» съ остальнымъ содержаніемъ этого поля. Чѣмъ больше происходитъ такихъ фактическихъ повтореній, тѣмъ больше различныхъ «полей сознанія» вмѣщаютъ данную реакцію, тѣмъ больше у нея образуется «ассоціативныхъ связей» по смежности; а каждая ассоціативная связь, какъ мы знаемъ, увеличиваетъ шансы повторенія реак-

ціи. При этомъ *собственная* аффекціональная окраска реакціи становится менѣе важной, потому что дѣйствіе психическаго подбора относится, какъ мы видѣли, не къ отдѣльной части поля сознанія, а къ его цѣлому; и спеціальный аффекціоналъ реакціи входитъ лишь какъ *слагаемое* въ общую сумму условій психическаго подбора. Если это слагаемое имѣетъ знакъ минусъ, а другія плюсъ, то въ зависимости отъ величины жизненной суммы шансы повторенія реакціи будутъ либо возрастать, либо уменьшаться. Въ первомъ случаѣ мы и получимъ процессъ «привыканія къ непріятному»; и понятно, что процессъ этотъ окажется, вообще говоря, гораздо болѣе медленнымъ и тяжелымъ, чѣмъ «привыканіе къ пріятному».

Другая сторона процесса выражается въ возрастаніи опредѣленности и консерватизма той психической реакціи, которая «входитъ въ привычку». Это объясняется просто общей продолжительностью дѣйствія психическаго подбора, которое выступаетъ на сцену при каждомъ повтореніи реакціи. *Какъ всякій энергетическій процессъ*, психическій подборъ направляется въ сторону устойчиваго равновѣсія и, дѣйствуя на данный комплексъ элементовъ, стремится создать изъ него уравновѣшенную, консервативную систему, что и характеризуетъ «привычные» комплексы. Но получается всегда, конечно, не абсолютная, а только относительная опредѣленность, потому что психическій подборъ стремится въ то же время образовать системы равновѣсія болѣе обширнаго объема — именно, изъ даннаго комплекса *вмѣстѣ* съ другими, съ которыми онъ встрѣчается въ одномъ полѣ сознанія (системы ассоціативныя).

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и «притупленіе» аффекціонала по мѣрѣ привыканія. По мѣрѣ того какъ создаются ассоціативныя системы энергетическаго равновѣсія, происходитъ и уравновѣшеніе аффекціоналовъ различныхъ частей каждой такой системы: всякій значительный плюсъ или минусъ, такъ сказать, расплывается, распредѣляясь въ этихъ системахъ между всѣми ихъ частями. Получается для различныхъ ассоціированныхъ комплексовъ нѣкоторый средній аффек-

ціоналъ; и вполнѣ естественно, что это, обыкновенно, небольшой *положительный* аффекціоналъ потому что самое «привыканіе» происходитъ, какъ мы видѣли, только тогда, когда въ общей суммѣ дѣйствіе психическаго подбора на различныя ассоціаціи, включающія *данную* реакцію, положительное, а не отрицательное. Напримѣръ, если химикъ понемногу начинаетъ находить запахъ H^2S довольно пріятнымъ, то это прежде всего потому, что съ этимъ ощущеніемъ для него ассоціируется представленіе о многихъ интересныхъ и полезныхъ химическихъ реакціяхъ,—представленіе, имѣющее положительный аффекціоналъ, который переходитъ и на ощущаемый запахъ *).

Въ массѣ случаевъ измѣненіе аффекціонала происходитъ, однако, еще другимъ путемъ, примѣромъ котораго хорошо можетъ служить хотя бы та же «привычка» къ куренію. У непривычнаго человѣка табачный дымъ, какъ новое интенсивное внѣшнее вліяніе, вызываетъ, мы знаемъ, массу «судорожныхъ реакцій», которыя всѣ «непріятны», такъ какъ представляютъ большую растрату нервной энергіи (кашель, сердцебіеніе, сжатіе периферическихъ сосудовъ и т. д.). Этимъ-то судорожнымъ реакціямъ и принадлежитъ наибольшая доля отрицательнаго аффекціонала при актѣ куренія, и если актъ этотъ повторяется, то онѣ постепенно устраняются психическимъ подборомъ—по общему закону его дѣйствія; а съ ихъ устраненіемъ уменьшается и отрицательный аффекціоналъ переживаній лица, которое куритъ.—уменьшается или даже переходитъ въ положительный, если ассоціативно присоединяются «пріятныя» переживанія.

Какъ видимъ, «процессъ привыканія» во всѣхъ своихъ основныхъ проявленіяхъ лежитъ всецѣло въ рамкахъ «психическаго подбора», другими словами—легко имъ «объясняется».

*) Въ то же время происходитъ, конечно, и обратное явленіе: положительный аффекціоналъ представленія о такихъ то интересныхъ и полезныхъ химическихъ реакціяхъ *уменьшается*, благодаря «непріятной» окраскѣ запаха, представляемаго или ощущаемаго въ связи съ этими реакціями.

III.

Точка зрѣнія психическаго подбора дала намъ возможность «объяснить» различныя проявленія того процесса, который обозначается словомъ «привыканіе», и который обыкновенно—но не всегда—сопровождаетъ собою психическое «упражненіе» («Uebung»), т.-е. повтореніе сходныхъ психическихъ комплексовъ въ потокѣ опыта. Но она же дала намъ возможность понять и тѣ случаи, когда «упражненіе» не влечетъ за собою «привыканія»—случаи особенно «непріятныхъ» переживаній при повтореніи которыхъ отрицательный подборъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ, все болѣе и болѣе противодѣйствуя дальнѣйшимъ повтореніямъ. Такимъ образомъ идея психическаго подбора оказывается шире и общѣе того взгляда, который я назвалъ бы «психологическимъ ламаркизмомъ», и который останавливается только на поверхности фактовъ «упражненія» и «привыканія», констатируя ихъ, но не сводя ихъ къ единству съ несомнѣнными фактами противоположнаго характера *).

Теперь мы, очевидно, можемъ и тѣ и другіе факты, какъ уже «объясненные», уже сведенные къ единству идеи психическаго подбора, сдѣлать основой дальнѣйшаго «объясненія»—для психическихъ фактовъ болѣе сложнаго характера. И прежде всего мы сдѣлаемъ это по отношенію къ высшимъ типамъ

*) У Авенаріуса въ «Критикѣ чистаго опыта» такой «ламаркизмъ» играетъ роль одной изъ центральныхъ идей и связывается со слишкомъ внѣшне-формальнымъ пониманіемъ принципа «чистаго описанія». Принципъ этотъ, въ сущности, требуетъ, чтобы въ познаніе не вносилось ничего *принципіально выходящаго за предѣлы даннаго опыта*, чтобы всякое «объясненіе было только *упрощающимъ описаніемъ*, но онъ отнюдь не сводитъ методы этого упрощающаго описанія къ механическому обобщенію фактовъ,—такое обобщеніе есть только матеріалъ для объединящей идеи, но еще вовсе не объединяющая идея. Все, что Авенаріусъ говоритъ объ «Uebung»—только механическое обобщеніе.

ассоціативныхъ процессовъ—къ ассоціаціямъ по сходству и по контрасту, которыя составляютъ базисъ всякаго познавательнаго «обобщенія» и «различенія».

Всякій комплексъ элементовъ, выдѣляющійся изъ потока переживаній, выступаетъ первоначально въ опытѣ какъ нѣкоторое неопредѣленное цѣлое. Даже отличить его отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ, возможно только благодаря тому, что онъ является въ соединеніи не съ одними и тѣми же, но при каждомъ повтореніи — по крайней мѣрѣ, отчасти — съ новыми и новыми комплексами. Вполнѣ аналогичны и тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ *разложеніе* комплекса на его части и элементы: эти части и эти элементы повторяются въ иныхъ, новыхъ комбинаціяхъ, такъ что прежній комплексъ воспроизводится не только цѣликомъ, но иногда и частично—въ *другихъ* комплексахъ. Напр., если ребенокъ, видѣвшій до сихъ поръ только одну кошку, встрѣчаетъ другую, то въ его психикѣ воспроизводится фактически большая часть комбинацій прежняго комплекса—представленія о кошкѣ, но въ соединеніи съ нѣкоторыми новыми вмѣсто нѣкоторыхъ старыхъ комбинацій. Аналогичные факты въ дальнѣйшемъ происходятъ снова и снова,—повторяющаяся при этомъ «общая» часть всѣхъ соотвѣтственныхъ комплексовъ—воспріятій или представленій о «кошкѣ»—подвергается болѣе длительному и систематическому дѣйствію психическаго подбора, чѣмъ остальныя—«индивидуальныя»—части этихъ комплексовъ, а слѣдовательно становится болѣе «привычкой». «Привыканье» и здѣсь ведетъ, разумѣется, *къ большей повторяемости, къ большему консерватизму и сравнительному аффекціональному безразличію*. Всѣ эти черты и характеризуютъ постепенно обособляющійся такимъ образомъ комплексъ—«обобщенное представленіе» о кошкѣ *).

*) Собственно говоря, и первоначальное представленіе о такой-то данной кошкѣ, напр., первой, какую видѣлъ до сихъ поръ данный ребенокъ, образуется такимъ же путемъ: рядъ послѣдовательныхъ воспріятій одной и той же кошки не представляетъ точнаго повторенія одного и того же комплекса, но лишь приблизительное и представленіе о такой-то данной кошкѣ есть уже «обобщеніе».

Совершающійся такимъ образомъ процессъ «обобщенія» есть въ то же время процессъ *ассоціированія по сходству*. Дѣло въ томъ, что наиболѣе повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, естественнымъ образомъ, ассоціирована по *смежности* съ каждой изъ частей менѣе повторяющихся, и «влечетъ» ихъ за собою въ сознаніи. Если A, какъ болѣе повторяющаяся комбинація, обособилась въ одномъ комплексѣ отъ B, какъ болѣе индивидуальной части комплекса, въ другомъ отъ C, въ третьемъ отъ D, то это обособленіе не безусловно: A остается все-таки ассоціировано съ B, потому что вмѣстѣ съ нимъ находилось въ одномъ полѣ сознанія и вмѣстѣ подвергалось дѣйствію психическаго подбора, которое, какъ мы видѣли, создаетъ въ этомъ случаѣ ассоціативное отношеніе; но точно также A соединено ассоціативной связью и съ C, и съ D и т. д. Слѣдовательно, въ какой бы изъ этихъ своихъ ассоціативныхъ комбинацій A непосредственно ни являлось, оно «имѣетъ тенденцію» вызвать въ сознаніи и остальныя свои комбинаціи: $A+B$ «влечетъ» за собой $A+C$ и $A+D$. и т. д., одна кошка «напоминаетъ» о другихъ кошкахъ, одна птица—о другихъ птицахъ... Это и есть ассоціація «по сходству».

Развитіе психическаго опыта приводитъ къ прогрессивному обобщенію переживаній. Разложеніе комплексовъ опыта идетъ все дальше, повторяющаяся часть одного ряда комплексовъ и повторяющаяся часть другого ряда могутъ заключать въ себѣ общія комбинаціи, которыя въ свою очередь обособляются психическимъ подборомъ, какъ особенно «привычныя» для психики,—это «обобщенія второго порядка» и т. д. Обобщенія высшихъ порядковъ являются ассоціативными центрами для обобщенія низшихъ порядковъ, какъ эти для еще болѣе низшихъ. Эта цѣпь обобщенія есть въ то же время цѣпь ассоціацій по сходству, болѣе широкихъ и менѣе широкихъ.

Такъ какъ «обобщеніе», т. е. повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, «обособляется» до извѣстной степени лишь благодаря своему повторенію въ составѣ этихъ комплексовъ, и

такъ какъ оно образуетъ ихъ общій ассоціативный центръ, то естественно, что оно никогда не является *совершенно отдѣльно* отъ этихъ комплексовъ, никогда не обособляется отъ нихъ вполнѣ, даже на короткое время: какъ мы знаемъ, ассоціативная связь означаетъ выработанную психическимъ подборомъ систему энергетическаго равновѣсія; и потому «обобщеніе», будучи только центральнымъ звеномъ обширной системы подобнаго рода, никоимъ образомъ не можетъ совершенно отъ нея оторваться, хотя бы даже только на одинъ моментъ. Если бы это и случилось, то передъ нами оказалась бы энергетически неуравновѣшенная комбинація, которая по своей неуравновѣшенности тотчасъ же вывела бы изъ равновѣсія смежныя (ассоціативныя) психическія группировки, т. е. вовлекла бы въ «поле сознанія» свои «частные» комплексы, которые она обобщаетъ. Другими словами, обобщеніе *всегда* въ психикѣ проявляется какъ центральная часть ассоціаціи по сходству, и только въ такой ассоціаціи существуетъ. «Чистаго обобщенія, которое бы «отвлекалось» отъ всего индивидуальнаго въ обобщенныхъ частныхъ комплексахъ, человѣкъ иногда не можетъ реализовать въ своемъ сознаніи.

Итакъ, обобщеніе представляетъ не что иное какъ ассоціацію по сходству, въ которой психическимъ подборомъ до извѣстной степени обособлена—такъ сказать «подчеркнута» — повторяющаяся часть ассоціированныхъ комплексовъ. Понятно, что чѣмъ выше степень или «порядокъ» обобщенія, тѣмъ болѣе широкой ассоціаціи по сходству оно соотвѣтствуетъ, тѣмъ болѣе значительную массу частныхъ комплексовъ оно связываетъ. Но поле сознанія, какъ область координированныхъ измѣненій психики, всегда ограничено: какъ всякая организованная система, психика не можетъ безъ нарушенія своей связности и единства испытывать одновременно неопредѣленно большое количество измѣненій. Вотъ почему никогда или почти никогда комплексъ обобщенный не выступаетъ въ сознаніи вмѣстѣ со *всѣми* частными, которые онъ объединяетъ: на лицо имѣются только нѣкоторые изъ нихъ, при томъ одни съ боль-

шей отчетливостью, другіе съ меньшей, третьи — въ совсѣмъ ослабленномъ видѣ; а психическій подборъ очень быстро смѣняетъ одни изъ нихъ другими, такъ что цѣлое имѣетъ колеблющійся характеръ. Это постоянная психологическая черта «обобщеній».

То, что въ познаніи называется «понятіемъ», есть прочная, соціально-обусловленная ассоціація *по смежности* между расплывчато-неустойчивымъ въ сознаніи комплексомъ «обобщеніемъ», и вполнѣ опредѣленнымъ, незначительнымъ по суммѣ элементовъ, высоко-консервативнымъ комплексомъ «словомъ». Принципіально эта ассоціація «объясняется» такъ же, какъ всякая другая, соціальный же ея генезисъ лежитъ пока за предѣлами нашей задачи.

Какъ видимъ, наша точка зрѣнія, опираясь на факты «привыканія», легко сводитъ основные процессы познавательной дѣятельности къ принципу психическаго подбора. При этомъ она «объясняетъ» и характерную «холодность» познанія, сравнительное аффекціональное безразличіе «обобщеній» и «понятій»: наиболѣе «общее» есть наиболѣе повторяющееся, наиболѣе «привычное», а «привыканіе», какъ мы видѣли, ведетъ къ притупленію аффекціонала. Эта «холодность» познанія есть также условіе того *консерватизма* понятій, который выражается въ логическомъ «законѣ тожества»: высокій аффекціоналъ означаетъ вѣдь интенсивную работу психическаго подбора, стало быть—преобразованіе комплексовъ, находящихся въ сознаніи, нарушеніе ихъ «тожества»,—и потому онъ несовмѣстимъ со строгимъ консерватизмомъ сложившихся понятій.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ третьей, самой сложной формѣ ассоціативной связи, намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на очень важныхъ для объясненія этой формы случаяхъ *конкуренціи* психическихъ комплексовъ.

Поле сознанія есть область координированныхъ измѣненій психической системы. Эта область является всегда неизбѣжно ограниченной и именно въ силу двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, представляя изъ себя организованное, очень сложное и лишь относительно устойчивое цѣлое, психика вообще не можетъ переносить неопредѣленно большого количества одновременныхъ измѣненій—разъ оно переходитъ извѣстную границу, психика начинаетъ просто разрушаться. Съ другой стороны, и степень координаціи измѣненій уменьшается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ихъ одновременно возникаетъ, и за извѣстнымъ предѣломъ связность ихъ исчезаетъ, — получается смутная, неопредѣленная масса переживаній, которая не есть психическій опытъ («Verworrenheit»). Получается громадная растрата энергіи психической системы, психическій подборъ направляется въ сторону сужен'я поля переживаній, и если это достигается, сознаніе «входитъ въ свои нормальныя границы».

Психологи-экспериментаторы, какъ напр. Вундтъ, дѣлали опыты съ цѣлью опредѣлить предѣльный объемъ сознанія. Результаты этихъ опытовъ мало поддаются точному выраженію, потому что единицы измѣренія еще далеко не выработаны; несомнѣнно одно, что для каждой психики такой предѣльный объемъ существуетъ, какъ нѣкоторая естественная граница для расширенія потока переживаній.

Отъ этой границы зависитъ взаимная конкурренція психическихъ комплексовъ. Чѣмъ ихъ больше въ полѣ сознанія, тѣмъ сильнѣе психическій подборъ стремится уменьшить ихъ количество. При этомъ устраненіе однихъ ведетъ къ увеличенію яркости и ясности другихъ, и наоборотъ. Въ этомъ и состоитъ конкурренція переживаній.

Степень конкурренціи, ея интенсивность, зависитъ, конечно, не только отъ количества конкуррирующихъ комплексовъ, но также и отъ ихъ состава, и отъ характера ихъ взаимныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе комплексы разнородны, чѣмъ менѣе въ нихъ имѣется общихъ, связывающихъ комбинацій, тѣмъ мень-

ше и тѣмъ труднѣе достигается ихъ взаимная координація, тѣмъ интенсивнѣе они конкуррируютъ между собою. Это хорошо знаетъ всякій, кому приходилось сразу думать о нѣсколькихъ различныхъ дѣлахъ. И есть одинъ, чрезвычайно важный рядъ случаевъ, когда конкурренція становится особенно сильной даже при очень маломъ количествѣ переживаній. Это тогда, когда дѣло идетъ о противорѣчіяхъ *волевыхъ* комплексовъ.

Если разсматривать жизнь психики въ ея отношеніяхъ къ внѣшней средѣ, то приходится установить два основныхъ типа психическихъ переживаній: комплексы—*образы* (ощущенія, воспріятія, представленія) и *волевые* комплексы (стремленія, импульсы). «Образы» суть ближайшія отраженія воздѣйствій среды въ психической системѣ, «воля» есть обратная реакція системы на эти воздѣйствія, реакція ихъ измѣняющая. Комплексы «среды» обусловливаютъ измѣненія въ комплексахъ «психики»; поскольку эти послѣдніе имѣютъ пассивный характеръ, не отражаются въ свою очередь въ комплексахъ среды, постольку они только «образы»; поскольку они получаютъ активную окраску, отражаются въ свою очередь въ средѣ, постольку они составляютъ «волю» *). Нераздѣльная связь тѣхъ и другихъ, невозможность рѣзкихъ границъ между ихъ областями очевидна сама собою.

Типичная психическая реакція представляетъ неразрывное сочетаніе комплекса перваго рода съ комплексомъ второго рода. Человѣкъ «воспринимаетъ» опредѣленный образъ, положимъ, «добычу», и этотъ образъ непосредственно влечетъ за собой

*) «Представленіе» есть неполный комплексъ-образъ, возникающій не изъ прямого и непосредственнаго воздѣйствія комплексовъ среды, но все же являющійся ихъ *косвеннымъ* отраженіемъ. Стремленіе – неполный волевой комплексъ, не отражающійся ближайшимъ образомъ на комплексахъ среды, но при достаточныхъ условіяхъ непосредственно переходящій въ волевой актъ, который уже «отражается» въ средѣ. (Объ отношеніяхъ этихъ неполныхъ психическихъ реакцій къ полнымъ см. мою работу «Познаніе съ исторической точки зрѣнія». Спб. 1901, стр. 68—77).

волевой импульсъ опредѣленнаго характера—актъ «завладѣванія» добычей. Первоначально это—одинъ непрерывный комплексъ, и только съ расширеніемъ и усложненіемъ опыта онъ раздѣляется на двѣ взаимно ассоціированныя части.

Волевой комплексъ, взятый самъ по себѣ, всегда представляетъ *затрату* энергіи психической системы, является для нея *энергетически-отрицательной* величиной. Физіологически онъ и выражается въ *иннерваціи*, въ потокѣ энергіи, направленномъ отъ центральнаго аппарата системы къ периферіи, а въ конечномъ счетѣ—къ внѣшней средѣ. Такимъ образомъ, для всякаго комплекса, въ которомъ преобладаютъ «волевыя» комбинаціи, психическій подборъ долженъ оказываться отрицательнымъ, стремится удалить этотъ комплексъ изъ сознанія; недаромъ многіе философы разсматривали стремленія, волю, какъ страданіе. Такіе комплексы быстро исчезали бы изъ сознанія, если бы не продолжающееся дѣйствіе тѣхъ, по отношенію къ полю сознанія «внѣшнихъ» условій, которыми *вызваны* эти комплексы, и которыми они, такъ сказать, вновь и вновь вызываются. Пока продолжается дѣйствіе холода на организмъ, до тѣхъ поръ не прекращается и стремленіе укрыться отъ холода, закутаться чѣмъ-нибудь, не прекращается несмотря на отрицательную окраску того поля сознанія, въ которомъ выступаетъ; но лишь только условія, порождающія и возобновляющія стремленіе, устранены, напр.,—оно «удовлетворено»—оно съ величайшей быстротой исчезаетъ изъ сознанія подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора; и напр., послѣ хорошаго обѣда трудно даже представить себѣ, какъ это люди хотятъ ѣсть.

Вполнѣ понятно, что комплексы волевые гораздо сильнѣе конкуррируютъ между собою, встрѣчаясь въ сознаніи, чѣмъ комплексы-образы: получается непрерывная растрата энергіи по различнымъ направленіямъ, и отрицательный аффекціоналъ особенно значителенъ. При этомъ обыкновенно ни одинъ изъ конкуррирующихъ комплексовъ не достигаетъ, именно въ силу конкурренціи другихъ, степени полнаго волевого акта, а

остается на стадіи «стремленія»; получается борьба различныхъ «стремленій», которая продолжается до тѣхъ поръ, пока отрицательный подборъ не устранитъ всѣхъ конкуррентовъ, кромѣ одного; это наиболѣе интенсивное и устойчивое, а потому и вытѣснившее всѣ прочія, стремленіе заполняетъ тогда поле сознанія и переходитъ въ дѣйствіе.

Въ дѣйствительности конкуррируютъ, конечно, не чистые волевые комплексы, а цѣлыя ассоціаціи образовъ со стремленіями. Дѣйствіе психическаго подбора становится сложнѣе потому, что образы сами по себѣ могутъ имѣть и положительный аффекціоналъ, нерѣдко даже очень значительный; и слѣдовательно возникаетъ положительный подборъ, который усиливаетъ не только самый образъ, но и ассоціированное съ нимъ стремленіе. Тогда «стремленіе къ пріятному» становится активнымъ, переходитъ въ дѣйствіе. Но для насъ въ данный моментъ важно другое: въ каждой изъ конкуррирующихъ ассоціацій интенсивность образа измѣняется вмѣстѣ съ интенсивностью соотвѣтственнаго стремленія, повышаясь и понижаясь приблизительно параллельно этой послѣдней. Такое соотвѣтствіе неизбѣжно въ силу тѣснѣйшей ассоціативной связи образа и стремленія.

V.

Рядомъ съ ассоціаціями «по сходству» громадную роль въ познавательной жизни человѣка играютъ ассоціаціи «по контрасту» или, говоря общѣе, «по различію». Это еще болѣе сложный типъ ассоціативной связи.

Когда вы видите чернаго африканца, въ вашемъ сознаніи всплываетъ представленіе о «бѣломъ» кавказцѣ, о «мѣдно-красномъ» индѣйцѣ, о смугло-желтомъ человѣкѣ монгольской расы, и т. д. При этомъ въ вашемъ сознаніи выступаютъ на первый планъ, выдѣляются съ наибольшей яркостью и опредѣленностью именно черты ихъ *различія*, а не сходства, въ данномъ слу-

чай—окраска ихъ кожи. Такова ассоціація по различію. Нетрудно замѣтить, что она *предполагаетъ* ассоціацію по сходству. Видя чернаго человѣка, вы не вспоминаете ни бѣлый пухъ, ни бѣлую бумагу, но бѣлаго человѣка; черты сходства, общія этимъ двумъ комплексамъ элементовъ, образуютъ необходимую и первичную связь между ними; и только тѣ комплексы, которые сближены уже этой связью, могутъ послужить матеріаломъ для той новой комбинаціи, которую мы обозначаемъ, какъ ассоціацію по различію.

Новая комбинація сама представляетъ нѣкоторую противоположность съ прежней; тогда какъ въ ассоціаціи по сходству наибольшей интенсивностью отличаются общія части объединенныхъ комплексовъ («форма обобщенія»), а черты различія стушевываются и спутываются, сливаясь въ какую-то смутную массу переживаній,—въ ассоціаціи по различію отношеніе совершенно обратное: общія черты отступаютъ на второй планъ и сознаются лишь слабо и смутно, а «различія» какъ бы подчеркиваются, выступая со все большей яркостью и опредѣленностью («форма различенія»). Задача состоитъ въ томъ, чтобы выяснить психологическій генезисъ такихъ ассоціацій.

Всего легче обрисовать этотъ генезисъ на конкретномъ примѣрѣ.

Предположимъ, что между «бѣлыми» людьми и «черными» въ степяхъ южной Африки ведется война; и вы случайно отстали отъ европейскаго войска и заблудились въ незнакомой вамъ мѣстности. Оглядываясь кругомъ, вы замѣчаете, что на горизонтѣ вдали вырѣзывается силуэтъ какой-то человѣческой фигуры; вы вглядываетесь, но никакъ не можете разобрать, негръ это или европеецъ въ темномъ костюмѣ. Въ вашемъ сознаніи выступаютъ, взаимно конкуррируя, два психическихъ комплекса, но это не только образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка, а образы, тѣсно ассоціированные съ опредѣленными *стремленіями:* представленіе объ европейцѣ неразрывно связано со стремленіемъ броситься къ нему навстрѣчу, чтобы получить отъ него помощь или указанія относительно дороги къ вой-

ку, представленіе о негрѣ—со стремленіемъ спрятаться и приготовиться къ нападенію. «Внѣшнее воздѣйствіе», вызывающее оба комплекса, не прекращается,—вы продолжаете видѣть неопредѣленный силуэтъ; они интенсивно конкуррируютъ, взаимно ослабляя другъ друга и не давая одинъ другому завершиться настоящимъ волевымъ актомъ; это «колебательное» состояніе сопровождается, какъ мы знаемъ, значительной растратой энергіи, что и выражается въ сильномъ отрицательномъ аффекціоналѣ: состояніе безусловно «непріятное». Имѣется, слѣдовательно, интенсивный отрицательный подборъ, который охватываетъ все поле сознанія, но къ чему онъ приводитъ? Это легко выяснить, если мы анализируемъ конкуррирующіе комплексы.

Образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка имѣютъ общую часть A—общія черты обоихъ типовъ, и потому уже ассоціированы въ психикѣ по сходству. Но кромѣ этой общей части, у нихъ есть «различія», часть B въ одномъ, часть C въ другомъ, главнымъ образомъ—цвѣтовые элементы. $A+B$ (европеецъ) ассоціировано съ однимъ волевымъ комплексомъ, $A+C$ (негръ) съ другимъ; ясно, что часть A не находится въ тѣсной и прямой связи ни съ тѣмъ, ни съ другимъ «стремленіемъ», а что объединены съ ними ближайшимъ образомъ съ однимъ—комбинація B, съ другимъ—C, части различающіяся. Отрицательный подборъ направленъ противъ *всѣхъ* заполняющихъ сознаніе комбинацій, но пока сохраняется «внѣшняя причина», онъ не можетъ устранить вызываемыхъ ею волевыхъ комплексовъ—они, такъ сказать, вновь и вновь возобновляются. Такъ какъ они *неразрывно ассоціированы* съ B и C — различающимися частями обоихъ комплексовъ-образовъ, то и эти непрерывно поддерживаются въ сознаніи, пока поддерживаются оба «стремленія», которыя конкуррируютъ между собою; и здѣсь психическій подборъ, такъ сказать, безсиленъ противъ продолжающагося дѣйствія «внѣшней причины». Но общая часть обоихъ комплексовъ, часть A, связана съ обоими

стремленіями гораздо слабѣе и лишь косвенно; поэтому ее отрицательный подборъ фактически подавляетъ всего сильнѣе.

Въ результатѣ по отношенію къ обоимъ комплексамъ-образамъ получается такая картина: ихъ *различія* выступаютъ въ сознаніи съ наибольшей яркостью, ихъ *общая часть* стушевывается и блѣднѣетъ. Только благодаря связи своей съ различающимися частями, она никогда не исчезаетъ вполнѣ изъ сознанія. Таково основное и первоначальное строеніе *ассоціаціи по различію* или, что то же, «формы различенія». Она возникаетъ тогда, когда два образа, взаимно связанные по сходству, оказываются въ конкурренціи между собою — благодаря различію ассоціированныхъ съ ними волевыхъ комплексовъ.

Для всякой «формы различенія» при достаточномъ анализѣ можно установить именно такой генезисъ и такое жизненное значеніе. Человѣкъ «не различаетъ», пока «нѣтъ надобности различать», а это и означаетъ—пока данные образы не соединяются съ различными *волевыми реакціями*. Но такъ какъ нѣтъ психическихъ образовъ, которые не были бы связаны съ волевыми комплексами, потому что въ сущности то и другое представляетъ лишь двѣ различныя фазы полной психической реакціи, то область «различенія» равняется области опыта; «по мѣрѣ надобности», психика создаетъ всевозможныя формы различенія на почвѣ уже сложившихся формъ обобщенія. Къ этимъ двумъ видамъ сводятся *всѣ познавательныя комбинаціи* *).

Въ процессахъ такъ называемаго «чистаго познанія» человѣкъ часто создаетъ формы различенія тамъ, гдѣ, повидимому, нѣтъ особыхъ «практическихъ различій», т. е. связи данныхъ сходныхъ образовъ съ различными волевыми комплексами, которые бы конкуррировали между собою. Но въ дѣйствительности такую связь всегда можно найти; и даже въ «схоласти-

*) Подробнѣе объ этихъ двухъ ассоціативныхъ типахъ, образующихъ вмѣстѣ «монистическую тенденцію сознанія», я писалъ въ работѣ «Познаніе съ историч. точки зрѣн.», стр. 85—107.

ческихъ забавахъ», когда «различіе въ волоскѣ расщепляется на четыре равныя части», и тогда сущность дѣла все та же; «слово» представляетъ въ психикѣ главнымъ образомъ *волевую* реакцію — реакцію высказыванія; и поскольку сходные образы обозначаются различными словами, они тѣмъ самымъ связываются съ различными волевыми актами. Но и помимо этого, нѣтъ такихъ образовъ, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д., которые бы не заключали въ своемъ составѣ «иннерваціонныхъ элементовъ», а это и есть элементы волевые *). Все это достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ всякая ассоціація по сходству можетъ послужить исходной точкой для возникновенія многихъ ассоціацій по различію.

Всякая психическая ассоціація—по смежности, по сходству, по различію—представляетъ изъ себя нѣкоторое цѣлое, сложный психическій комплексъ, и подобно всякимъ другимъ, болѣе простымъ комплексамъ, вступаетъ въ ассоціативныя связи съ другими аналогичными ассоціаціями. Получаются ассоціаціи высшаго порядка, въ которыхъ «обобщаются» или «различаются» первичныя ассоціаціи съ характеромъ обобщенія и различенія**). Далѣе слѣдуютъ ассоціаціи еще высшаго порядка, и этотъ процессъ продолжается въ направленіи къ гармоническому ассоціированію всѣхъ данныхъ опыта. Въ прогрессив-

*) Въ своей вышеупомянутой работѣ «Познаніе» и т. д., я останавливался подробнѣе на происхожденіи «формъ обобщенія» и «формъ различенія», на явленіяхъ *вниманія*, играющихъ такую роль въ развитіи этихъ формъ, указывалъ и на нѣкоторыя экспериментальныя доказательства въ пользу изложенной точки зрѣнія, найденныя у другихъ авторовъ, при чемъ разсматривалъ психическіе процессы главнымъ образомъ со стороны ихъ физіологическаго выраженія или «проявленія» (стр. 78—107). Здѣсь нѣтъ мѣста новь излагать все это.

**) Мы не касаемся здѣсь той роли, которую играетъ въ этомъ процессѣ прогрессивнаго ассоціированія могучее соціальное его орудіе—слово, то орудіе, безъ котораго собственно «познаніе» даже невозможно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей главной темы (спеціально объ этомъ см. «Познаніе», стр. 128—156)

номъ процессѣ обобщенія ассоціируются по сходству всевозможныя «формы обобщенія» и «формы различенія» и осуществляется тенденція къ наибольшей гармоніи познанія; въ прогрессивномъ процессѣ различенія всѣ комбинаціи того и другого рода ассоціируются по различію, и осуществляется тенденція къ наибольшей полнотѣ познанія. Смыслъ обѣихъ тенденцій одинъ и тотъ же — maximum жизни въ сферѣ познанія *).

Мы выяснили раньше, что ассоціативная организація опыта есть *генетически-первичная*, болѣе общая и менѣе опредѣленная, что объективная закономѣрность есть одна изъ ея частныхъ и производныхъ формъ, одинъ изъ результатовъ ея прогрессивной гармонизаціи **). Ознакомившись съ тѣми силами, которыя создаютъ и развиваютъ эту основную организацію опыта, мы видимъ, что въ нихъ нѣтъ ничего ни трансцендентнаго, ни трансцендентальнаго,—ничего, что можно было бы принципіально отличать отъ содержаній развивающагося опыта, какъ его абсолютныя формы. Съ этой точки зрѣнія психологія представляется наукой о психическихъ (или ассоціативныхъ) формахъ опыта, *опредѣляемыхъ* его перемѣннымъ содержаніемъ.

*) Комплексы-образы и комплексы волевые исчерпываютъ собою, въ сущности, все содержаніе психическаго опыта. Обыкновенно различаютъ въ психикѣ еще комплексы «чувства». Но поскольку при этомъ подразумѣваютъ удовольствіе и страданіе вообще, постольку дѣло идетъ вовсе не объ особыхъ комплексахъ, но объ ихъ общей окраскѣ, имѣющей, какъ мы указали, опредѣленное энергетическое значеніе. Что же касается *эмоцій* въ собственномъ смыслѣ слова, какъ страхъ, гнѣвъ, радость, любовь, то это недифференцированные комплексы неопредѣленныхъ «ощущеній» съ неопредѣленными «стремленіями» — неразвитыя образно-волевыя комбинаціи.

**) «Жизнь и психика»,—«Эмпиріомонизмъ», ч. I.

B. Примѣненія метода.

(иллюстраціи).

Мы считали излишнимъ навязывать вниманію читателя весь тотъ утомительный путь изслѣдованія, частью индуктивнаго, частью дедуктивнаго, который привелъ насъ къ идеѣ психическаго подбора, какъ всеобщаго метода генетическаго познанія психическихъ явленій. Мы ограничились пока сжатою и схематическою обрисовкою этой идеи. Теперь мы перейдемъ къ ея конкретнымъ примѣненіямъ и намѣтимъ тѣ изъ нихъ, которыя представляются намъ наиболѣе типичными и познавательно-важными. Большаго нельзя дать въ предѣлахъ статьи, но и этого, мы полагаемъ, будетъ достаточно, чтобы читатель могъ судить о возможномъ общемъ значеніи этой идеи для стремящагося къ монизму познанія.

Здѣсь мы рѣшаемся выйти за предѣлы задачъ старой психологіи, рѣшаемся при помощи усвоеннаго нами метода подвергнуть *объясненію* и *критикѣ* то, что старая психологія только *описывала*. Встрѣчаясь съ людьми, мы находимъ въ нихъ различныя степени полноты и гармоніи психической жизни отъ геніальности до идіотизма, отъ спокойной уравновѣшенности до дикаго безумія. Самый типъ организаціи оказывается различнымъ: величественный и суровый моноидеизмъ «іудея», изящная и мягкая разносторонность «эллина», сѣрая и дряблая безъидейность «филистера»... Передъ нами проходятъ характеры эмоціональные, интеллектуальные, волевые, люди яснаго и спутаннаго сознанія, вѣчно стремящіеся и неизмѣнноапатичные, и т. д., и т. д. Съ этими людьми мы сближаемся, сталкиваемся, пытаемся ихъ измѣнить и сами измѣняемся подъ ихъ вліяніемъ; и они къ намъ, и мы къ нимъ примѣняемъ различные методы систематическаго или безсистемнаго воздѣйствія: люди воспитываютъ, развращаютъ, исправляютъ, награждаютъ, наказываютъ, поддерживаютъ, устраняютъ другъ друга. Здѣсь лежитъ область, гдѣ психологическая теорія и практика

тѣсно соприкасаются между собою, переходя одна въ другую; здѣсь объясненіе и критика пріобрѣтаютъ особенно большое жизненное значеніе. И вотъ, мы хотимъ, путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ типовъ психики, а частью также путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ методовъ воздѣйствія человѣка на человѣка, показать, какимъ образомъ идея психическаго подбора можетъ служить надежной основой для объясненія и оцѣнки такихъ типовъ и методовъ.

Намѣченные нами вопросы лежатъ близъ пограничной черты психологіи съ соціальной наукой. Но это еще не соціально-психологическіе вопросы. Пока мы имѣемъ передъ собою одну психику, или двѣ психики въ ихъ взаимодѣйствіи, то, хотя несомнѣнно, что сложились онѣ въ соціальной жизни, мы не выходимъ изъ предѣловъ психологіи, если беремъ этотъ соціальный генезисъ только какъ *данное*, а его результаты—только какъ *постоянную* величину въ нашемъ анализѣ. Вопросы соціальной науки начинаются тамъ, гдѣ двѣ психики берутся не только въ ихъ *взаимномъ* отношеніи, но *въ ихъ общемъ отношеніи къ внѣшней природѣ*, въ ихъ сотрудничествѣ. Это уже не входитъ въ нашу задачу.

I.

Въ процессахъ психическаго подбора для анализа очень цѣлесообразно обособить три различныхъ момента—различныхъ, разумѣется, только въ абстракціи, и совершенно нераздѣльныхъ, въ конкретномъ явленіи: во 1-хъ, тотъ матеріалъ переживаній, который «подлежитъ» психическому подбору; этотъ матеріалъ можно разсматривать со стороны его количества—богатства или бѣдности, со стороны его качественнаго разнообразія или однородности, со стороны интенсивности отдѣльныхъ переживаній; во 2-хъ,—направленіе психическаго подбора—въ положительную или въ отрицательную сторону, къ сохраненію и усиленію переживаній или къ ихъ ослабленію и устраненію изъ

опыта; это направленіе выражается, какъ мы знаемъ, въ аффекціоналѣ — въ окраскѣ удовольствія или страданія, характеризующей различныя переживанія; въ 3-хъ, интенсивность психическаго подбора въ различные его моменты; ея показателемъ служитъ, очевидно, интенсивность того же аффекціонала. Соотношенія этихъ трехъ «сторонъ» психическаго подбора бываютъ очень разнообразны, и соотвѣтственно этому весьма неодинаковы бываютъ *результаты* подбора, тѣ психическія комбинаціи и типы строенія, которые онъ вырабатываетъ.

Идея психическаго подбора создаетъ возможность нѣкоторыхъ дедуктивныхъ выводовъ относительно характера психическаго развитія при тѣхъ или иныхъ условіяхъ подбора. Само собою разумѣется, что такая дедукція имѣетъ значеніе всегда лишь постольку, поскольку оправдывается самимъ опытомъ, поскольку ея выводы не противорѣчатъ фактамъ, но позволяютъ сгруппировать ихъ съ возможно большей полнотой и гармоничностью. Если дедукція оказывается именно такова, если ея выводы *вѣрны* по отношенію къ опыту или, что то же, *познавательно полезны*, то самая идея психическаго подбора, какъ основа дедукціи, получаетъ надежное и вполнѣ убѣдительное доказательство въ свою пользу. — Имѣя все это въ виду, мы и перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ типичнымъ комбинаціямъ условій психическаго подбора.

Пусть передъ нами слѣдующая идеальная комбинація. Сумма переживаній, вступающихъ въ поле психическаго опыта, представляетъ наибольшій возможный для человѣческой психики данной эпохи maximum: громадная масса получаемыхъ «извнѣ» впечатлѣній, въ высшей степени яркихъ и разнообразныхъ, непрерывно расширяетъ поле опыта данной личности, приводя ее въ прямое или косвенное соприкосновеніе со всѣмъ, чѣмъ живетъ ея эпоха. Всѣ эти переживанія не только интенсивны сами по себѣ, но и глубоко задѣваютъ психическую систему въ ея цѣломъ, сильно измѣняютъ ея энергетическое равновѣсіе, словомъ—имѣютъ высокій аффекціоналъ, являются интенсивными «наслажденіями» и интенсивными «страданіями».

Та и другая окраска въ общемъ теченіи опыта сохраняютъ, положимъ, приблизительное равновѣсіе: острыя наслажденія чередуются съ острыми страданіями, періоды счастія смѣняются періодами горя, и наоборотъ.—Резюмируя всѣ эти условія въ терминахъ психическаго подбора, слѣдуетъ сказать: матеріалъ для подбора maximum, интенсивность подбора maximum, направленіе смѣняющееся, безъ особаго перевѣса въ общемъ для той или другой его стороны.

Какая же получается при такихъ условіяхъ картина психическаго развитія?

Быстрая смѣна получаемыхъ отъ внѣшней среды воздѣйствій уже сама по себѣ означаетъ быстро измѣняющееся поле сознанія; но это было бы только хаосомъ жизни, если бы интенсивный психическій подборъ не обусловливалъ еще иныхъ измѣненій этого поля, именно, направленныхъ въ сторону возрастающей организованности опыта. Интенсивный психическій подборъ создаетъ, какъ мы знаемъ, новыя и новыя формы энергетическаго равновѣсія между различными комплексами элементовъ, или, что то же, создаетъ новыя и новыя ассоціативныя связи. Этимъ путемъ—переживанія превращаются въ психическій *опытъ*; но и это выражаетъ пока еще только извѣстный minimum психической организованности. Чтобы выяснить, какъ процессъ развитія идетъ дальше, намъ слѣдуетъ остановиться на обѣихъ различныхъ сторонахъ психическаго подбора въ отдѣльности.

Интенсивное дѣйствіе отрицательнаго подбора аналогично дѣйствію молота, который дробитъ и уничтожаетъ все непрочное и неустойчивое, но «выковываетъ» то, что дѣйствительно прочно, и выдѣляя его изъ всего остального, придаетъ ему чистоту и опредѣленность формъ. Отрицательный подборъ *стремится* разрушить все, что возникаетъ въ полѣ опыта; но тамъ гдѣ жизнь богата и сильна, тамъ онъ фактически успѣваетъ разрушить только наименѣе «жизненныя», наименѣе устойчивыя комбинаціи. Это, во-1-хъ, тѣ комбинаціи, которыя слабы и блѣдны, которыя неглубоко затрогиваютъ психическую

систему, и которыя въ то же время не находятся въ прямой связи съ многократно повторяющимися воздѣйствіями внѣшней среды, воздѣйствіями, способными вновь и вновь вызывать одну и ту же психическую комбинацію; словомъ, это «жизненно не важные» комплексы, наприм. мимолетные продукты фантазіи, вообще—«мелочи» психическаго опыта. Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя «противорѣчивы», «дисгармоничны»: тѣ, которыя слагаются изъ «конкурирующихъ», взаимно-ослабляющихъ другъ друга комплексовъ, особенно — комплексовъ, ассоціированныхъ съ различными волевыми реакціями, — всѣ комбинаціи, имѣющія «эклектическую» окраску, характеръ «компромисса» противоположныхъ жизненныхъ тенденцій.

Въ противоположность этимъ двумъ типамъ, наиболѣе сопротивляются дѣйствію отрицательнаго психическаго подбора комбинаціи двухъ противоположныхъ типовъ. Это, во-1-хъ, тѣ комплексы, которые «жизненно важны», т. е. либо съ большой силой врываются въ потокъ психическаго опыта, глубоко нарушая его теченіе, либо находятся въ зависимости отъ многократно повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, благодаря чему постоянно всплываютъ вновь и вновь; тѣ и другіе можно также обозначить, какъ наиболѣе тѣсно связанные съ «объективнымъ міромъ», который есть «внѣшній» для «субъективнаго» психическаго опыта *). Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя наиболѣе «гармоничны», въ которыхъ взаимная связь частей наиболѣе прочна, а ихъ взаимное равновѣсіе наиболѣе устойчиво, и тѣ, которыя наиболѣе гармонически ассоціированы съ наибольшимъ количествомъ другихъ устойчивыхъ комплексовъ. — Понятно, что еще большее сопротивленіе отрицательному подбору будетъ проявляться въ томъ случаѣ, если комплексъ или ассоціація

*) Міръ внѣшній, это значитъ, міръ *съ иной закономѣрностью*. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, для познанія закономѣрность «объективнаго міра» не та, что субъективнаго: это закономѣрность соціально организованнаго опыта, а не индивидуально организованнаго, это «физическая» связь явленій, а не «психическая» ассоціація.

соотвѣтствуютъ обѣимъ характеристикамъ, т. е. и жизненно важны по своей связи съ повторяющимися внѣшними вліяніями, и наиболѣе гармоничны по своей организаціи. Слѣдовательно, при достаточномъ количествѣ матеріала въ сферѣ психическаго опыта, отрицательный подборъ, если онъ достаточно долго и интенсивно дѣйствуетъ, долженъ доставлять преобладаніе именно такимъ, вдвойнѣ устойчивымъ комбинаціямъ. При этомъ все психическое развитіе человѣка получаетъ двойную окраску: съ одной стороны «реалистическую» (преобладаніе комплексовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ повторяющимся вліяніямъ среды); съ другой — «монистическую» (преобладаніе гармоничныхъ и гармонически объединенныхъ комплексовъ).

Какія же черты внесетъ въ развитіе психической системы интенсивный положительный подборъ — моменты и періоды «счастья»? Всякое переживаніе, находящееся въ полѣ его дѣйствія, онъ стремится довести до наибольшей полноты и яркости: за каждымъ переживаніемъ онъ стремится немедленно вслѣдъ вызвать въ сознаніе всѣ ассоціированные комплексы, а за ними—всѣ ихъ ассоціаціи, и т. д.; такимъ образомъ онъ постоянно переполняетъ поле сознанія новыми и новыми быстро возникающими переживаніями: потокъ опыта разливается все шире и течетъ все быстрѣе. При этомъ не успѣваютъ исчезнуть изъ поля сознанія одни комплексы, какъ рядомъ съ ними всплываютъ другіе, третьи, все болѣе далеко отъ нихъ отстоящіе въ ассоціативной цѣпи, и раньше никогда съ ними не встрѣчавшіеся въ сознаніи. А встрѣча въ сознаніи двухъ комплексовъ означаетъ ихъ ассоціативное сближеніе, образованіе хотя бы только слабой, но *прямой* ассоціативной связи между ними, которая затѣмъ можетъ развиваться дальше. Такимъ образомъ матеріалъ опыта выступаетъ во всевозможныхъ ассоціативныхъ комбинаціяхъ, всевозможные способы объединенія имѣющихся переживаній находятъ себѣ мѣсто въ психическомъ опытѣ: все сопоставляется, все сравнивается, все служитъ объектомъ для новыхъ и новыхъ группировокъ. Это называется *творческой дѣятельностью фантазіи*. Всякій по

опыту знаетъ, какъ широко и роскошно развертывается она въ моменты удовольствія, наслажденія, счастья, и какъ сужи-вается, подавляется въ моменты, боли, страданія, горя. *).

Въ своемъ полномъ развитіи всякій психическій комплексъ переходитъ въ волевую реакцію, такъ какъ либо заключаетъ ее въ своемъ составѣ, либо съ нею ассоціированъ болѣе или менѣе тѣсно. Положительный подборъ, стремясь довести всякій комплексъ до наибольшей полноты и яркости, тѣмъ самымъ, очевидно, приводитъ къ развитію *активности воли*: интенсивное «счастіе» даетъ силы для дѣятельности. — Этому можетъ сильно препятствовать только вызываемое тѣмъ же положительнымъ подборомъ переполненіе поля сознанія различными образами и волевыми реакціями, при чемъ ни одинъ волевой комплексъ не достигаетъ наибольшей полноты, не «переходитъ въ дѣйствіе» благодаря конкуренціи остальныхъ. Но если въ психикѣ интенсивно дѣйствуетъ и отрицательный подборъ, то это переполненіе легко устраняется, и получаются всѣ условія для развитія активно-волевого типа **).

*) Жизнь, полная страданій, нерѣдко порождаетъ «мечтательность». Но это вовсе не значитъ, чтобы отрицательный подборъ тоже поощрялъ работу фантазіи; нѣтъ, здѣсь дѣло происходитъ иначе, и легко видѣть, какъ именно. Отрицательный подборъ понемногу устраняетъ изъ сознанія всѣ «непріятные» образы и комбинаціи, и въ данномъ случаѣ ему *удается* устранить ихъ вполнѣ въ томъ числѣ и тѣ, въ которыхъ выражаются «реальныя» отношенія психики къ внѣшнему міру. Поле сознанія остается тогда для «пріятныхъ» образовъ и комбинацій, главный недостатокъ которыхъ тотъ, что они «нереальны». Но такъ какъ они все-таки «пріятны», то на сцену и выступаетъ уже положительный подборъ, а съ нимъ и комбинирующая дѣятельность фантазіи, въ данномъ случаѣ, по непрочности своего матеріала и результатовъ, не заслуживающая названія «творческой». Такимъ образомъ, пока человѣкъ дѣйствительно *страдаетъ*, онъ не мечтаетъ, и мечтаетъ онъ, пока стимулы страданія вновь не ворвутся властно въ его психику: тогда онъ возвращается къ «мучительной дѣйствительности» и отрицательному подбору.

**) Въ вопросѣ о значеніи страданія и счастія для активной воли факты опыта кажутся безнадежно противорѣчивыми. Стра-

Общая картина развитія психики при намѣченныхъ нами идеальныхъ условіяхъ оказывается такова. Громадная масса непосредственныхъ переживаній, какъ разультатъ разнообразныхъ воздѣйствій среды; всевозможныя комбинаціи психическихъ комплексовъ, вырабатываемыя изъ матеріала этихъ переживаній положительнымъ психическимъ подборомъ; сохраненіе изъ всѣхъ этихъ комбинацій, подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, только тѣхъ, которыя наиболѣе устойчивы въ силу своей связи съ наиболѣе повторяющимся вліяніями среды и въ силу своей гармоничности. Получается психическій типъ, характеризуемый *творчествомъ, активностью*

даніе принято считать *мотивомъ* активной воли, и въ то же время извѣстно, что сильное страданіе *подавляетъ* волю. Счастье «даетъ силы» для дѣятельности, и въ то же время счастливая жизнь «изнѣживаетъ», «разслабляетъ». Съ точки зрѣнія психическаго подбора всѣ эти кажущіяся противорѣчія разъясняются и устраняются. Что долгое и сильное страданіе подавляетъ волю, это понятно само собою. отрицательный подборъ ослабляетъ волевые комплексы и не даетъ имъ перейти въ дѣиствія. Но тамъ, гдѣ дѣйствіе отрицательнаго подбора не такъ сильно, или гдѣ волевой комплексъ обладаетъ особенной интенсивностью, тамъ отрицательный подборъ успѣваетъ только устранить другіе комплексы, конкуррирующіе съ даннымъ волевымъ комплексомъ, и мѣшающіе ему перейти въ дѣйствіе, такъ что этотъ переходъ облегчается. Въ большинствѣ же случаевъ дѣло еще проще: то же самое внѣшнее воздѣйствіе которое «причиняетъ страданіе», вызываетъ путемъ выработанныхъ предыдущимъ развитіемъ ассоціативныхъ связей и волевую реакцію, направленную къ устраненію этого воздѣйствія: видъ врага не только «непріятенъ», но и тѣсно ассоціированъ съ реакціями борьбы, и т. п. Наконецъ, тамъ, гдѣ человѣкъ сознательно ставитъ своей цѣлью «прекратить страданіе» и для этого «дѣйствуетъ», тамъ играетъ важную роль и положительный подборъ: данная волевая реакція тѣсно ассоціирована съ «пріятнымъ» представленіемъ объ устраненіи «непріятныхъ» условій, порождающихъ страданіе. Словомъ, всѣ противорѣчивыя отношенія между страданіемъ и активностью могутъ быть объяснены при помощи психическаго подбора. (Объ отношеніи «удовольствія» и активности намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

воли, реализмомъ міровоззрѣнія и монистической его тенденціей.

Если при этомъ человѣкъ находится въ широкомъ общеніи съ другими людьми, если онъ интенсивно и полно воспринимаетъ ихъ опытъ при посредствѣ ихъ высказываній, то въ матеріалѣ его психики найдутъ себѣ мѣсто всѣ общія и важныя противорѣчія жизненнаго опыта современнаго ему общества, всѣ существенные запросы и потребности его эпохи. Тогда его психическое развитіе, въ силу своей монистической тенденціи, будетъ направлено къ удовлетворенію этихъ общихъ запросовъ и потребностей; и разрѣшеніе этихъ задачъ въ данной психикѣ будетъ, съ одной стороны, наиболѣе полнымъ и совершеннымъ, благодаря могучему творчеству и активной волѣ, съ другой стороны наиболѣе надежнымъ и устойчивымъ, благодаря реалистическимъ его основамъ. Передъ нами явится *энциклопедическій геній своего времени* *).

Этотъ типъ, какъ «нормальный», мы и сдѣлаемъ исходной точкой нашего дальнѣйшаго анализма. Мы будемъ разсматривать—во что превращается, или лучше, чѣмъ замѣняется этотъ типъ при томъ или иномъ измѣненіи условій психическаго подбора. Насъ *не* можетъ затруднять то обстоятельство, что въ дѣйствительности, можетъ быть, совсѣмъ не найдется психики, сколько-нибудь соотвѣтствующей этой нормѣ. Данная норма выражаетъ для насъ *прогрессивную тенденцію психическаго развитія*, и есть предѣльная абстракція познанія. Съ такими предѣльными абстракціями познаніе необходимо оперируетъ во всѣхъ наукахъ тогда, когда стремится установить *общіе законы* явленій. Задача заключается въ томъ, чтобы отъ предѣльной абстракціи, выражающей идеально-простыя условія, переходить шагъ за шагомъ, вводя одно за другимъ осложняющія условія, къ пониманію конкретной дѣйствительности, какую мы находимъ въ своемъ опытѣ.

---

*) Вы міровой литературѣ типъ этотъ представленъ (приблизительно) Фаустомъ Гёте

II.

Предположимъ, всѣ основныя условія психическаго подбора остаются тѣ же, что въ нашемъ идеальномъ случаѣ, кромѣ только одного: отрицательный психическій подборъ сравнительно ослабленъ, моменты и періоды страданія далеко не соотвѣтствуютъ моментамъ и періодамъ наслажденія, эти послѣдніе рѣшительно преобладаютъ. Передъ нами «счастливчикъ», которому все удается, для котораго радости не покупаются дорогой цѣной, которому внѣшнія условія, «среда», гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ враждебны. Какой типъ психическаго развитія получится въ этомъ случаѣ?

Общее богатство переживаній должно здѣсь оказаться, съ грубо-количественной стороны, не меньше чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, если даже не больше: сумма первоначальнаго матеріала переживаній, получаемаго изъ внѣшней среды, какъ мы приняли, количественно не измѣнена, а положительный подборъ, дѣйствуя на свободѣ, поддерживаетъ и вновь создаетъ всевозможныя комбинаціи, дѣятельность отрицательнаго подбора относительно слаба и ограничена. Но, очевидно, уже съ качественной стороны здѣсь съ самаго начала дается меньше: разнообразіе получаемыхъ извнѣ впечатлѣній менѣе значительно, потому что «непріятныя», отрицательныя воздѣйствія среды слабо представлены въ общей суммѣ впечатлѣній. Базисъ психической жизни все-таки относительно уже,—но только относительно, по сравненію съ идеальнымъ типомъ.

Творческая, комбинирующая дѣятельность психики—«фантазія», которая зависитъ, какъ мы видѣли, ближайшимъ образомъ отъ положительнаго психическаго подбора, должна развернуться очень широко, создавать непрерывно массы новыхъ и новыхъ ассоціативныхъ продуктовъ; но ихъ характеръ и жизненное значеніе уже не тѣ. Ихъ развитіе лишь слабо контролируется избирательнымъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, который разрушаетъ всѣ менѣе устойчивыя комбинаціи,

при чемъ болѣе устойчивыя сохраняются и получаютъ тѣмъ большій просторъ для дальнѣйшаго развитія. Здѣсь же сохраняются и такія комбинаціи, которыя не удержались бы въ психикѣ «нормальнаго» типа; здѣсь остается масса и комбинацій «не-реалистическихъ» и комбинацій «не-монистическихъ» (эклектическихъ, дисгармоничныхъ): общая картина психической жизни представляется такой, что «воображеніе» преобладаетъ надъ «критикой», и психическому цѣлому не хватаетъ строгой, гармоничной стройности, въ ней много «блеска» и «разносторонности», но сравнительно мало монистическаго «порядка».

Активность воли здѣсь также получаетъ своеобразный отпечатокъ. Для ея количественнаго развитія положительный подборъ, какъ мы видѣли, въ общемъ благопріятенъ: онъ поддерживаетъ и усиливаетъ множество комбинацій, завершающихся волевыми актами. Но именно потому, что такое завершеніе наступаетъ слишкомъ легко, что нѣтъ достаточнаго избирательнаго контроля надъ волевыми реакціями, какой въ «нормальномъ» случаѣ осуществляется интенсивнымъ отрицательнымъ подборомъ, именно поэтому волевая жизнь получаетъ окраску порывистой безсистемности. Много движенія, много дѣйствій, но переходъ отъ однихъ стремленій и намѣреній къ другимъ совершается сравнительно легко, и въ дѣятельности не замѣчается устойчиваго направленія: она также не достаточно «монистична».

Если перевѣсъ положительнаго подбора надъ отрицательнымъ становится чрезмѣрно великъ, то волевой типъ понижается еще въ большей мѣрѣ. Безконечная масса вновь и вновь возникающихъ непрочныхъ психическихъ комбинацій, развертывающихся въ сознаніи безъ стѣсненія и задержки, постоянно переполняющихъ поле сознанія, приноситъ съ собой такую же массу разнообразныхъ волевыхъ комплексовъ, безпорядочно тѣснящихся въ сознаніи. Понятно, что тогда эти волевые комплексы, именно въ силу своей многочисленности и коренной неустойчивости, не могутъ и не успѣваютъ

перейти въ «дѣйствія», а остаются на стадіи «стремленій», и притомъ недостаточно выработанныхъ, неопредѣленныхъ стремленій. Внѣшняя активность оказывается ничтожна: воля «разслаблена», «изнѣжена», дѣятельность замѣнена «мечтательностью», «грезами чуства». Это состояніе воли выражено тѣмъ рѣзче и сильнѣе, что оно возможно вѣдь только при отсутствіи «непріятныхъ» внѣшнихъ воздѣйствій большой силы, которыя, глубоко потрясая психическую систему, вызываютъ растрату ея энергіи въ различныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ возбуждаютъ энергичныя волевыя реакціи (физіологически—потоки иннерваціи). Такимъ образомъ, стимуловъ активной воли гораздо меньше, а выработка полныхъ волевыхъ реакцій невозможна благодаря слишкомъ большому количеству и неустойчивости волевыхъ комплексовъ, заполняющихъ поле психическаго опыта *).

Дѣйствіе многихъ наркотическихъ ядовъ, какъ морфій, гашишъ, алкоголь, въ «пріятной» своей фазѣ вызываетъ временно то психическое состояніе, которое при *постоянной* слабости отрицательнаго подбора превращается въ особый типъ психическаго развитія. Дѣйствіе яда устраняетъ всѣ «непріятныя» побужденія и даетъ полный просторъ положительному подбору; получается быстрая смѣна неустойчивыхъ психическихъ комплексовъ, сопровождаемая сначала нѣкоторой безпорядочной активностью воли въ видѣ проявленій физической подвижности, говорливости и т. д., а затѣмъ—«мечтательнымъ» настроеніемъ и бездѣятельностью. Впрочемъ, дѣйствіе наркотиковъ мѣняется въ зависимости отъ различныхъ условій — но оно именно таково, какъ мы сейчасъ описали, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно наиболѣе «пріятно» **).

---

*) Такъ объясняется кажущееся противорѣчіе между счастьемъ, какъ источникомъ энергіи для активной воли, и счастьемъ, какъ источникомъ изнѣженности, убивающей активность воли (см. послѣднее примѣчаніе предыдущ. §).

**) Маніакальная экзальтація представляетъ патологическій случай такого крайняго преобладанія въ психикѣ положительнаго

Итакъ, преобладаніе положительнаго подбора надъ отрицательнымъ вызываетъ отклоненіе отъ «нормальнаго» типа къ новому; этотъ послѣдній характеризуется въ общемъ преобладаніемъ «фантазіи» надъ реалистической, — благодушнаго эклектизма—надъ монистической тенденціей, относительной неустойчивостью направленія воли, а въ болѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ—прямо ея слабостью. Это типъ разносторонній, но менѣе глубокій, тотъ типъ, который Гейне обозначилъ какъ «эллинскій». Въ древней Греціи онъ дѣйствительно былъ довольно распространенъ (главнымъ образомъ именно въ эпоху жизненнаго maximum'а ея культуры и начинающагося упадка). Самъ Гейне—довольно типичный представитель «эллинизма» въ этомъ смыслѣ.

Въ наше время представителями такого «эллинизма» являются по преимуществу «артистическія натуры». Для творчества образовъ, для занятія искусствомъ этотъ типъ наиболѣе благопріятенъ. Но все же и здѣсь крайніе его представители обнаруживаютъ только высокую «даровитость», но не создаютъ ничего жизненно-устойчиваго, соціально-цѣннаго. Чѣмъ въ большей мѣрѣ выступаетъ на сцену отрицательный подборъ—страданія и бѣдствія и тяжелый трудъ наряду съ періодами счастія и наслажденія веселой жизнью, — тѣмъ больше возрастаютъ здѣсь шансы гармоническаго, стройнаго, истинно-художественнаго творчества, и тѣмъ больше условій для жизненной реальности самыхъ образовъ. «Даровитость» смѣняется «талантомъ»; а когда интенсивность отрицательнаго подбора

подбора, что отрицательный почти исчезаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ отступаетъ гармонизирующая тенденція, и получается картина безсвязнаго и безсистемнаго вступленія въ психическое поле все новыхъ и новыхъ переживаній, бурнымъ вихремъ переполняющихъ сознаніе и порождающихъ столь же безсвязную и безсистемную активность въ видѣ массы ненужныхъ движеній, болтовни и т. д. «Пріятное» самочувствіе бросается въ глаза.

При настоящей «маніи» дѣло сложнѣе—тамъ уже на почвѣ ненормальнаго теченія психическаго подбора совершается глубокая общая дезорганизація системы.

приближается къ соотвѣтствію съ интенсивностью положительнаго, то при громадномъ богатствѣ жизненнаго матеріала возникаютъ условія для выработки *артистическаго генія*. Роль страданія въ развитіи истинно-гармоничнаго творчества слишкомъ хорошо извѣстна и слишкомъ часто подчеркивалась самими великими артистами, особенно поэтами. Страданіе гармонизируетъ психическую жизнь, если она богата и могуча; недаромъ страданіе налагаетъ на лицо сильныхъ людей отпечатокъ особеннаго «благородства», которое выражаетъ собою принципіальное единство въ направленіи воли. Великое произведеніе, выстраданное геніальнымъ артистомъ — это жизненностройное, монистически-идеализированное воплощеніе того бурнаго потока переживаній, который безпорядочно и неудержимо проносился въ сознаніи артиста, пока гармонизирующая сила страданія не измѣнила его формы и направленія сообразно *своимъ* законамъ. Это законы сильной жизни, которая не боится тяжелыхъ ударовъ, которая побѣждаетъ боль, которая самую смерть дѣлаетъ для себя средствомъ. Эти законы—тотъ высшій реализмъ, который называютъ «объективностью» творчества, и то высшее единство переживаемаго, которому поклоняются подъ именемъ гармоніи и красоты.

Такъ разрушительная сила жизни преващается въ творческую—тамъ, гдѣ жизнь ее преодолѣваетъ.

III.

Разсмотримъ теперь другой типъ уклоненій отъ нашей «нормы»: при томъ же основномъ богатствѣ психической жизни преобладаніе *отрицательнаго* подбора, — разнообразіе воспріятій, «глубокая впечатлительность» — и много, очень много страданій, гораздо больше, чѣмъ наслажденія и счастія. Въ нашемъ мірѣ, полномъ борьбы и противорѣчій, такое сочетаніе условій встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обратный случай, только что разсмотрѣнный нами; и, однако, чистый типъ,

соотвѣтствующій этому случаю, встрѣчается рѣже. Почему такъ —объяснить очень нетрудно.

Страданіе—разрушительная сила: въ немъ выражается пораженіе энергіи системы, уменьшеніе жизни; это — частичная смерть. Поэтому систематическій перевѣсъ страданія надъ удовольствіемъ, повидимому, долженъ всегда вести къ упадку системы, къ ея деградаціи, а затѣмъ гибели. Это такъ бы и было, если бы *всѣ* измѣненія психической системы протекали въ сферѣ сознанія; тогда непосредственный психическій опытъ прямо указалъ бы человѣку, въ какую сторону направляется его жизненный процессъ, въ сторону развитія или разрушенія. Но сознаніе соотвѣтствуетъ только *главной* координаціи измѣненій психики; а въ нее входятъ далеко не всѣ «непосредственныя переживанія», и даже не большая ихъ часть. Какъ мы выяснили, за предѣлами психическаго опыта, въ жизненной связи съ главной координаціей существуетъ масса другихъ, болѣе мелкихъ группировокъ, въ которыхъ и протекаетъ наибольшая часть непосредственныхъ переживаній данной системы. За сознаніемъ скрывается «безсознательное», точнѣе— «внѣсознательное», потому что форма организаціи этихъ группировокъ та же, именно ассоціативная, и если онѣ не «сознаются», то по той же причинѣ, по которой человѣкъ не можетъ непосредственно «сознавать» переживаній другого человѣка — по причинѣ относительной самостоятельности этихъ группировокъ *). Такимъ образомъ, психическій организмъ гораздо шире, чѣмъ область сознанія, — «переживается» гораздо больше, чѣмъ «сознается».

Очевидно, что «за предѣлами сознанія» можетъ происходить накопленіе энергіи въ то самое время, какъ въ сферѣ сознанія — ея растрата; и тогда, несмотря на то, что въ сознаніи преобладаетъ окраска отрицательнаго подбора—страданіе,— пси-

*) Попытку «объясненія» этой жизненной самостоятельности я далъ въ статьѣ «Universum» сборникъ «Эмпиріомонизмъ», Москва, 1904 г.

хика въ цѣломъ можетъ не приходить въ упадокъ, а развиваться, и даже не только качественно—въ смыслѣ стройности и единства, но и количественно—въ смыслѣ богатства содержанія. Тогда и получится тотъ типъ психическаго развитія, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить. Но естественно, что такъ бываетъ далеко не всегда, и даже скорѣе лишь въ меньшинствѣ случаевъ. Гораздо чаще растрата жизни, происходящая въ сферѣ сознанія, не вознаграждается ея стихійнымъ ростомъ за его предѣлами; и страданія истощаютъ психику, ведутъ ее къ деградаціи—жизнь разбивается.

Пусть передъ нами могучая натура, полная стихійныхъ силъ жизни, способная развиваться сквозь массу страданій, вновь и вновь почерпающая изъ темной глубины внѣсознательнаго ту энергію, которую уносятъ отъ нея жестокія воздѣйствія «внѣшняго міра». Тяжелый молотъ страданія дробитъ и уничтожаетъ все, что есть въ этой психикѣ слабаго, непрочнаго, мелкаго. Въ какую же форму она тогда выковывается?

Въ «идеальной» психикѣ, судьба которой одинаково полна счастія и горя, наслажденій и болп,—страданія приносятъ съ собою двойную тенденцію жизни, реалистическую и мистическую: разбивая все неустойчивое и дисгармоничное, они не въ силахъ подорвать ни тѣхъ жизненныхъ комбинацій, которыя имѣютъ опору въ повторяющихся вліяніяхъ среды, ни тѣхъ, которыя, будучи сами по себѣ гармонически-цѣлостны, въ то же время гармонически сплетаются со множествомъ другихъ, прочныхъ и устойчивыхъ комбинацій. Но получится ли то же самое при измѣненныхъ условіяхъ—когда жизнь даетъ гораздо больше страданій, когда могучую психику систематически преслѣдуетъ судьба?

Злая судьба—это внѣшнія силы, это среда, это «реальность». Реалистическіе образы, прочность которыхъ зависитъ отъ ихъ «реальной» основы—повторяющихся воздѣйствій среды,—окрашиваются въ громадномъ большинствѣ интенсивно-мрачнымъ цвѣтомъ: *противъ нихъ* направляется отрицательный подборъ

гораздо интенсивнѣе, чѣмъ при «справедливой» судьбѣ, и онъ подрываетъ ихъ жизненное значеніе въ общей системѣ психики. Они не устраняются: *этого* отрицательный подборъ, вообще говоря, сдѣлать не въ силахъ, разъ дѣло идетъ о такихъ образахъ, въ которыхъ отражаются вновь и вновь повторяющіеся вліянія среды; но они *блѣднѣютъ*, и не въ силахъ концентрировать жизнь сознанія. Наибольшую роль въ психическомъ творчествѣ играютъ тѣ немногіе «реалистическіе» комплексы, которые окрашиваются не отрицательнымъ, а положительнымъ аффекціоналомъ (намеки самой жизни на счастье), и еще больше—тѣ производныя отъ «реальныхъ» комбинацій, которыя сами не «реальны», т. е. *не имѣютъ себѣ прямой опоры во внѣшней средѣ*, но постоянно сопровождаются положительнымъ аффекціоналомъ (идеальная картина счастія). Это налагаетъ на все развитіе психики тотъ своеобразный отпечатокъ, который характеризуется словомъ «утопизмъ». Утопизмъ есть не простая «мечтательность» и не простое «фантазированіе»: мечтатель и фантастъ отличаются богатствомъ и неустойчивостью возникающихъ психическихъ комбинацій, при чемъ у перваго они болѣе блѣдны, у второго—болѣе ярки; у «утописта» продукты творчества немногочисленны, но очень устойчивы, потому что преобладаніе отрицательнаго подбора не допускаетъ «легкой игры фантазіи», и разрушаетъ наибольшую часть ея результатовъ.

Такимъ образомъ, крайнее преобладаніе отрицательнаго подбора порождаетъ не реалистическую, а до извѣстной степени противоположную ей, *утопическую* тенденцію въ развитіи психики.

Зато *монистическая* тенденція бываетъ при этомъ выражена въ полной мѣрѣ. Разрушительное дѣйствіе отрицательнаго подбора могутъ выдержать только тѣсно сплоченныя, стройныя, чуждыя всякихъ внутреннихъ противорѣчій комбинаціи; всякія дисгармоничныя связи и отношенія устраняются, и психически цѣлое выступаетъ, въ результатѣ такого развитія, какъ

строго цѣлостная система *). Все психическое содержаніе послѣдовательно группируется въ одномъ направленіи, все тѣсно связывается и охватывается одною могучей идеей, на которой концентрируется вся энергія жизни.

Активность воли при этомъ не можетъ быть экстенсивною —отрицательный подборъ не допускаетъ развиться множеству разнообразныхъ волевыхъ импульсовъ: но зато она отличается большой интенсивностью и неуклонной послѣдовательностью, строгимъ единствомъ направленія. Единство это вытекаетъ изъ той же «монистичности» строенія психическаго организма, при которой волевыя реакціи, связанныя съ основными, тѣсно объединенными между собою группами переживаній, не встрѣчаютъ себѣ никакой конкурренціи со стороны иныхъ реакцій, такъ какъ тѣ быстро подавляются отрицательнымъ подборомъ. Интенсивностью же волевой жизни зависитъ частью отъ этого же единства, отъ слабости конкурренціи между волевыми комплексами, частью отъ большой энергіи переживаній данной психики вообще: сильныя страданія означаютъ энергичныя, во всякомъ случаѣ, воздѣйствія среды, глубокія потрясенія психической системы, а стало быть и интенсивныя отвѣтныя воздѣйствія на эту самую среду, большую растрату энергіи на волевыя импульсы...

Итакъ, вотъ основныя черты этого третьяго типа психическаго развитія: *утопизмъ*, строгая *послѣдовательность* мышленія и воли, неуклонная *активность* въ жизненной борьбѣ. Это типъ «іудея», какимъ его рисуетъ Гейне. Дѣйствительно, среди еврейской расы, съ ея поразительной жизнеспособностью и мучительной исторической судьбой, этотъ типъ встрѣчается ча-

*) Въ сферѣ познанія ассоціаціи по сходству (формы обобщенія) въ общемъ, какъ мы видѣли, *болѣе* основаны на гармоніи объединяемыхъ переживаній, чѣмъ ассоціаціи по различію (формы различенія), въ которыхъ играетъ извѣстную роль *конкурренція* переживаній. И характерно, что въ разсматриваемомъ нами психическомъ типѣ первый типъ ассоціаціи рѣшительно преобладаетъ надъ вторымъ: *общему* въ явленіяхъ придается наибольшее значеніе, *различія* сравнительно слабо воспринимаются.

ще, чѣмъ гдѣ-либо; это типъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, а также позднѣйшихъ узкихъ и суровыхъ учителей и вождей этого племени. Но и среди другихъ націй къ этому типу принадлежали многіе изъ великихъ борцовъ за идею, сильныхъ своей непреклонной послѣдовательностью. Одинъ изъ самыхъ чистыхъ и законченныхъ его представителей—это нашъ протопопъ Аввакумъ. Его ужасная біографія ставитъ передъ нами загадку о томъ, какъ изъ непрерывной цѣпи невѣроятныхъ страданій возникаетъ гигантская сила желѣзной воли, абсолютно неспособной себѣ измѣнить ни при какихъ условіяхъ. Наша точка зрѣнія разъясняетъ эту загадку—загадку жизни всѣхъ великихъ аскетовъ и пламенныхъ фанатиковъ одной идеи.

Трудно сказать, кто больше далъ для развитія и силы человѣчества, свѣтлые ли, жизнерадостные «эллины», представители переливающейся черезъ край полноты жизни, или суровые монодеисты «іудеи», представители той принципіальной гармоніи жизни, которая выражается въ ея стихійной цѣльности, во всепобѣждающей *вѣрности себѣ* *)

IV.

Всѣ три до сихъ поръ разсмотрѣнные нами типа психическаго развитія представляютъ изъ себя *предѣльныя величины* въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ наибольшій, и по количеству и по разнообразію, матеріалъ переживаній какой только исторически возможенъ, а также равномѣрно или неравномѣрно, но всегда *съ наибольшей интенсивностью* дѣйствующій психическій подборъ. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ болѣе, такъ сказать, обыденнымъ типамъ психическаго развитія, къ типамъ, отстоящимъ дальше отъ maximum'а жизни сознанія.

Итакъ, пусть у насъ остается только одно изъ двухъ условій maximum, именно, наибольшая возможная интенсивность

*) Въ литературѣ этотъ типъ всего ярче представленъ «Брандомъ» Ибсена.

психическаго подбора—человѣкъ глубоко и сильно «чувствуетъ» все, что переживаетъ. Матеріалъ же опыта количественно ниже шахтинца—здѣсь можно представить рядъ нисходящихъ ступеней общей величины этого матеріала; качественно онъ, положимъ, какъ въ прежнихъ примѣрахъ разнообразенъ и разностороненъ, захватывая всѣ области непосредственнаго чувственнаго опыта и опыта косвеннаго, переданнаго въ социальномъ общеніи; впечатлѣнія разнообразны, и не только разнообразны, но также интенсивны: цвѣта, тона, запахи и т. д. воспринимаются ясно и выступаютъ ярко въ сознаніи; только богатство впечатлѣній не такъ велико, какъ въ «идеальныхъ» случаяхъ. Тогда интенсивный психическій подборъ создаетъ рядъ типовъ, весьма аналогичныхъ тремъ предыдущимъ, можно сказать—имъ параллельныхъ, но лежащихъ въ иной, ниже проходящей плоскости. Это типы болѣе «простые».

Психическое творчество, организующее данный матеріалъ переживаній, здѣсь, въ силу большей узости своего базиса не можетъ простираться ни такъ широко, ни такъ далеко, какъ въ высшихъ типахъ. Представитель гармонически-уравновѣшенной дѣятельности психическаго подбора не явится здѣсь великимъ монистическимъ организаторомъ всеобщаго опыта своей эпохи, потому что психика его не охватываетъ этого опыта; но всѣ основныя тенденціи «нормальнаго» типа найдутъ въ этой психикѣ полное выраженіе. Это будетъ реалистъ съ яснымъ взглядомъ на жизнь, человѣкъ легко и свободно подводящій итоги своему опыту и умѣющій сдѣлать изъ него жизненно-вѣрные выводы; человѣкъ, активная воля котораго разумно и послѣдовательно воздѣйствуетъ на внѣшній міръ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, которые онъ для себя выработалъ самъ или усвоилъ отъ другихъ. Если это образованный, развитой человѣкъ, то онъ можетъ оказаться талантливымъ и мужественнымъ, но всегда чуждымъ односторонности и узости борцомъ за идею, которую онъ принялъ, какъ руководящій принципъ своей жизни; или же онъ проявитъ себя только неизмѣнной корректностью и благородствомъ въ отно-

шеніяхъ къ другимъ людямъ, съ которыми столкнетъ его жизнь: англійскіе романисты часто рисуютъ такой типъ «совершеннаго джентльмена». Если сумма его развитія, по обстоятельствамъ жизни, окажется невысока, то это будетъ одинъ изъ тѣхъ «простыхъ» людей, которые поражаютъ насъ внутренней гармоніей своего психическаго склада, философски яснымъ и твердымъ отношеніемъ къ жизни. Такіе люди, близкіе къ массамъ по условіямъ жизни и матеріалу опыта, въ критическіе моменты исторіи нерѣдко оказываются «героями» и увлекаютъ за собою «толпу», которая въ нихъ находитъ ближайшихъ и наиболѣе непосредственныхъ выразителей своихъ потребностей и стремленій, которая невольно довѣряетъ здоровой и сильной логикѣ ихъ словъ и дѣйствій. Мнѣ кажется, что напр. Георгъ Вашингтонъ — человѣкъ отнюдь не «генія» — принадлежалъ именно къ этому типу людей; таковы же, мнѣ кажется, Гладстонъ, Авраамъ Линкольнъ... Въ наше время всего больше представителей этого типа можно найти среди англо-саксонской расы; въ древнемъ мірѣ ихъ было много среди вождей римскаго народа—до эпохи его упадка.

Благородный типъ гейневскаго «эллина» гораздо больше теряетъ въ своей красотѣ и величіи, какъ только первичный матеріалъ его психической жизни удаляется отъ maximum. Блескъ живого, огеннаго творчества исчезаетъ; свѣтлая жизнерадостная игра фантазіи теряетъ то широкое жизненное значеніе, какое имѣетъ она тогда, когда въ основѣ ея лежитъ максимальный опытъ, общечеловѣческій по своему содержанію. Утрачивая широту и глубину, эта игра фантазіи становится «поверхностной» и «легкомысленной»; ея типическую форму представляетъ въ этомъ случаѣ такъ называемое «остроуміе» свѣтскихъ разговоровъ и пріятельскихъ бесѣдъ между благодушными алкоголиками. Эклектизмъ здѣсь въ общемъ еще значительнѣе, чѣмъ у представителей благородно-эллинскаго типа, потому что опытъ менѣе широкій и полный уже самъ по себѣ болѣе разрозненъ и прерывистъ по содержанію, такъ что труднѣе поддается организующей тенденціи, даже когда она болѣе

сильна, чѣмъ въ данномъ рядѣ случаевъ. Объ опредѣленномъ и устойчивомъ направленіи воли, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь люди живутъ «минутой» и постоянны, обыкновенно, только въ измѣнчивости. Степени проявленія всѣхъ этихъ тенденцій зависятъ, конечно, отъ того, въ какой мѣрѣ положительный подборъ преобладаетъ надъ отрицательнымъ: а большее или меньшее богатство первичнаго содержанія, даваемаго внѣшними впечатлѣніями, обусловливаетъ различные оттѣнки этого типа, отъ артистическихъ натуръ (съ диллетантскимъ оттѣнкомъ вслѣдствіе слабости творчества) до банальныхъ бонвивановъ (обыкновенно, съ развратнымъ оттѣнкомъ, въ родѣ «золотой молодежи»).

Представителей подобнаго типа всего больше бываетъ среди паразитическихъ классовъ общества, въ началѣ ихъ вырожденія, и понятно почему. Паразитизмъ обезпечиваетъ богатство пріятныхъ впечатлѣній, но суживаетъ сферу жизни вообще, исключая изъ нея полезный трудъ и общеніе съ другими классами, живущими болѣе активной и полной жизнью. Такимъ образомъ, для эллинскаго типа психика оказывается слишкомъ бѣдна: она слишкомъ мелко-жизнерадостна. Но и такой она остается только на раннихъ ступеняхъ вырожденія: дальше, съ пониженіемъ общей энергіи психики, всѣ переживанія становятся все менѣе глубоки, психическій подборъ, и положительный и отрицательный, все болѣе слабымъ; совершается переходъ къ еще низшему типу, о которомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ.

Теперь, во что же превращается благородный «іудейскій» типъ, когда при той же глубинѣ и силѣ аффекціональной жизни у него отнимается широкій базисъ громаднаго богатства первичныхъ переживаній? Получается тоже «іудей», но гораздо болѣе узкій, ограниченный, консервативный. Организующая тенденція имѣетъ здѣсь для себя слишкомъ мало матеріала и матеріалъ относительно разрозненный, такъ что самостоятельно создать стройную монистическую систему здѣсь она, вообще говоря, не можетъ; но въ общеніи съ другими людьми пред-

ставители данного типа нерѣдко находятъ готовыя, достаточно гармонирующія съ ихъ личнымъ опытомъ системы, и тогда усваиваютъ эти системы въ высшей степени глубоко и надежно. Это бываютъ фанатики принятой догмы, неудержимо послѣдовательные въ своемъ фанатизмѣ, безпощадные къ себѣ и другимъ.—прекрасныя орудія въ рукахъ организаторовъ — людей высшихъ типовъ.

Католическая церковь въ своихъ монастыряхъ систематически подготовляла такія орудія, планомѣрно создавая всѣ условія для выработки даннаго типа: стѣны монастыря служили средствомъ сузить область опыта, матеріалъ первичныхъ переживаній; посты, послушанія, наказанія и всякое «умерщвленіе плоти» гарантировали преобладаніе отрицательнаго подбора надъ положительнымъ. Оставалось дать мрачную, но цѣльную догму—и тупые изувѣры были готовы, и инквизиціи было изъ чего выбирать. Въ еврейской націи распространенность этого типа вытекаетъ изъ историческихъ судебъ еврейскаго народа: обособленіе отъ окружающей христіанской среды обусловливало относительную узость опыта, а всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны этой же среды— относительный перевѣсъ страданій и горя надъ радостями жизни *).

*) Психоневрозъ «меланхолія» представляетъ крайній случай преобладанія отрицательнаго подбора при крайне бѣдномъ содержаніи переживаемаго. Страшно интенсивный отрицательный подборъ устраняетъ изъ сознанія или до крайности ослабляетъ всѣ переживанія, кромѣ тѣхъ, которыя вновь и вновь вызывается внѣшними для сознанія органическими причинами (судорожное состояніе сосудодвигательной системы). Эти мучительныя переживанія заполняютъ поле сознанія и влекутъ за собой свои ассоціаціи, легко понять—какія. Вѣдь раньше тѣ же состоянія сосудодвигательной системы выступали при тягостныхъ эмоціяхъ — тоски, страха, стыда—въ связи съ соотвѣтственными образами чего-нибудь печальнаго, ужаснаго, позорнаго. Вотъ эти образы и выступаютъ въ сознаніи безъ конкурренціи и налагаютъ свою печать на высказыванья меланхолика (грусть, презрѣніе къ себѣ, самоотрицаніе).

Разсмотрѣнная нами вторая группа типовъ, какъ мы уже указывали, параллельна первой; это какъ бы уменьшенныя и недоразвитыя варіаціи отъ первой группы. Та относительная узость опыта, которая обусловливаетъ это «уменьшеніе» и «недоразвитіе», можетъ, конечно, зависѣть иногда отъ такъ наз. «органическихъ причинъ», каковы, напр., наслѣдственное несовершенство органовъ воспріятія, наслѣдственно полученные инстинкты или очень рано развившіяся привычки, направленныя къ сужснію и ограниченію сферы воспринимаемаго и т. д. Но гораздо чаще все зависитъ отъ непосредственной среды, именно «технической» и «соціальной». Мыслимо ли, чтобы изъ крестьянскаго ребенка развился какой-нибудь высшій типъ психической жизни, когда весь матеріалъ его опыта ограничивается нѣсколькими квадратными верстами пространства, и традиціоннымъ мышленіемъ окружающихъ? И сколько возможныхъ зародышей высшей жизни губитъ фатальная узость и бѣдность женскаго воспитанія? Тутъ человѣчеству есть съ чѣмъ бороться, тутъ ему предстоятъ великія побѣды.

V.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ варіаціямъ въ характерѣ и направленіи психическаго развитія. Пусть *интенсивность* психическаго подбора не такіе, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, а иная, меньшая величина: аффекціональная жизнь менѣе глубока, переживанія не такъ сильно затрагиваютъ психику, и радости и страданія сознаются менѣе живо и энергично. Это—болѣе «обыденныя» натуры, съ болѣе «бѣднымъ» существованіемъ.

Изъ числа логически мыслимыхъ комбинацій здѣсь можно

Активность въ общемъ чрезвычайно подавлена, только иногда мучительная эмоція вызываетъ такую сильную волевую реакцію, что ее не въ силахъ подавить отрицательный подборъ, и она бываетъ тогда неудержима (raptus melancholicus).

заранѣе исключить всѣ тѣ, которыя включаютъ maximum первичныхъ, непосредственныхъ переживаній — наибольшее возможное богатство «впечатлѣній». Такія комбинаціи жизненно-невозможны, изъ нихъ не можетъ получиться особыхъ типовъ психическаго развитія. Maximum переживаній только тогда получаетъ сколько-нибудь организованную, цѣльную форму, когда организующій процессъ — психическій подборъ — совершается съ большой интенсивностью, максимальной или близкой къ maximum; иначе получится нѣчто неорганизованное, противорѣчивое, своего рода психическій хаосъ, который, конечно, не есть вообще какой-либо типъ психическаго развитія, потому что не есть органически-жизнеспособное цѣлое. Такимъ образомъ дѣло сводится къ тѣмъ варіаціямъ, которыя отклоняются отъ maximum не только по интенсивности психическаго подбора, но и по суммѣ матеріала переживаній.

Итакъ, относительно небогатый, но, какъ мы пока принимаемъ, разнообразный и разносторонній матеріалъ опыта, и относительно невысокій аффекціоналъ переживаній. Нѣкоторыя отрицательныя характеристики, вытекающія изъ этихъ условій, очевидны сразу, сами собой: это отсутствіе живого творчества фантазіи и сильной, неуклонной воли; первое, какъ мы видѣли, предполагаетъ интенсивный положительный, а второе — интенсивный отрицательный подборъ, которыхъ здѣсь не имѣется. Далѣе, психическое развитіе вообще здѣсь можетъ совершаться только медленно и вяло, потому что факторы этого развитія слабы; психика въ цѣломъ консервативна, но это не значитъ, чтобы входящіе въ нее комплексы и комбинаціи отличались прочностью. Въ психикахъ высшихъ типовъ прочность психическихъ формъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ широты и неразрывности ихъ ассоціативныхъ связей съ другими сложившимися психическими формами, а затѣмъ уже, въ меньшей мѣрѣ, отъ *прямой* и *непосредственной* связи съ повторяющимися воздѣйствіями среды *). Здѣсь же дѣло обстоитъ иначе.

*) Въ *конечномъ счетѣ, всякая* психическая форма является жизненно прочной именно постольку, поскольку находится въ гар-

Ассоціативныя связи создаются психическимъ подборомъ; и тамъ, гдѣ онъ относительно слабъ, онѣ огра ваются въ своемъ развитіи, не достигаютъ ни большой широты, ни собенной устойчивости. Поэтому большинство наиболѣе прочныхъ психическихъ комплексовъ въ подобной психикѣ бываетъ обязано своей прочностью не ассоціативнымъ связямъ, а именно повторяющимся воздѣйствіямъ среды; это устойчивость, выработанная суммированіемъ результатовъ слабаго психическаго подбора въ длинномъ ряду извнѣ обусловленныхъ повтореній комплекса, это устойчивость *привычки*. Преобладающая роль привычныхъ психическихъ образовъ и актовъ — основная характеристика даннаго типа развитія.

Слабость положительнаго подбора и творчества фантазіи въ связи съ особеннымъ значеніемъ для такой психики прямыхъ и ближайшихъ вліяній среды обусловливаетъ *мелкій реализмъ*; а слабость отрицательнаго подбора и разрушающей критики въ связи съ узостью и неполнотой опыта вообще — *мелкій утопизмъ*; пошлая трезвенность и множество невысокихъ иллюзій, узкій практицизмъ и теоретическая наивность какъ нельзя лучше уживаются между собою.

Монистическая тенденція здѣсь не только имѣетъ для себя неблагопріятный матеріалъ въ видѣ недостаточнаго, неполнаго и потому сравнительно разрозненнаго опыта, — но и помимо того проявляется въ ослабленной степени, такъ какъ она всецѣло — результатъ психическаго подбора. Такимъ образомъ, *эклектизмъ* выступаетъ въ самыхъ очевидныхъ и наивныхъ формахъ: голова филистера, по словамъ Гейне, заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ ящичковъ, не сообщающихся между собою и содержащихъ въ себѣ каждый особую отрасль познавательныхъ матеріаловъ и практическихъ нормъ; каждый ящи-

---

моническомъ соотвѣтствіи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды (см. въ «Критикѣ чистаго опыта» Авенаріуса главы о «Multiponible»). Но эта гармоническая связь въ психикѣ высшаго типа можетъ быть *косвенной*, и она всегда такова именно для высшихъ монистически-организующихъ формъ (широкія обобщенія, напр.).

чекъ по мѣрѣ надобности отпирается, а затѣмъ снова запирается, и отпирается уже другой; нравственность такого филистера лежитъ совершенно отдѣльно отъ тѣхъ дѣловыхъ правилъ, которыми онъ руководится въ торговлѣ, семейныя добродѣтели отдѣльно отъ развратныхъ стремленій и привычекъ, теорія отдѣльно отъ практики и т. д. *). Эту характерную безсвязность психической структуры особенно легко наблюдать, слушая оживленный разговоръ женщинъ мѣщанскаго типа; быстро переходя отъ одного предмета къ другому, онѣ ежеминутно мѣняютъ свои предпосылки, явно себѣ противорѣча и совершенно не замѣчая этого.

Въ зависимости отъ того, какая сторона психическаго подбора преобладаетъ, положительная или отрицательная, и насколько, получаются также различные оттѣнки филистерскаго типа, болѣе оживленный, въ которомъ безхарактерность достигаетъ высшей степени, и болѣе суровый, съ оттѣнкомъ тупого упрямства—каррикатурныя параллели къ «эллину» и «іудею». Но вообще типъ этотъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, это выраженіе либо медленныхъ и вялыхъ процессовъ личнаго и классоваго развитія, либо выраженіе декаданса. Застойныя и вырождающіяся паразитическія группы общества доставляютъ его въ изобиліи. Въ застойныхъ группахъ преобладаетъ типъ болѣе опредѣленный, болѣе выработанный, болѣе уравновѣшенный—«мѣщанинъ», «обыватель»; въ группахъ деградирующихъ картина осложняется дезорганизаціей наличнаго психическаго матеріала, неустойчивостью, неуравновѣшенностью, импульсивностью, только безъ энергіи; зависитъ это отъ того, что матеріалъ жизни, данный предыдущими фазами, оказывается слишкомъ великъ и разнороденъ для слабой организующей тенденціи, порождаемой слабымъ подборомъ. Тутъ передъ нами выступаетъ дряблый, но мечущійся изъ стороны въ сторону въ «исканіяхъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ» типъ декадента. Но

*) Передаю мысль Гейне не въ точныхъ его выраженіяхъ, потому что случайно не имѣю подъ рукой книги. но ручаюсь за вѣрность передачи по существу.

это уже не типъ развитія, и не типъ равновѣсія, а типъ деградаціи; это нѣчто близкое къ тѣмъ нежизнеспособнымъ комбинаціямъ, на которыя мы указали въ началѣ этого параграфа.

Филистеръ и декадентъ—преобладающія фигуры реакціонныхъ классовъ и теченій.

VI.

ерейдемъ теперь къ такимъ варіаціямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не равномѣрно-разносторонній, богатый или бѣдный, матеріалъ опыта, а *односторонне-суженный* какъ это бываетъ особенно при различныхъ формахъ *спеціализаціи*. Мы имѣемъ въ виду не только спеціализацію техническаго или научнаго труда, но вообще всѣ тѣ случаи, когда по какимъ бы то ни было причинамъ область переживаній развертывается неравномѣрно, расширяясь особенно въ сторону одной какой-либо группы взаимно-связанныхъ, до извѣстной степени однородныхъ комплексовъ опыта, соотвѣтственно суживаясь въ другихъ направленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, житель полярной страны окажется односторонне-развитымъ по сравненію съ человѣкомъ изъ умѣреннаго пояса, потому что у перваго непропорціонально большое мѣсто среди жизненнаго матеріала занимаютъ переживанія, связанныя съ «зимой», «холодомъ» и т. д., тогда какъ область переживаній, относящихся къ «лѣту», «теплу» и т. д., соотвѣтственно уменьшена. Указывая это, я имѣю въ виду лишній разъ подчеркнуть *относительный* характеръ тѣхъ понятій, которыя примѣняются въ этомъ анализѣ: никакой абсолютной мѣры для maximum и minimum переживаній, для наибольшей и наименьшей интенсивности психическаго подбора, для широты и узости опыта мы не можемъ пока установить; а когда употребляемъ эти термины, то подразумѣваемъ лишь относительныя величины, и тенденціи, связанныя съ ихъ измѣненіемъ въ ту или другую сторону.

Итакъ, передъ нами психика съ односторонне-развивающимся содержаніемъ, психика, напр., спеціализированнаго мануфактурнаго работника, или ученаго узкаго спеціалиста. Такъ какъ психическій подборъ не создаетъ ничего принципіально новаго, а только обрабатываетъ *данный* ему матеріалъ, то и его работа оказывается здѣсь фактически односторонне-направленной,—въ наибольшей мѣрѣ въ сторону организаціи тѣхъ *спеціальныхъ* переживаній, которыя преобладаютъ въ данной системѣ опыта. Переживанія эти, какъ мы указали, сравнительно однородны и уже съ самаго начала взаимно-близки въ потокѣ опыта, кромѣ того, представлены въ психикѣ съ большой сравнительно полнотой, гораздо менѣе разрозненно, чѣмъ другія сферы опыта; слѣдовательно, процессъ организаціи происходитъ здѣсь при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, и легко создается относительно стройная и цѣлостная система ассоціацій; на низшихъ ступеняхъ развитія это, главнымъ образомъ, тѣсныя ассоціаціи по смежности, въ которыхъ выражается такъ называемое «непосредственное» ознакомленіе психики съ данной областью опыта; на болѣе высокихъ ступеняхъ—прогрессивный рядъ ассоціацій по сходству и различію (формъ обобщенія и различенія), такъ назыв. «систематическое» познаніе данной области, которое можетъ оказаться въ большей или меньшей степени «монистичнымъ», т.-е. законченно-объединеннымъ. Но все это только въ данной «спеціальной» области опыта; а въ другихъ не то.

Тамъ содержаніе опыта болѣе бѣдно и болѣе отрывочно; тамъ организующая тенденція находитъ для себя гораздо менѣе благопріятныя условія. Поэтому, если интенсивность психическаго подбора, особенно отрицательнаго, вообще не очень велика, то за предѣлами «спеціальности» господствуетъ безсвязность и эклектизмъ, что сближаетъ этотъ типъ съ «филистерскимъ». Особенно ясно выступаетъ такая черта въ представителяхъ «гелертерства» и «книгоѣдства», которые, живя довольно интенсивной жизнью въ одной узкой сферѣ, во всѣхъ

остальныхъ поражаютъ блѣдностью и безцвѣтностью своей психики, и дѣтскостью формъ мышленія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда психическій подборъ особенно интенсивенъ, а слѣдовательно, организующая тенденція особенно сильна, дѣло происходитъ иначе. Тогда развитіе въ монистическомъ направленіи совершается, несмотря ни на что, но въ особой формѣ. Переживанія, относящіяся къ сферѣ «спеціализаціи» тогда, конечно, хорошо организованы, координированы въ стройную систему ассоціацій. Но, играя преобладающую роль въ данной области, переживанія эти проходятъ черезъ большую часть полей сознанія, при чемъ встрѣчаются съ переживаніями другихъ областей, сравнительно мало систематизированными. Такія встрѣчи при интенсивномъ психическомъ подборѣ ведутъ къ образованію болѣе или менѣе прочныхъ ассоціативныхъ связей между тѣми и другими переживаніями. Вначалѣ это, разумѣется, ассоціаціи только по смежности; но психическій подборъ, устраняя дисгармоничные и противорѣчивые элементы изъ комплексовъ, входящихъ въ эти ассоціаціи, преобразуетъ ихъ въ такомъ направленіи, что между ними оказывается все больше соотвѣтствія, и изъ нихъ получаются уже высшія ассоціаціи—по сходству, и затѣмъ по различію. При этомъ болѣе разрозненный матеріалъ изъ самыхъ различныхъ областей опыта, такъ сказать, включается въ сложившіяся, организованныя формы жизненно главной области «спеціальнаго»; психическій подборъ *приспособляетъ* его къ этимъ формамъ, такъ, какъ приспособляетъ вообще комплексы опыта одни къ другимъ, а въ данномъ случаѣ, естественно, въ большей мѣрѣ—комплексы менѣе выработанные и опредѣленные къ болѣе выработаннымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ обратно. Тогда вся жизнь, весь опытъ довольно монистично представляются и мыслятся въ тѣхъ формахъ, которыя выработаны въ «спеціальной» области.

Примѣры такой организаціи опыта можно встрѣтить на каждомъ шагу. Торговецъ совершенно невольно всю человѣческую жизнь разсматриваетъ со своей специфически-мѣновой

точки зрѣнія, такъ что въ каждомъ дѣйствіи человѣка видитъ элементъ расчета на вознагражденіе, въ проявленіи альтруизма—покупку благодарности, въ героической борьбѣ—покупку славы и т. д. И это отнюдь не метафоры только *). Іеремія Бентамъ, воспитывавшійся въ торговой атмосферѣ развивающагося капитализма въ Англіи, даже систематизировалъ эту «спеціальную» точку зрѣнія, и создалъ цѣлую практическую философію, построенную въ сущности, на мѣновомъ идеалѣ возможно выгодной сдѣлки съ реальностью жизни.—Точно такъ же работникъ, проводящій все свое трудовое время при машинахъ, естественнымъ образомъ, бываетъ склоненъ къ механически-матеріалистическому міровоззрѣнію, которое укладываетъ всякую реальность въ рамки отношеній однородныхъ съ отношеніями частей механизма, и такова же въ массѣ случаевъ точка зрѣнія инженера, даже капиталиста, который еще близокъ къ своей фабрикѣ и проводитъ значительную часть времени среди своихъ машинъ. Юристъ, спеціальный опытъ котораго организуется въ системѣ принудительныхъ нормъ, обыкновенно и нормы собственно-научнаго познанія—«законы природы»—представляетъ себя по типу формъ принужденія, и, напр., причинную связь явленій склоненъ понимать, какъ особую принудительную силу, какъ стѣснительную для «свободы» необходимость. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно; и если не всегда, а только въ рѣдкихъ случаяхъ *все* мышленіе соціалиста монистически организуется въ формахъ, выработанныхъ его спеціальностью, то нѣкоторый ея «отпечатокъ» оно носитъ всегда во всѣхъ областяхъ; а этотъ отпечатокъ и выражаетъ начальныя степени осуществленія указанной нами тенденціи.

*) Систематическое употребленіе метафоръ изъ своей «спеціальной» области, характерное для всѣхъ «спеціалистовъ» есть уже само по себѣ выраженіе процесса организаціи всего опыта въ формахъ опыта спеціальнаго. Ибо слово и понятіе нераздѣльны, и метафора вноситъ новую окраску въ то понятіе, къ которому она примѣнена. См. «Философію мысли», М. Мюлера.

Организація всей суммы личнаго опыта въ формахъ опыта спеціальнаго можетъ иногда оказываться въ высшей степени жизненно-прогрессивной, въ другихъ случаяхъ, напротивъ, регрессивнымъ явленіемъ; но вообще, очевидно, она не въ силахъ дать maximum организованности опыта, а можетъ послужить только ступенью къ этому maximum. Классовое разъединеніе общества означаетъ извѣстную «спеціализацію» опыта въ нашемъ смыслѣ; и потому есть всѣ основанія думать, что ни одно изъ современныхъ классовыхъ міровоззрѣній не будетъ достаточно широко для будущаго не классоваго общества; но во всякомъ случаѣ міровоззрѣніе будущаго должно возникнуть изъ психологіи наиболѣе прогрессивнаго класса нашего времени, который для своей быстро расширяющейся жизни необходимо долженъ создавать наиболѣе гибкія, наиболѣе пластичныя, наиболѣе способныя къ развитію формы объединенія опыта.

Что касается характера волевой жизни при условіяхъ спеціализаціи, то здѣсь выводы понятны сами собою. Чѣмъ большей организованностью отличается «спеціальный» опытъ, тѣмъ больше послѣдовательности и цѣльности обнаруживается въ направленіи воли, поскольку она имѣетъ отношеніе къ этой области. Интенсивность же проявленій воли зависитъ и здѣсь отъ общихъ условій психическаго подбора—его энергіи и направленія въ ту или другую сторону. За предѣлами же сферы «спеціальнаго», чѣмъ болѣе опытъ разрозненъ, а мышленіе эклектично, тѣмъ менѣе также единства и связи въ направленіи волевой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ и ея энергія вообще должна быть, сравнительно, понижена. Такимъ образомъ, въ своей спеціальной дѣятельности человѣкъ иногда проявляетъ величайшую цѣльность воли, достойную истиннаго «іудея»; и здѣсь такая цѣльность, благодаря узкой сферѣ и однородному характеру «спеціальныхъ» переживаній, достигается *особенно легко*, для нея не требуется исключительно сильнаго дѣйствія отрицательнаго подбора, а въ то же время внѣ спеціальной области человѣкъ оказывается вялымъ и слабымъ, какъ фи-

листеръ. Таковы и были, какъ извѣстно, многіе великіе люди, мелкіе въ своей семейной и вообще частной жизни. Черты «іудея» и черты «филистера»—это и есть тѣ характеристи и, къ которымъ всего болѣе тяготѣетъ жизнь «спеціалиста».

VII.

Нашими приведенными иллюстраціями, очевидно, далеко не исчерпываются возможные типы психическаго развитія, но мы и не имѣли въ виду ихъ исчерпывать — мы хотѣли только на примѣрахъ пояснить примѣненіе того метода, который предлагаемъ. Чтобы это примѣненіе могло быть научнымъ, познавательно-полезнымъ, надо ни на минуту не забывать, что всякіе типы развитія, которые мы путемъ даннаго метода устанавливаемъ, суть лишь *предѣльныя абстракціи*, выражаютъ лишь *тенденціи приспособленія*, связанныя съ тѣми или иными варіаціями жизненныхъ условій. Такъ, положимъ, обрисовка типа «эллина» говоритъ намъ слѣдующее: чѣмъ въ большей мѣрѣ богатство психическаго матеріала соединяется съ интенсивной жизнью «чувства», въ которой при этомъ радость и счастіе господствуютъ надъ страданіемъ и горемъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ развитіе психики вырабатываетъ въ ней такія-то и такія-то черты,—живое творчество, съ преобладаніемъ фантазіи надъ «реализмомъ», благодушно-эклектическая окраска міровоззрѣнія, воля активная, но неустойчивая въ своемъ направленіи, и т. д., и т. д. Пользуясь такими формулами, мы можемъ шагъ за шагомъ анализировать конкретные жизненные типы, какіе находимъ въ дѣйствительности и въ искусствѣ; и одна уже ихъ «конкретность» ручается намъ за то, что они не совпадутъ съ нашими «чистыми» типами, которые получаются путемъ «абстракціи».

Во всякомъ конкретномъ типѣ встрѣчаются и взаимно перекрещиваются *различныя* тенденціи развитія, выражаемыя типами абстрактными, потому что *идеально-простыя условія*

никогда не находятъ себѣ мѣста въ «дѣйствительности», но только—въ «отвлекающей» и «анализирующей» работѣ познанія. Задача психо-генетическаго «объясненія» того или иного «конкретнаго» типа заключается именно въ томъ, чтобы путемъ анализа объективныхъ условій его развитія установить связь и соотношеніе различныхъ тенденцій психическаго развитія, необходимо вытекающихъ изъ даннаго сочетанія условій.

Намъ слѣдуетъ иллюстрировать свою точку зрѣнія, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться только однимъ-двумя примѣрами, и мы начнемъ съ такого, который по содержательности можетъ замѣнить множество ихъ: психологія шекспировскаго Гамлета.

Что такое Гамлетъ? Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что это индивидуальность чрезвычайно высокаго типа. Судьба дала Гамлету оба основныя условія для достиженія maximum жизни: громадное богатство первичнаго психическаго матеріала, въ видѣ массы разнообразныхъ впечатлѣній дѣтства, проведеннаго въ блестящей обстановкѣ двора, и юности, весело и содержательно прожитой въ студенческихъ странствованіяхъ по Германіи и въ научныхъ занятіяхъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ чуткую и впечатлительную натуру, глубоко воспринимающую все, что приноситъ опытъ, интенсивно-эмоціональную, способную въ высшимъ наслажденіямъ и къ сильнымъ страданіямъ. Но до самаго начала трагедіи страданій было очень мало, а счастья очень много: любовь родителей, любовь женщинъ, веселые товарищи, общее уваженіе и поклоненіе, много даже лести, наконецъ, полная свобода развитія, цѣлый міръ интеллектуальныхъ и эстетическихъ наслажденій. Ясно, что изъ Гамлета долженъ былъ выработаться настоящій «эллинъ»—тонкая артистическая натура, полная творчества и и блеска, но и съ неизбѣжными недостатками артистическихъ натуръ. Недостатки эти мы знаемъ, они вытекаютъ изъ слабости отрицательнаго подбора, могучая гармонизирующая сила котораго въ образѣ страданія здѣсь слишкомъ рѣдко вмѣшивается въ психическое развитіе, слишкомъ неполно его контролируетъ. Въ Гамлетѣ мало суроваго реализма,—порожденія соб-

ственной психической работы часто заслоняютъ отъ него дѣйствительность; ему не хватаетъ цѣльности—въ немъ много благодушнаго эклектизма, соотвѣтственно этому волѣ его не хватаетъ устойчивости, неуклонности, единства направленія.

Что у Гамлета есть всѣ положительныя черты артистической натуры, это врядъ ли надо доказывать—столько живыхъ образовъ, столько блеска въ его рѣчахъ даже при самыхъ невеселыхъ обстоятельствахъ. А на отрицательныхъ чертахъ «эллинскаго» типа построена, въ сущности, вся трагедія. Только недостаткомъ твердаго и трезваго реализма можно объяснить сомнѣнія и колебанія Гамлета относительно самаго факта преступленія, тогда какъ очевидныя доказательства налицо. Онъ не можетъ не вѣрить имъ, когда они прямо и рѣзко вступаютъ въ поле его сознанія; но чуть впечатлѣніе сгладилось—его живая фантазія впутывается въ дѣло и услужливо создаетъ и подбираетъ новые образы и комбинаціи, болѣе утѣшительные, и при помощи разныхъ «можетъ быть» затуманиваетъ и подвергаетъ сомнѣнію то, что слишкомъ мрачно, но также—увы! —слишкомъ реально. И эклектизмъ Гамлета, недостокъ цѣльности въ его взглядѣ на вещи, сказывается на каждомъ шагу въ быстрой смѣнѣ одной точки зрѣнія другою, въ сущности, съ ней несовмѣстимою. А неустойчивость направленія воли, отсутствіе практической послѣдовательности и неуклонности—вѣдь это и есть та черта, которая обозначается нарицательнымъ именемъ «Гамлета».

Хотя въ эллинской натурѣ и недостаточно монизма, но всѣ же въ ней нѣтъ и хаоса. Организующая тенденція въ ней не такъ сильна, какъ тенденція къ полнотѣ жизни; но все же и первая отнюдь не ничтожна. Отрицательный подборъ неизбѣженъ въ жизни; страданія есть и у самаго счастливаго человѣка, и ихъ вовсе не такъ мало. Страданія органическаго развитія, неясныхъ и неудовлетворенныхъ порывовъ, боль разлуки съ близкими—все это было въ жизни Гамлета. Были и физическія страданія: вѣдь, судя по характеристикѣ, которую даетъ королева его физической организаціи, эта послѣдняя хотя и

очень сильна, однако, далеко не вполнѣ гармонична. Наконецъ, Гамлетъ много работалъ; а трудъ, какъ *затрата энергіи*, эквивалентенъ страданію, и обусловливаетъ *отрицательный подборъ*. Поэтому монистическая тенденція, хотя и не довела психику Гамлета до полнаго единства, однако, была достаточна, чтобы организовать ее въ нѣсколько, очень немного основныхъ «единствъ», монистическихъ ассоціативныхъ группировокъ. Насколько можно судить по высказываніямъ Гамлета, такихъ группировокъ всего *двѣ*: его натура страдаетъ «раздвоенностью».

Каково же содержаніе этихъ двухъ конкуррирующихъ группировокъ? Гамлетъ, прежде всего, сынъ великаго воина и потомокъ страшныхъ норманнскихъ витязей. Масса впечатлѣній его дѣтства связана съ войной и военной славой; несомнѣнно, что все его домашнее воспитаніе, начиная съ безчисленныхъ разсказовъ о походахъ и подвигахъ, кончая постоянными упражненіями со всякимъ оружіемъ, направлено было именно къ тому, чтобы сдѣлать его воиномъ въ полномъ смыслѣ слова. И юношей онъ не перестаетъ, конечно, интересоваться военнымъ дѣломъ и заниматься всѣмъ, что къ нему относится; онъ, навѣрное, хорошо изучилъ стратегію и всю теорію войны, а по его фехтованью можно судить, насколько ему близка ея практика. Итакъ, Гамлетъ—воинъ; это *одна* сторона его психологіи, *одно* систематическая группировка его переживаній.

Другая сторона: Гамлетъ эстетикъ, артистъ, вѣроятно—поэтъ. Гамлетъ-юноша жилъ полной и свѣтлой жизнью въ сферѣ искусства, красоты, любви. Какое глубокое эстетическое воспитаніе обнаруживается въ его бесѣдѣ съ актерами и въ тонкомъ изяществѣ многихъ его насмѣшливыхъ замѣчаній! Сколько поэзіи должна была внести въ его душевную жизнь юношески-свѣжая, чистая и счастливая любовь къ Офеліи! Гамлетъ-эстетикъ слишкомъ долго жилъ въ атмосферѣ гармоніи, и эта атмосфера стала для него жизненной необходимостью; но такая гармонія есть дѣло счастія, исключительнаго счастья въ наши суровыя времена, —и подъ ея дыханіемъ выростаютъ слишкомъ нѣжныя, теп-

личныя растенія; а когда счастію приходитъ конецъ, печальная судьба предстоитъ нѣжному растенію.

Двѣ личности Гамлета—воинъ и эстетикъ—могли уживаться хорошо, пока борьба, кровавая и безпощадная, существовала для него только въ воображеніи да въ воинскихъ забавахъ: въ представленіяхъ юноши война эстетична, какъ величественное столкновеніе грозныхъ силъ, и Гамлетъ-эстетикъ могъ находить наслажденіе въ воинственныхъ мечтахъ Гамлета-воина, война пока еще въ возможности, а не въ реальности. Но когда суровую борьбу приходится *переживать*, то эстетикѣ плохо. Получать удары больно, а разрушать чужую жизнь—для впечатлительной, тонкой натуры еще больнѣе; и еще если бы тутъ текла одна чистая кровь, эстетику было бы легче,—но кровь смѣшивается съ грязью, а раны чаще всего отвратительны и неопрятны. Тутъ надо хитрить, подстерегать, обманывать,—а это очень не эстетично. Быть все время въ напряженномъ состояніи, какъ требуетъ борьба, для нѣжной души мучительно: гармонія жизни возможна только тогда, когда за растратой силъ идетъ исцѣляющій отдыхъ, а непрерывные утомленіе убиваетъ всякую гармонію.—Для Гамлета дѣло обстоитъ еще хуже, борьба несетъ для него еще больше противорѣчій, еще сильнѣе обостряетъ разладъ между его боевой и его эстетической личностью: врагами оказываются самые близкіе ему люди: мать, которую онъ обожалъ, и дядя, котораго онъ уважалъ и любилъ. Что можетъ вызвать въ душѣ болѣе мучительную дисгармонію, чѣмъ превращеніе любимаго существа въ объектъ ненависти и отвращенія?

Духъ отца постоянно будитъ въ Гамлетѣ воина, вся обстановка ежеминутно воскрешаетъ въ немъ эстетика. Воинъ хочетъ наносить удары, эстетикъ отступаетъ передъ кровью и грязью. Жажда мести сталкивается съ жаждой гармоніи—въ этомъ смыслъ всей трагедіи; колебанія Гамлета, его непрерывная рефлексія—это долгіе безплодные переговоры между одной его личностью, которая хочетъ борьбы, и другой, которая хочетъ любви и счастья. Первая—личность недоразвитая, потому что *реально* жить жизнью борца Гамлету еще не приходилось; вто-

рая развита вполнѣ, потому что жизнью артиста и любящаго человѣка онъ жилъ въ дѣйствительности и много. Но за первой личностью стоитъ *развивающаяся* дѣйствительность, новыя и новыя воздѣйствія «среды», которыя будятъ въ Гамлетѣ борца. За второй же — только воспоминаніе и грезы; первую выдвигаетъ «объективный» ходъ вещей, вторую—поддерживаютъ «субъективныя» желанія и стремленія. Гамлетъ-эстетикъ во всякомъ случаѣ долженъ погибнуть или потерять свою самостоятельность; вопросъ въ томъ, уцѣлѣетъ ли Гамлетъ-боецъ.

Тутъ передъ нами выступаетъ въ полномъ своемъ выраженіи великая гармонизирующая сила страданія. Для такой натуры, какъ Гамлетъ, душевныя муки—это тяжелый, но благодѣтельный молотъ, который выковываетъ душу въ новыя, высшія формы. Отрицательный подборъ, который уничтожаетъ или разлагаетъ всякую непрочную, иррсальную или дисгармоническую комбинацію, освобождая мѣсто для комбинацій, имѣющихъ, прочныя реальныя основы и жизненно-гармоничныхъ, которыя онъ не въ силахъ разрушить, отрицательный подборъ вноситъ въ психику Гамлета то, чего ей недоставало: строгую реально-монистическую тенденцію. Вѣдь недостатокъ цѣльности въ организаціи эллина и чрезмѣрно-большая роль фантазіи зависятъ именно отъ того, что счастіе и положительный подборъ слишкомъ сильно преобладаютъ надъ страданіемъ и отрицательнымъ подборомъ; трагедія, протекающая въ душѣ Гамлета, устраняетъ *эту* неравномѣрность, и тѣмъ самымъ создаетъ условія для перехода эллинскаго типа въ еще болѣе высокій, тотъ, который мы назвали «идеальнымъ». Герой шагъ за шагомъ на глазахъ зрителя становится другимъ человѣкомъ.

Разрушеніе старыхъ координацій въ психикѣ Гамлета идетъ, благодаря его ужаснымъ страданіямъ, такъ быстро, что образованіе новыхъ не поспѣваетъ за нимъ, и наступаетъ даже періодъ временной дезорганизаціи—душевная болѣзнь Гамлета, гораздо менѣе «притворная», чѣмъ онъ самъ, повидимому, полагалъ. Но могучая душа выживаетъ—и въ концѣ пьесы передъ нами выпрямляется во весь ростъ Гамлетъ-боецъ, спо-

ный и рѣшительный, съ яснымъ взглядомъ и твердой волей. Что же стало съ Гамлетомъ-эстетикомъ? Онъ не умеръ, онъ органически слился съ другой душой Гамлета. Жажда гармоніи въ жизни нашла себѣ новый выходъ, она внутренно преобразовалась: изъ пассивнаго желанія *жить* среди гармоніи она перешла въ активную волю *создать* гармонію въ жизни, наказавши преступленіе и возстановивши справедливость. Сознательный боецъ за право и справедливость—это и есть активный эстетикъ, стремящійся къ жизненной гармоніи въ человѣческихъ отношеніяхъ. Теперь психика Гамлета чужда всякаго дуализма, и воля не ослабляется внутренней борьбой. Онъ уже не сокрушается о томъ, что именно ему приходится возстановлять «разрушенную связь вещей»: онъ твердымъ шагомъ идетъ къ разрѣшенію этой задачи, достойной истиннаго воина и истиннаго эстетика.

Гамлетъ гибнетъ, но гибнетъ какъ побѣдитель, выполнивъ свое дѣло. Гибнетъ онъ, конечно, не случайно, а именно потому, что за время его внутренней борьбы, которая не давала ему цѣлесообразно вести борьбу внѣшнюю, объективныя условія, условія «среды» сложились въ самую неблагопріятную для него сторону: враги не бездѣйствовали и пустили въ ходъ всѣ средства. Но Гамлетъ все же сильнѣе — и даже при этихъ условіяхъ онъ увлекаетъ ихъ въ своей гибели; уже умирая, онъ не забываетъ возстановить послѣднее звено «разрушенной связи», и съ геніальной простотой выполняетъ это, назначая своимъ наслѣдникомъ молодого героя чужой страны, надежнаго и цѣльнаго человѣка—принца Фортинбраса.

Итакъ, вотъ сущность трагедіи: это исторія преобразованія эллинской души въ иную, болѣе законченно-цѣлостную форму силою мучительной борьбы, силою глубокихъ страданій.

Ничего принципіально загадочнаго для нашей точки зрѣнія трагедія Гамлета не представляетъ: она всецѣло соотвѣтствуетъ въ своемъ развитіи законамъ дѣйствія психическаго подбора; она самое авторитетное свидѣтельство въ пользу ихъ познавательной цѣнности.

VIII.

Теперь мы возьмемъ для нашего метода другую иллюстрацію, несравненно менѣе трагическаго характера—явленіе очень распространенное въ современной русской жизни, называемое «поумнѣніемъ» интеллигентской души, исторія радикальныхъ «дѣтей», становящихся въ свое время умѣренными «отцами».

Тотъ матеріалъ опыта, который современные молодые люди приносятъ съ собою изъ жизни школьной въ жизнь студенческую, какъ извѣстно, весьма небогатъ,—однако онъ не отличается и особенной односторонностью. Правда, наша средняя классическая школа построена до сихъ поръ главнымъ образомъ на принципѣ спеціализаціи, притомъ очень своеобразной спеціализаціи: большую часть познавательнаго матеріала дѣтямъ даютъ изъ одной, очень узкой области, имѣющей въ глазахъ организаторовъ школы то громадное преимущество, что она «мертва» и, какъ таковая, въ самой себѣ не заключаетъ никакихъ объективныхъ возможностей прогресса. Но матеріалъ этотъ имѣетъ «отрицательную» аффекціональную окраску, и молодая психика стремится свести его разными путями къ minimum; послѣднее, вообще говоря, и удается, благодаря пособничеству семьи и товарищеской среды. Такимъ образомъ, фактически содержаніе опыта сводится тутъ по преимуществу къ слѣдующимъ группамъ переживаній: то, что даетъ семья,—то, что даетъ товарищеская среда,—то, что даетъ школа со стороны «классовой борьбы» учащихся съ ея оффиціальной организаціей, и наконецъ уже то, что даетъ школа со стороны познавательнаго матеріала «наукъ». Изъ всѣхъ этихъ группъ именно послѣдняя отличается наибольшей относительной разрозненностью и неполнотой своего содержанія, а потому и значеніе въ развитіи молодой души она имѣетъ минимальное.

Совокупность опыта оказывается очень разносторонне со-

ставленной группировкой: семья вноситъ въ дѣтскую психику, «воспитываетъ» въ ней совсѣмъ не то, что вноситъ и воспитываетъ товарищеская среда, товарищеская среда — совсѣмъ не то, что школьная «наука», и даже эта «наука» — совсѣмъ не то, что ея оффиціальные проводники въ качествѣ объектовъ ненависти и борьбы *). Организующая работа психическаго подбора надъ всѣми этими рядами переживаній протекаетъ съ большой интенсивностью: аффекціональная жизнь дѣтства и ранней юности очень бурна и энергична, новые и новые комплексы, вступающіе въ поле опыта не сложившейся еще психики, глубоко ее захватываютъ и порою сильно потрясаютъ. Но преобладаетъ обыкновенно подборъ положительный, чувствованія пріятнаго характера: психика растетъ, развивается, энергія жизни увеличивается, и хотя далеко не всѣ эти измѣненія проходятъ черезъ поле сознанія, но все-же значительная часть ихъ находитъ въ немъ свое выраженіе—въ видѣ «пріятныхъ» переживаній.—Такимъ образомъ, въ тѣхъ, наиболѣе частыхъ случаяхъ, которые мы здѣсь имѣемъ въ виду, имѣются всѣ условія для развитія психики въ эклектическія формы: и разносторонній, но неполный опытъ, въ содержаніи котораго есть очень большіе пробѣлы, затрудняющіе его гармоническое объединеніе, и относительная слабость отрицательнаго подбора, который является главнымъ факторомъ развитія къ строгому монизму.

И дѣйствительно, психологія подростка въ общемъ замѣчательно эклектична. Въ его душѣ съ величайшей легкостью уживаются самыя неоднородныя, самыя непримиримыя между собою идеи и нормы. Семья съ ея патріархальнымъ строемъ и кровной связью внушаетъ ему одни понятія, товарищеская среда, съ ея «республиканскими» отношеніями, окрашенными

*) Я оставилъ еще въ сторонѣ тѣ случаи, когда отдѣльные наставники становятся къ ученикамъ въ «хорошія», полутоварищескія отношенія. Для учениковъ эти наставники приблизительно то же, что для пролетаріевъ—идеологи ихъ движенія, выходящіе изъ буржуазіи—своеобразная варіація товарищеской среды.

аристократизмомъ ума и силы—совсѣмъ другія, обрывки наукъ создаютъ зародыши третьихъ, и тоже разнородныхъ понятій, и т. д. Одни и тѣ же дѣйствія, имѣющія характеръ, положимъ, «непокорности» и «своеволія», семья опредѣляетъ какъ «грѣхъ» или нѣчто «неприличное», товарищеская среда — какъ проявленія доблести и молодечества; въ борьбѣ со школьными воспитателями эти дѣйствія оказываются рискованными и зачастую практически вредными актами самообороны или наступленія; а въ учебникахъ исторіи, даже насквозь одобренныхъ, въ высшей степени аналогичныя дѣянія прославляются въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ героическія. Естественно, что никакой единой и цѣльной точки зрѣнія на жизнь у юнаго существа не можетъ сложиться; а при большой силѣ положительнаго подбора психика весьма легко переходитъ отъ одного ряда ассоціацій къ другому, отъ одной точки зрѣнія къ другой, не стѣсняясь ихъ взаимнымъ противорѣчіемъ.

Подвергаясь за свою «продѣлку» жестокимъ репрессіямъ со стороны начальства, школьникъ съ тоской думаетъ: «какую глупость я сдѣлалъ»; и размышляя о жизни, совершенно невольно начинаетъ оцѣнку всякихъ человѣческихъ дѣйствій сводить къ категоріямъ «выгодно—не выгодно». Но вотъ его выпустили изъ карцера, товарищи выражаютъ ему свой восторгъ и уваженіе, онъ гордъ и доволенъ: «какой я молодецъ!» Предыдущія категоріи забыты, ихъ смѣняютъ новыя: «славное—постыдное». Дома — родительскія нотаціи, нѣжныя увѣщанія, упреки: «какой я злой, гадкій мальчишка!»—на сценѣ уже категоріи «нравственно — безнравственно». Каждая точка зрѣнія временно вытѣсняетъ другія, съ ней, разумѣется, несовмѣстимыя, и юный эклектикъ даже не ощущаетъ потребности свести ихъ къ высшему единству.

Этотъ легкомысленный эклектизмъ настолько типиченъ для подростковъ, что когда мы встрѣчаемъ уклоненія отъ него, то получаемъ впечатлѣніе чего-то ненормальнаго, неестественнаго. Бываютъ дѣти, которыя кажутся намъ «преждевременно-зрѣлыми»: въ ихъ сужденіяхъ «слишкомъ много» опредѣленности

и логики, въ ихъ дѣйствіяхъ «слишкомъ много» послѣдовательности. Причины въ громадномъ большинствѣ случаевъ однѣ и тѣ же, очень простыя и понятныя съ нашей точки зрѣнія. Не всѣ дѣти такъ «счастливы», чтобы быть жизнерадостными эклектиками. Нѣкоторымъ дѣтямъ приходится слишкомъ много страдать, вслѣдствіе ли болѣзненности, или вслѣдствіе неблагопріятной внѣшней обстановки. Отрицательный подборъ преобладаетъ надъ положительнымъ, и приноситъ съ собою, какъ мы уже не разъ видѣли, преобладаніе монистической тенденціи надъ эклектическою. Къ тому же и опытъ такихъ дѣтей бываетъ большею частью менѣе разносторонній,— въ немъ получаетъ перевѣсъ одна какая-нибудь сторона его, напр., у дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, та область переживаній, которая связана съ обязательнымъ трудомъ и матеріальными заботами. Такимъ образомъ и дѣйствующія силы психическаго развитія, и его матеріалъ гораздо менѣе благопріятны для выработки эклектическаго типа,—психикѣ навязывается самой жизнью та преждевременная сравнительная цѣльность, которая производитъ на насъ такое тяжелое впечатлѣніе. И оно не обманываетъ: въ этой цѣльности нѣтъ ничего хорошаго. Она неизбѣжно узка, потому что охватываетъ очень небольшой запасъ переживаній; а между тѣмъ, какъ всякая вполнѣ сложившаяся форма, она препятствуетъ выработкѣ новаго единства психики, которое соотвѣтствовало бы прогрессивно-расширяющемуся опыту; въ этомъ отношеніи неопредѣленность и незаконченность обычнаго эклектизма молодости гораздо цѣлесообразнѣе для развитія. Да и получается это узкое единство цѣною большихъ раннихъ страданій, громадной растраты энергіи въ томъ періодѣ жизни, когда энергія должна накопляться. Тутъ условія для дальнѣйшаго прогресса жизни сильно сужены, и путь къ maximum'у жизни затрудненъ.

Но вернемся къ нашему жизнерадостному юношѣ-эклектику. Окончивъ среднюю школу, онъ, положимъ, поступаетъ въ университетъ. Среда мѣняется, потокъ опыта сразу очень сильно расширяется, и притомъ въ различныхъ направле-

яхъ весьма неравномѣрно. Переживанія, связанныя съ «семьей», быстро отступаютъ на второй или даже третій планъ: юноша «эмансипируется» отъ семьи, чему обыкновенно способствуетъ въ сильной мѣрѣ и дальность разстоянія, почти обрывающая прямое общеніе. Напротивъ, товарищеская среда занимаетъ въ системѣ опыта несравненно большее мѣсто: количественно она становится гораздо шире, качественно — гораздо полнѣе, разнообразнѣе; въ ней масса движенія, жизни, отъ нея получается масса яркихъ и сильныхъ впечатлѣній. Въ то же время и «наука» поворачивается къ юношѣ другой своею стороной: изъ безпорядочной, безсвязной дрессировки она становится систематическимъ воспитаніемъ, расширеніемъ извѣстныхъ сторонъ его опыта и ихъ гармонизаціей. Война съ ближайшимъ начальствомъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ обострения, перестаетъ играть прежнюю роль въ жизни молодого человѣка; но расширенный опытъ приноситъ и болѣе широкія противорѣчія жизни, которыя болѣе чѣмъ заполняютъ мѣсто этого прежняго антагонизма: это противорѣчія соціально-переданнаго опыта экономическаго и политическаго. Наконецъ, нерѣдко молодой студентъ принужденъ собственной работой добывать себѣ средства къ жизни, и тогда онъ еще ближе и непосредственнѣе знакомится съ этими противорѣчіями, прямо или косвенно испытывая ихъ на себѣ самомъ.

Жизнь, въ цѣломъ, непосредственно интенсивнѣе чѣмъ прежде, интенсивнѣе и радости и страданія, организующая тенденція сильнѣе. Развертывающаяся половая жизнь съ ея рѣзкой аффекціональной окраской значительно увеличиваетъ напряженность психическаго подбора. Систематизація опыта идетъ быстрѣе и дальше; эклектизмъ не исчезаетъ, потому что положительный подборъ все-таки обыкновенно преобладаетъ надъ отрицательнымъ; но все-же для развитія въ сторону монизма условія оказываются благопріятнѣе. Матеріалъ опыта менѣе разрозненъ, въ немъ меньше пробѣловъ, глубоко раздѣляющихъ различныя области опыта; отрицательный подборъ глубже захватываетъ психику,—страданія юноши серьезнѣе и продол-

жительнѣе, чѣмъ страданія ребенка. Происходитъ настоящая «выработка міровоззрѣнія и жизненной программы».

Въ этой выработкѣ наибольшую роль играютъ, конечно, тѣ области переживаній, которыя въ наибольшей мѣрѣ заполняютъ сознаніе: то, что даетъ товарищеская среда, и то что даютъ общія соціальныя условія съ ихъ жизненными противорѣчіями. Систематизація этого матеріала образуетъ извѣстное радикально-демократическое міровоззрѣніе, сводящееся къ идеямъ свободы, равенства, отчасти—братства: товарищеская среда даетъ основное *положительное* содержаніе для тѣхъ тенденцій, выраженіемъ которыхъ служатъ эти идеи, противорѣчія соціальныхъ условій опредѣляютъ это содержаніе съ отрицательной стороны *). Передъ нами юноша, обладающій, повидимому, довольно стройной системой взглядовъ; что непосредственная активность воли должна быть довольно велика, за это ручается продолжающееся накопленіе энергіи въ молодомъ организмѣ; и хотя преобладаніе положительнаго подбора не допускаетъ *особенной* неуклонности и послѣдовательности въ проявленіяхъ воли, но все же извѣстное единство въ направленіи активности становится вполнѣ возможно, разъ психика въ цѣломъ организовалась достаточно стройно.

Въ тѣхъ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ мы теперь видимъ нашего героя, его высказыванія не обнаруживаютъ намъ никакого существенно-важнаго эклектизма. Двѣ главныя сферы опыта сведены къ извѣстнымъ объединяющимъ формамъ, третья сфера—наука—не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи съ этими формами, а только своей дисциплиной

*) Товарищеская среда въ самой своей организаціи до извѣстной степени осуществляетъ принципы свободы и равенства, а болѣе тѣсные товарищескіе кружки въ своихъ предѣлахъ—и принципъ братства. Противорѣчія общихъ соціальныхъ условій, напротивъ, тѣсно связаны въ опытѣ съ рѣзкими проявленіями несвободы, неравенства, борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Положительная аффекціональная окраска перваго ряда переживаній, и отрицательная — второго составляютъ общую психическую основу для активнаго идеализма жизни въ современныхъ его формахъ.

содѣйствуетъ ихъ отчетливой выработкѣ и налагаетъ на нихъ свой отпечатокъ. Но мы уже знаемъ, что эклектизмъ не можетъ быть принципіально устраненъ тамъ, гдѣ положительный подборъ выступаетъ на первый планъ, значительно перевѣшивая отрицательный. Положительный подборъ слишкомъ много *сохраняетъ*; то, что создано прошлымъ опытомъ, слишкомъ мало разрушается. Психика только кажется монистичной, потому что жизнь ея проявляется недостаточно разносторонне. Эклектизмъ остается—въ скрытой формѣ.

Тѣ спеціальныя формы мышленія и воли, которыя созданы семьей съ ея особыми отношеніями, отнюдь не исчезли, не умерли—онѣ только не обнаруживаются, пока нѣтъ для этого объективныхъ условій: онѣ страшно прочны, и нужно очень много борьбы и страданій, чтобы покончить съ ними,—гораздо больше, чѣмъ фактически достается на долю жизнерадостнаго юноши-студента. А между тѣмъ эти формы находятся въ глубокомъ жизненномъ противорѣчіи съ основами радикально-демократическаго міровоззрѣнія.

Молодой студентъ въ дѣлахъ любви стоитъ на точкѣ зрѣнія самой широкой свободы; онъ высказываетъ такіе взгляды и за себя лично зачастую проводитъ ихъ довольно послѣдовательно. Но вотъ его сестра пытается стать на ту же точку зрѣнія, и притомъ не теоретически, а практически—и что же? Нашъ герой начинаетъ вести себя въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Мы слышимъ отъ него заявленія и видимъ съ его стороны дѣйствія, какихъ мы могли бы ожидать развѣ только со стороны его почтеннаго родителя. Въ чемъ же дѣло? «Семейное» событіе вызвало на сцену «семейную» точку зрѣнія. Старыя ассоціаціи идей и стремленій, мирно дремавшія въ безразличномъ равновѣсіи, вновь вовлечены въ поле сознанія; и оказывается, что онѣ прекрасно сохранились; и энергія ихъ проявленія иногда бываетъ чрезвычайно велика.

Вліяніе семьи—въ данномъ случаѣ, мѣщанской семьи, проводящей въ психику своихъ дѣтей чисто мѣщанскія тенденціи—страшно глубоко, и по своей продолжительности, и по своей

интенсивности: оно охватываетъ немалое число лѣтъ, и дѣйствуетъ въ томъ возрастѣ, когда психика всего болѣе гибка и пластична, когда она еще только складывается. Вотъ почему въ юношѣ-радикалѣ такъ часто скрывается мѣщанинъ, которому нуженъ только случай, чтобы прорвать оболочку поверхностныхъ наслоеній прогрессивнаго идеализма.

Бываютъ, конечно, случаи, когда этотъ мѣщанинъ успѣваетъ въ достаточной степени отмереть; но эти случаи не типичны для радикальнаго юношества, выходящаго изъ буржуазіи. Тѣ молодые люди, которымъ въ эти годы приходится перенести особенно много труда и страданій, если психика ихъ обладаетъ достаточной жизненной устойчивостью, чтобы безъ большого ущерба перенести все это, достигаютъ гораздо большей цѣльности въ своемъ міровоззрѣніи, гораздо большей послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ; ибо отрицательный подборъ есть самый сильный факторъ монистическаго развитія. Но не эти случаи насъ теперь занимаютъ.

Возвращаемся къ нашему герою—тому, которому суждено «поумнѣть». Годы ученія кончились, онъ вступаетъ въ «жизнь», наприм., поступаетъ на службу гдѣ-нибудь въ провинціи, на службу частную или земскую, чтобы не связывать своей «свободы». И вотъ, матеріалъ опыта, доставляемый ему средою, рѣзко мѣняется: «товарищи» и «наука» перешли въ прошлое, пока еще недавнее, живое прошлое; онъ въ «мѣщанскомъ царствѣ». Въ чемъ же сущность происшедшаго измѣненія?

Товарищеская среда исчезла: ее смѣщаетъ среда обывательская; оффиціальная наука тоже осталась вдали: ее смѣняетъ «служба». Затѣмъ возникаютъ новыя семейныя отношенія, которыя отъ прежнихъ отличаются тѣмъ, что тутъ нашъ герой оказывается уже главой семьи, а не подчиненнымъ ея членомъ. Таково основное содержаніе новой фазы опыта, ея матеріалъ. Матеріалъ этотъ отличается сравнительно слабымъ разнообразіемъ и большимъ консерватизмомъ. Потокъ опыта движется здѣсь очень медленно, одни и тѣ же комплексы повторяются вновь и вновь—сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Они

сравнительно слабо затрагиваютъ психику, не приносятъ ей ни значительнаго повышенія энергіи, ни большихъ растратъ: аффекціональная жизнь понижена, психическій подборъ мало интенсивенъ.

Что же тогда получается? Тѣ психическія группировки, которыя сложились въ студенческіе годы и образовали изъ себя систему радикально-демократическаго міровоззрѣнія, не находятъ для себя поддержки въ новыхъ переживаніяхъ, все рѣже и рѣже ассоціативнымъ путемъ вызываются въ полѣ сознанія: что «напоминаетъ» человѣку въ обывательской средѣ о тѣхъ принципахъ, о тѣхъ идеалахъ, которые сложились въ его душѣ при совершенно противоположныхъ условіяхъ? Слишкомъ и слишкомъ немногое. Зато все окружающее то и дѣло возбуждаетъ иныя, старыя ассоціаціи, вновь и вновь вовлекаетъ въ психическое поле воспоминанія и стремленія, заложенныя въ дѣтствѣ семьей и примыкающею къ ней мѣщанской средой: «мѣщанинъ» неизбѣжно пробуждается въ нашемъ героѣ и мало-помалу поднимается во весь свой ростъ. Если бы этотъ «мѣщанинъ» создавался заново, то процессъ его развитія былъ бы долгій и сложный, полный противорѣчій, внутренней борьбы и страданій. Но здѣсь дѣло гораздо проще и легче: система ассоціацій, которая уже существовала, но долго оставалась внѣ сознанія, вовлекается въ его поле и все чаще и все дольше заполняетъ его собою.

А юношеское «міровоззрѣніе?» Нельзя сказать, чтобы оно быстро разрушалось: для этого была бы необходима болѣе интенсивная аффекціональная жизнь, чѣмъ та, которая въ данномъ случаѣ имѣется: при слабомъ психическомъ подборѣ на разрушеніе сложившихся формъ требуется много времени. «Міровоззрѣніе» сохраняется довольно долго, отмирая лишь постепенно, въ силу своей несовмѣстимости съ усиливающимися «обывательскими» формами психической жизни. Но оно, поскольку и сохраняется, остается почти все время за порогомъ сознанія, какъ въ предыдущій періодъ жизни за порогомъ сознанія сохранялась «мѣщанская» система ассоціацій. Разница

впрочемъ, та, что эта система была и за время скрытаго существованія гораздо прочнѣе, коренилась въ психикѣ гораздо глубже, чѣмъ временно оттѣснявшее ее «міровоззрѣніе».

И здѣсь, какъ мы это видѣли въ предыдущей фазѣ, время отъ времени «скрытое» проявляется. Обыкновенно, оно проявляется не въ видѣ активныхъ, послѣдовательныхъ воздѣйствій, направленныхъ къ измѣненію среды,—въ обывательскомъ мірѣ такія воздѣйствія требовали бы слишкомъ большихъ затратъ энергіи,—а въ видѣ словесныхъ высказываній, выступающихъ тогда, когда что-нибудь «напомнитъ» объ идеалахъ юности. Это бываетъ, напр., при встрѣчахъ и разговорахъ со старыми товарищами. Въ подобныхъ случаяхъ посторонній наблюдатель большей частью думаетъ: «не только ренегатъ, но еще фразеръ». Такая точка зрѣнія, какъ видимъ, не вполнѣ справедлива: сознательной лжи тутъ чаще всего нѣтъ, а есть только временное вступленіе старыхъ ассоціацій въ поле сознанія, и эклектизмъ обывателя, смѣняющій собою эклектизмъ юноши.

Бываютъ, однако, случаи, когда съ выходомъ изъ товарищеской среды далеко не сразу наступаетъ мирное и безцвѣтное существованіе. Человѣкъ, напр., рѣзко сталкивается съ обывательской средою, и получаетъ отъ нея массу страданій, которыхъ не выдерживаетъ «лучшая», но менѣе прочная сторона его психики; тогда интенсивный отрицательный подборъ быстро разрушаетъ «гражданина», оставляя мѣсто обывателю, и «измѣна» совершается sans phrases. То же самое получается и тогда, когда въ обывательскую жизнь нашего героя вторгаются прежніе товарищи, и, предъявляя ему непосильныя уже требованія, противорѣчащія всѣмъ его теперешнимъ привычкамъ и склонностямъ, приводятъ къ рѣзкому конфликту, къ острой конкурренціи двѣ стороны его психики, которыя до сихъ поръ мирно уживались, почти не встрѣчаясь въ полѣ сознанія.

Мы не пойдемъ дальше за нашимъ героемъ въ процессѣ выработки изъ него «чистаго» обывателя, типа благодушно-веселаго, полнаго мелочной активности—при «благополучной»

судьбѣ и преобладаніи положительнаго подбора, или же типа раздражительно-мнительнаго, съ наклонностью къ навязчивымъ ипохондрическимъ идеямъ—при «неудачной» жизненной карьерѣ и преобладаніи отрицательнаго подбора.—Мы думаемъ, что приведенныхъ иллюстрацій достаточно, чтобы показать, *какъ* можетъ примѣняться идея психическаго подбора въ вопросѣ о выработкѣ психическихъ типовъ. Перейдемъ къ другимъ ея возможнымъ примѣненіямъ.

VIII.

Теперь мы возьмемъ двѣ-три иллюстраціи къ нашему методу изъ области тѣхъ случаевъ, когда одна психика воздѣйствуетъ на другую, стремясь вызвать въ ней тѣ или другія опредѣленныя измѣненія — когда одинъ человѣкъ «воспитываетъ другого, «награждаетъ» его, «наказываетъ», исправляетъ» и т. д. Это, какъ мы указали выше, *пограничные* вопросы психологіи съ соціологіей, которые для изслѣдованія удобнѣе отнести именно къ психологіи, потому что здѣсь можетъ еще примѣняться спеціально-психологическій методъ *).

Мимоходомъ мы уже отмѣчали, что всѣ такіе способы воздѣйствія въ своей основѣ представляютъ безсознательное примѣненіе все того же принципа психическаго подбора. «Воздѣйствующій» стремится въ психикѣ другого подорвать и ос-

*) Было бы естественно въ ряду этихъ иллюстрацій на первомъ мѣстѣ поставить психологію *подражанія*, какъ факта, имѣющаго основное значеніе для психическаго общенія людей. Но съ точки зрѣнія вопроса о психическомъ подборѣ примѣръ этотъ является менѣе интереснымъ, чѣмъ другіе—анализъ процессовъ подражанія показываетъ, что по существу они сводятся всецѣло къ ассоціаціи по смежности и явленіямъ «привыканія», которыя уже были разсмотрѣны нами; къ тому же намъ не хотѣлось бы лишній разъ повторяться—вопросъ о подражаніи мы разбирали въ прежней своей работѣ: «Познаніе съ исторической точки зрѣнія» (стр. 109—118).

лабить одни комплексы, создавая прямую ассоціативную связь между ними и комплексами «непріятными»,—условіе для отрицательнаго подбора, — усилить и упрочить другіе, вызывая ассоціацію ихъ съ «пріятными» комплексами—условіе положительнаго подбора: такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о «наградѣ» и «наказаніи», или когда одинъ человѣкъ «убѣждаетъ» другого, апеллируя къ его выгодѣ и невыгодѣ, все равно, «матеріальной» или «духовной», даже «нравственной». Иногда методъ бываетъ нѣсколько иной—чужую психику «пріучаютъ» къ чему либо, систематически вызывая къ ней своимъ воздѣйствіемъ повтореніе опредѣленнаго комплекса, дѣлая этотъ послѣдній «привычнымъ»; но мы уже знаемъ, что «привыканіе» само сводится къ накопляющемуся дѣйствію психическаго подбора.—И мы не станемъ разбирать эти способы воздѣйствія «вообще», а остановимся на ихъ частныхъ особенностяхъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія *критики* этихъ способовъ на почвѣ идеи психическаго подбора.

Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда наказанія, награды, «пріучиванье» и т. д., несмотря на энергичное и систематическое ихъ примѣненіе, не приводятъ къ тѣмъ результатамъ, которые при этомъ примѣненіи имѣлись въ виду, а приводятъ къ инымъ, иногда неожиданнымъ, и во всякомъ случаѣ нежелательнымъ съ точки зрѣнія «воздѣйствующаго. Какимъ образомъ нашъ принципъ можетъ послужить къ объясненію такихъ случаевъ, а слѣдовательно — при достаточныхъ данныхъ—и къ научному ихъ предвидѣнію?

Всякое «наказаніе» имѣетъ въ виду создать въ психикѣ лица, подвергаемаго наказанію, тѣсную ассоціацію между извѣстнымъ «нежелательнымъ» для наказывающаго комплексомъ и другимъ—комплексомъ интенсивно «непріятнымъ». Этимъ путемъ добиваются того, чтобы и первый комплексъ пріобрѣлъ, какъ часть данной ассоціаціи, отрицательный аффекціоналъ, и былъ устраненъ путемъ отрицательнаго подбора. Здѣсь уже сразу очевидно, что желательный результатъ можетъ не полу-

читься прежде всего потому, что отрицательный подборъ не всесиленъ, что его дѣйствіе имѣетъ свои границы въ его объективныхъ условіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, совершенно нельзя себѣ представить, чтобы путемъ какихъ угодно энергическихъ наказаній удалось отучить человѣка отъ удовлетворенія, положимъ, его основныхъ потребностей, вновь и вновь возникающихъ изъ циклическихъ процессовъ обмѣна энергіи между его организмомъ и средой: тутъ возможно достигнуть развѣ только разрушенія психики. Да и вообще прочность и устойчивость той или иной психической формы можетъ быть такъ велика, что устранить ее невозможно при помощи той системы наказаній, какая имѣется въ распоряженіи наказывающаго, или даже при помощи какой бы то ни было системы наказаній. При этомъ, конечно громадное значеніе имѣетъ и положительный аффекціоналъ устраняемаго комплекса, и степень его «привычности», и широта ассоціативныхъ связей, сплетающихъ его съ остальною психикой. Никакими наказаніями невозможно подорвать въ психикѣ искренно-вѣрующаго его убѣжденіе, что есть Богъ, или въ психикѣ истиннаго идеалиста — его стремленіе осуществлять свой идеалъ.

Изъ этого ясно, что наказанія могутъ не приводить къ предполагаемымъ результатамъ. Но какимъ образомъ иногда приводятъ они къ другимъ результатамъ, напр. прямо противоположнымъ?

Тутъ надо имѣть въ виду, что самое явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, гораздо сложнѣе, чѣмъ оно представляется нашему воздѣйствующему традиціонными мѣрами «педагогу». Ассоціируются между собою всѣ тѣ комплексы, которые одновременно наполняютъ поле сознанія, и, слѣдовательно, ассоціація создается не только между представленіемъ о наказаніи и представленіемъ о томъ, за что наказываютъ. Въ ассоціацію неизбѣжно входитъ еще образъ самого «педагога», а зачастую также—представленіе о тѣхъ мотивахъ, которые имъ руководятъ, о тѣхъ задачахъ. которыя преслѣдуетъ данная его дѣя-

тельность и т. д. Вотъ изъ этой-то ассоціативной связи и могутъ проистечь, при опредѣленныхъ условіяхъ, всѣ «нежелательныя» послѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ, «непріятный» образъ не только ослабляется отрицательнымъ подборомъ, но, какъ и другіе психическіе комплексы, влечетъ за собою извѣстные *волевые комплексы;* и психическій подборъ стремится создать именно такую комбинацію, чтобы волевой актъ былъ *цѣлесообразнымъ приспособленіемъ*, чтобы онъ устранялъ самыя условія, которыя вызываютъ данный непріятный образъ. Такимъ образомъ, напр., у некультурныхъ людей со стихійно-порывистой волей актъ законнаго «наказанія» можетъ повлечь за собою волевыя реакціи, просто и прямо останавливающія этотъ актъ: сопротивленіе наказывающему, убійство его и т. под. При извѣстныхъ условіяхъ точно также реагируетъ и самая культурная, самая высоко-организованная, самая «благородная» психика.

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны всѣ тѣ случаи, когда наказаніе, еще не успѣвши вызвать тѣхъ послѣдствій въ смыслѣ отрицательнаго подбора, которыя оно имѣло въ виду, уже вызываетъ энергичную борьбу противъ наказывающаго. Но такъ какъ въ возникающую тутъ ассоціацію входятъ еще иные комплексы, то результатъ можетъ быть еще сложнѣе. Человѣкъ, положимъ, тѣсно связываетъ представленіе о причиненныхъ ему страданіяхъ съ представленіемъ о тѣхъ идеяхъ, о тѣхъ, напр., взглядахъ на «нравственность», которыми руководился его мучитель, и начинаетъ энергичную борьбу противъ этихъ самыхъ идей. Или, положимъ, онъ причинно связываетъ представленіе о наказаніи съ представленіемъ о *правѣ* (въ объективномъ смыслѣ) другого человѣка примѣнять къ нему такой способъ воздѣйствія. Тогда на сцену выступаетъ борьба противъ соотвѣтственныхъ правовыхъ институтовъ. Во всякой освободительной политической борьбѣ приходится видѣть массу случаевъ, когда кары за политическія преступленія превращаютъ въ настоящихъ, профессіональныхъ революціонеровъ

какихъ людей, которые лишь сравнительно случайно навлекли на себя эти кары.

При этомъ надо имѣть въ виду еще вотъ что. Тяжелыя наказанія, особенно когда они продолжительны, могутъ существенно измѣнить въ жизни даннаго лица взаимное отношеніе положительнаго и отрицательнаго психическаго подбора—очевидно, въ пользу послѣдняго, и тогда можетъ измѣниться и самый типъ психическаго развитія. Этимъ путемъ изъ «эллина» иногда создается суровый «іудей», изъ «добраго малаго»—мрачный фанатикъ. Понятно, насколько печаленъ такой результатъ съ точки зрѣнія карающаго: этотъ послѣдній, вмѣсто противника съ волей сравнительно мало устойчивой, разбрасывающейся или даже колеблющейся, получаетъ врага, страшнаго своимъ «упорствомъ», «ожесточенностью», точнѣе—своей монистической непреклонностью. И это относится, конечно, не только къ политическимъ борцамъ: на другомъ полюсѣ общественной жизни, въ мірѣ «уголовныхъ преступниковъ», каторга и долгая тюрьма вырабатываютъ иногда замѣчательно-цѣлостные типы, съ весьма стройнымъ и законченнымъ антисоціальнымъ міровоззрѣніемъ и величайшей послѣдовательностью въ борьбѣ за узко-личныя, анти-соціальныя цѣли.

Въ сущности, сколько-нибудь надежные результаты методъ «наказанія» даетъ только по отношенію къ тѣмъ типамъ психическаго развитія, которые мы обозначили какъ «филистерскіе». Тутъ, въ силу сравнительной неустойчивости сложившихся психическихъ формъ, хотя бы даже очень «привычныхъ», съ большой вѣроятностью можно разсчитывать на разрушеніе «нежелательной» комбинаціи; а слабость творческой дѣятельности психики ручается за то, что не создадутся и не разовьются вмѣсто нея, другія, еще болѣе «нежелательныя» комбинаціи; тамъ, гдѣ дѣло идетъ о психикѣ болѣе благороднаго типа, всего скорѣе можно ожидать результатовъ именно послѣдняго рода. Но и въ психикѣ «филистера» наказаніе не можетъ создать чего-либо особеннаго прочнаго и надежнаго, потому что все въ ней непрочно и ненадежно, благодаря ея общей

дряблости. И нерѣдко даже здѣсь объективный результатъ причиненныхъ страданій сводится къ нулю: отрицательный подборъ устраняетъ изъ сознанія, главнымъ образомъ, «непріятное воспоминаніе» о понесенной карѣ, человѣкъ «не думаетъ» о наказаніи, «старается забыть» о немъ, продолжая предаваться «нежелательнымъ», но «пріятнымъ» привычкамъ, которыя поддерживаетъ положительный подборъ.

Всѣ изложенныя соображенія даютъ намъ достаточную основу для принципіальной критики «наказанія», какъ воспитательнаго метода вообще, а также для критики конкретныхъ формъ наказанія. Какъ видимъ, прежде всего, это ненадежный методъ даже съ точки зрѣнія своей непосредственной цѣли: слишкомъ часто результаты получаются совсѣмъ не тѣ, какіе имѣлись въ виду, или даже прямо противоположные. Правда, знакомство съ психическимъ типомъ «исправляемаго», при достаточно ясномъ пониманіи принципа психической причинности, —т.-е. именно психическаго подбора,—позволило бы заранѣе предвидѣть эти случаи, заранѣе сознать непримѣнимость въ нихъ даннаго метода. Но изъ предыдущаго ясно, что эта непримѣнимость относится именно къ наиболѣе благороднымъ типамъ человѣческой психики, съ наибольшей интенсивностью и полнотой жизни; и если культура будетъ прогрессивно облагораживать человѣчество, устраняя низшіе типы психическаго развитія, то область, въ которой «наказаніе» не является безусловно вреднымъ методомъ воспитанія, должна прогрессивно суживаться.

Но даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ данный методъ «исправленія» обладаетъ нѣкоторой грубой, непосредственной цѣлесообразностью, даже въ тѣхъ случаяхъ надо не упускать изъ виду реальной *сложности* его результатовъ, массы побочныхъ эффектовъ, которые онъ приноситъ, и которые могутъ составить отрицательную величину, далеко превосходящую его положительное значеніе. Въ психикѣ объекта кары создается не только та ассоціація, которая «желательна» карающему, и которая по его расчету должна придать окраску страданія «не-

желательной» психической формѣ; возникаютъ еще другія ассоціаціи. Представленіе о перенесенныхъ страданіяхъ неразрывно связывается съ представленіемъ о томъ лицѣ, которое ихъ причинило, этимъ подрывается *соціальная связь* между той и другой стороною, связь, основанная именно на положительномъ аффекціоналѣ, которымъ обладаетъ представленіе объ одномъ человѣкѣ въ психикѣ другого: когда люди становятся «непріятными» одинъ другому, то перевѣсъ получаютъ такія реакціи, которыя ихъ взаимно раздѣляютъ и отдаляютъ. При этомъ все больше уменьшается самая возможность цѣлесообразнаго «воздѣйствія» на то лицо, которое имѣется въ виду «исправлять», т.-е. данная система сама устраняетъ тогда условія своей примѣнимости.

По самой сущности дѣла, цѣль «наказанія» достигается лишь цѣною растраты энергіи «исправляемой» психики. Это, конечно, не было бы принципіальнымъ недостаткомъ даннаго метода, если бы вся растрата энергіи совершалась именно за счетъ той психической формы, которая «нежелательна», которую имѣется въ виду ослабить или устранить. Но въ дѣйствительности причиняемое страданіе захватываетъ всегда не только одну опредѣленную психическую комбинацію, но въ каждый данный моментъ цѣлое поле сознанія, а въ общей суммѣ цѣлый рядъ различныхъ полей сознанія, черезъ которыя проходитъ множество иныхъ психическихъ комплексовъ, кромѣ комплекса, подлежащаго искорененію. Такимъ образомъ разрушительная работа идетъ гораздо шире и дальше, чѣмъ требуетъ та цѣль, ради которой она предпринимается.

Очень часто наказаніе разсматривается не столько, какъ способъ непосредственнаго исправленія «виновнаго», сколько, какъ способъ «устрашенія» другихъ, пока еще не виновныхъ, но способныхъ при случаѣ стать таковыми. Въ психикѣ *всѣхъ* членовъ общества этимъ путемъ создается та же ассоціативная связь между «нежелательнымъ» и «непріятнымъ»; только «непріятное» выступаетъ здѣсь въ менѣе живой и конкретной формѣ, съ меньшей, слѣдовательно, интенсивностью .Въ сущ-

ности, это не что иное какъ распространеніе акта «наказанія» на все общество, со значительнымъ соотвѣтственнымъ пониженіемъ степени наказанія: вмѣсто реальной боли—устрашающая ассоціація образовъ, мучительная для каждаго изъ членовъ общества тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ психика его впечатлительнѣе, и чѣмъ она соціальнѣе.

Съ этой точки зрѣнія принципіальные недостатки даннаго метода не менѣе, если еще не болѣе значительны, чѣмъ съ «исправительной» точки зрѣнія. Прежде всего, очевидно, что здѣсь нарушается экономическій принципъ жизни: «устрашающему» воздѣйствію подвергаются не отдѣльныя лица, для обузданія которыхъ оно требуется, а и масса другихъ—зачастую цѣлые милліоны,—которыхъ «устрашать», собственно, было незачѣмъ. Конечно, отдѣльная «устрашающая» ассоціація образовъ въ той или иной психикѣ представляетъ лишь незначительную величину отрицательнаго характера; но все-же это минусъ, а не плюсъ; и когда жизнь переполняется подобными ассоціаціями, то становится вполнѣ ясно, насколько искажаютъ онѣ образъ и подобіе человѣческаго развитія.

Къ тому же и непосредственная цѣлесообразность устраненія сравнительно невелика. Оно можетъ удержать отъ «нежелательныхъ» дѣйствій развѣ только тѣхъ, у кого влеченіе къ этимъ дѣйствіямъ и безъ того довольно слабое; тамъ, гдѣ для такихъ дѣйствій имѣются сильные и глубокіе мотивы, тамъ «устрашающая» ассоціація образовъ оказывается большей частью слишкомъ недостаточнымъ средствомъ.

Существуетъ еще одна точка зрѣнія въ вопросѣ о наказаніи: оно разсматривается, какъ возстановленіе нарушенной абсолютной справедливости, какъ «естественное» право преступника и «обязанность» общества по отношенію къ нему, и т. п. Но очевидно, что эта точка зрѣнія не можетъ дать ровно ничего для психологической критики принципа «наказанія», для выясненія его реальнаго жизненнаго значенія. Это все, что здѣсь можно о ней сказать.

Констатируя коренные недостатки самаго принципа «нака-

занія», наша критика отнюдь не даетъ основаній отрицать его *историческую* необходимость и *относительную* соціальную полезность при тѣхъ или иныхъ конкретныхъ условіяхъ. Но она даетъ основанія утверждать, что *прогрессивное развитіе условій человѣческой жизни должно вести къ ограниченію и исключенію принципа «наказанія» изъ сферы воздѣйствія человѣка на человѣка.*

Всякая конкретная форма наказанія подлежитъ особой критикѣ въ смыслѣ своей спеціальной цѣлесообразности; и здѣсь идея психическаго подбора позволяетъ, въ значительной мѣрѣ предусматривать заранѣе размѣры и характеръ дѣйствительнаго вліянія данной формы «наказанія» на психическое развитіе человѣка. Въ видѣ иллюстраціи, мы остановимся на одномъ, весьма распространенномъ методѣ «исправленія» преступниковъ насчитывающемъ много сторонниковъ между криминалистами —на продолжительномъ одиночномъ заключеніи.

Сущность этого метода заключается въ томъ, что къ лишенію свободы присоединяютъ еще другой источникъ страданій— прерываютъ всякое живое общеніе даннаго лица съ другими людьми, отнимаютъ у него привычныя соціально-обусловленныя впечатлѣнія. Въ результатѣ получается настолько высокій отрицательный аффекціоналъ, что лишь немногія сильныя натуры могутъ вообще выдержать нѣсколько лѣтъ такого «исправленія»,—а на людей среднихъ уже нѣсколько мѣсяцевъ налагаютъ рѣзкій отпечатокъ общаго пониженія жизни. Въ полуцивилизованныхъ странахъ, гдѣ физическія пытки формально уже отмѣнены, а свобода личности все еще разсматривается, какъ нѣкоторая quantité négligeable, одиночное заключеніе считается прекрасной замѣной пытки на предварительномъ слѣдствіи, особенно по политическимъ преступленіямъ.

Въ этомъ смыслѣ, непосредственную цѣлесообразность метода слѣдуетъ считать, несомнѣнно, довольно значительной: разрушеніе психики, общій упадокъ жизненной энергіи, а съ нею и сопротивленія всякимъ внѣшнимъ, напр., слѣдовательскимъ воздѣйствіямъ, достигаются обыкновенно въ довольно высокой

степени, что ярко сказывается и въ громадномъ процентѣ психическихъ заболѣваній среди одиночно-заключенныхъ. Но съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было положительныхъ результатовъ метода картина представляется совершенно иная.

Все, что вырабатывается психическимъ подборомъ, вырабатывается изъ матеріала непосредственныхъ, первичныхъ переживаній, и въ нихъ находитъ свою границу. Это тѣ переживанія въ которыхъ выражается прямое, ближайшее отношеніе психической системы къ ея средѣ. Лишеніе свободы сводитъ ихъ и количественно и качественно къ minimum'у, ограничивая всю область доступной воспріятію внѣшней среды ничтожнымъ пространствомъ тюремнаго заключенія и его безжизненно-однообразной обстановкой. Система одиночнаго заключенія находитъ, однако, и этотъ minimum еще слишкомъ большимъ, и считаетъ необходимымъ дальнѣйшее ограниченіе притока живыхъ воспріятій—у человѣка отнимаютъ все, что могли бы дать ему путемъ общенія другіе люди, товарищи по судьбѣ и низшіе представители власти.—Правда, при этомъ не исключается обыкновенно возможность работать, а также читать; но простая, механическая работа, какая только совмѣстима въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ условіями одиночнаго заключенія, черезъ самое короткое время перестаетъ быть источникомъ *новыхъ* впечатлѣній,—а чтеніе, дающее блѣдно-абстрактные образы при посредствѣ словъ, никогда не можетъ сколько-нибудь замѣнить яркихъ переживаній «настоящей» жизни.

При чемъ же остается «исправляемый»? Да очевидно—при своемъ *прошломъ*.

Настоящаго тутъ нѣтъ у человѣка—*почти* нѣтъ, потому что оно слишкомъ ничтожно по своему положительному содержанію. И если психика недюжинно-сильна, если ненормальныя условія жизни не приводятъ къ ея прогрессивному упадку и разложенію, то не трудно предугадать, въ какомъ смыслѣ и направленіи будетъ совершаться ея развитіе. Рѣзкое преобладаніе отрицательнаго подбора—жизнь, полная страданій,—обусловливаетъ особенную силу и интенсивность *монистической*

тенденціи. Происходитъ строжайшая систематизація психическаго содержанія вокругъ одной опредѣленной организующей идеи, связанной съ однимъ опредѣленнымъ направленіемъ воли. Складывается психика цѣльная и неуклонная, вырабатывается «желѣзный» человѣкъ, если не «іудей», то «фанатикъ» или, во всякомъ случаѣ, существо не знающее колебанія и пощады въ жизненной борьбѣ.

Между тѣмъ, матеріаломъ для такой систематизаціи служитъ то самое жизненное содержаніе, которое раньше привело человѣка къ конфликту съ общественной властью. Можно, слѣдовательно, съ большой вѣроятностью ожидать, что и тѣ итоги которые подведетъ психическій подборъ въ одиночномъ заключеніи, сведутся къ идеѣ, которая будетъ глубоко враждебна общественной власти; а *если* власть эта въ данное время является дѣйствительнымъ органомъ и выраженіемъ воли общества, то руководящая идея, вырабатываемая въ «преступникѣ» при данныхъ условіяхъ, будетъ и глубоко анти-соціальна. И нетрудно видѣть, что небогатый жизненный матеріалъ, который само по себѣ даетъ одиночное заключеніе, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ такой идеей, какъ нельзя лучше укладывается въ ея рамки: вѣдь основное его содержаніе составляетъ враждебныя и мучительныя воздѣйствія общественной власти на личность «преступника».

Такимъ образомъ даются всѣ условія для той—обыкновенно узкой и односторонней—цѣльности, которая такъ поражаетъ насъ нерѣдко въ людяхъ, «благополучно» перенесшихъ долгое одиночное заключеніе. Рядовой человѣкъ оппозиціи превращается въ суроваго и грознаго политическаго борца, отдающаго всю жизнь на служеніе одной идеѣ. Обыкновенный уголовный преступникъ становится страшнымъ и жестокимъ «врагомъ общества». Это, конечно, не то, къ чему стремится данная система «исправленія».—Но въ сущности, она и вообще то къ какому бы то ни было «исправленію» стремится только въ головахъ ученыхъ криминалистовъ, реально же она стремится совсѣмъ къ другому—разбить и ослабить психику «ис-

правляемаго», такъ, чтобы онъ, по недостатку силъ, не могъ быть особенно вреденъ; и въ *большинствѣ* случаевъ это достигается, въ меньшинствѣ—достигается то, что мы сейчасъ описали.—Задача изслѣдователя, стоящаго на нашей точкѣ зрѣнія, будетъ заключаться въ томъ, чтобы отчетливо констатировать въ подобныхъ случаяхъ факты, какъ они есть; ихъ критика уже дана въ нихъ самихъ, разъ извѣстна основная закономѣрность ихъ вліянія на психическую жизнь.

Тѣ же соображенія, какія мы высказали по поводу одиночнаго заключенія, относятся, съ незначительными оговорками и измѣненіями, ко всякому продолжительному и суровому лишенію свободы. Типы героевъ и вождей каторги, съ ихъ поражающей «преступной» цѣльностью, могутъ служить хорошей иллюстраціей нашей мысли.

Само собой разумѣется, что какъ принципіальные, такъ и частные недостатки того метода психическаго воздѣйствія на людей, который основанъ на «наказаніи», объективно уменьшаются по мѣрѣ смягченія конкретныхъ формъ наказанія, напр., отъ физическаго искалѣченія къ лишенію свободы, отъ лишенія свободы къ общественному порицанію. Но совершенно они никогда не устраняются, пока сохраняется самый методъ. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ объ иномъ методѣ преобразованія человѣческой души, болѣе «экономичномъ» въ смыслѣ затратъ энергіи, а въ то же время прямѣе ведущемъ къ цѣли *).

Чтобы не затягивать изложенія новыми и новыми иллю-

---

*) Съ довольно родственной точки зрѣнія Г. Зиммель въ своей «Einleitung in die Moralwissenschaft» подвергаетъ принципіальной критикѣ психическій аффектъ «раскаянія». «Раскаяніе» есть своеобразное болѣзненное состояніе психики, сводящееся къ длительной фиксаціи въ полѣ сознанія «грѣховныхъ» или «преступныхъ» комплексовъ въ окраскѣ сильнаго отрицательнаго аффекціонала. Исторически, высокая склонность къ «раскаянію» была развита въ человѣчествѣ именно долгимъ воспитаніемъ его при помощи системы «наказаній», и есть, такъ сказать, ея «субъективное отраженіе».

страці ми нашего метода, мы не будемъ останавливаться на принципѣ «награды», естественно дополняющемъ собою принципъ «наказанія». Здѣсь основной недостатокъ тотъ же: кромѣ «желательной» ассоціаціи психическихъ образовъ, психикѣ навязывается еще цѣлый рядъ иныхъ, большей частью вовсе не «желательныхъ»; но такъ какъ это достигается путемъ положительнаго, а не отрицательнаго подбора, то избѣгается другой коренной недостатокъ, свойственный принципу «наказанія»—чрезмѣрная растрата энергіи психической системы... **).

Заканчивая свой рядъ иллюстрацій, мы остановимся на одной группѣ явленій, играющей громадную роль въ процессахъ психической жизни и психическаго развитія — на явленіяхъ *труда*.

IX.

есть сознательно-цѣлесообразная дѣятельность. Это общепринятое опредѣленіе мы сдѣлаемъ исходной точкой нашего—по необходимости бѣглаго—анализа.

Слово «дѣятельность» въ этомъ опредѣленіи выражаетъ волевой или, что, какъ мы видѣли, есть то же самое, *иннерваціонный* характеръ трудовыхъ комплексовъ. Иннервація пред-

**) Мы оставляемъ въ сторонѣ цѣлый рядъ еще иныхъ способовъ воздѣйствія человѣка на человѣка, какъ «пріучиваніе», «внушеніе» безъ гипноза и съ гипнозомъ, и т. д. Этого требуютъ рамки нашей статьи. Но если читатель попробуетъ самъ приложить къ этимъ явленіямъ пріемы, основанные на идеѣ психическаго подбора, то, какъ намъ кажется, онъ можетъ легко убѣдиться, что идея эта нигдѣ не встрѣчаетъ дѣйствительныхъ противорѣчій, и даетъ живое освѣщеніе самымъ разнообразнымъ фактамъ изъ этихъ, какъ и изъ другихъ областей психическаго опыта.

Психо-патологія — такое же законное поле примѣненія идеи психическаго подбора, какъ «нормальная» психологія. Данныя той и другой одинаково должны дать матеріалъ для научно-организованныхъ практическихъ примѣненій этой идеи.

ставляетъ изъ себя затрату энергіи психической системы. Такимъ образомъ трудъ, какъ дѣятельность, есть затрата энергіи, а затрата энергіи соотвѣтствуетъ отрицательному аффекціоналу психическаго комплекса. Значитъ ли это, что трудъ всегда «непріятенъ»?

Такъ было бы, если бы иннерваціонный комплексъ всецѣло, безъ остатка заполнялъ собою поле сознанія. Но въ этомъ полѣ, кромѣ него, всегда имѣются другіе комплексы: во-1), представленіе цѣли труда, почти всегда съ положительной, «пріятной» окраской, во-2), различныя ощущенія и воспріятія, получаемыя при процессѣ труда отъ внѣшней среды, а также ассоціированныя съ ними представленія, и т. д. Всѣ эти сопутствующіе комплексы могутъ обладать настолько высокимъ положительнымъ аффекціоналомъ, что все поле сознанія пріобрѣтаетъ нерѣдко характеристику «пріятнаго»: трудъ тогда становится «наслажденіемъ». — Но если сопутствующіе комплексы «безразличны», т. е. въ совокупности обладаютъ ничтожнымъ аффекціоналомъ, то сразу обнаруживается, что трудъ, какъ таковой, какъ затрата энергіи, обладаетъ окраской «страданія». Недаромъ во многихъ языкахъ понятія «труда» и «страданія» настолько близки между собою, что выражаются словами одного корня, или даже однимъ и тѣмъ же словомъ.

Тутъ, впрочемъ, есть еще одно, для насъ очень важное, осложняющее обстоятельство. При процессѣ труда затрата энергіи въ значительной—если не въ большей — своей части совершается за счетъ «внѣ-сознательныхъ» координацій, за предѣлами сознанія. «Главная координація» лишь нѣкоторой долей участвуетъ въ общей затратѣ энергіи системы, — это становится очевиднымъ, если мы будетъ разсматривать процессъ труда съ физіологической его стороны. «Центрами сознанія» являются, насколько можно судить, только «высшіе» центры нервной системы, «низшіе» же—спинно-мозговые, гангліозные, субкортикальные,—всѣ или отчасти,—служатъ центрами «безсознательныхъ реакцій». Намъ нѣтъ надобности повторять, что съ эмпиріомонистической точки зрѣнія, тутъ не можетъ

быть и рѣчи объ абсолютно-безсознательномъ, что дѣло сводится къ нѣкоторой реальной *отдѣльности* низшихъ ассоціативныхъ координацій отъ главной. Для насъ важно то, что при трудовыхъ процессахъ низшіе центры нервной системы являются ближайшимъ источникомъ той иннервації, которая приводитъ въ движеніе мускульный аппаратъ. Высшіе центры въ сферѣ «произвольныхъ» дѣйствій играютъ по отношенію къ низшимъ двигательнымъ центрамъ роль, приблизительно, разряжающей ихъ гальванической батареи, — даютъ толчекъ, ведущій къ освобожденію потенціальной энергіи послѣднихъ.

Можно поэтому съ полнымъ основаніемъ принимать, что бо́льшая часть трудовыхъ затратъ энергіи выполняется не за счетъ главной координаціи переживаній, и что поле сознанія окрашивается отрицательнымъ аффекціоналомъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ это было бы, если бы вся сумма происходящей иннервації «сознавалась» *). Понятно, что такой, относительно слабый, отрицательный аффекціоналъ сравнительно часто можетъ перевѣшиваться положительнымъ аффекціоналомъ сопутствующихъ переживаній, и трудъ тогда является «пріятнымъ». Однако до сихъ поръ въ исторіи человѣчества это отнюдь не наиболѣе частый случай.

Какъ было уже упомянуто, трудъ не есть просто иннервація, его необходимый моментъ составляетъ *сознаніе цѣли*.— Анализировать понятіе цѣли, излагать генезисъ реальной телеологіи жизни мы здѣсь не станемъ, такъ какъ это много разъ дѣлалось другими, и представляетъ вещи достаточно извѣстныя. Для нашей задачи существенно вотъ что. «Цѣль» есть комплексъ-образъ, который съ большей или меньшей степенью ясности и полноты сопутствуетъ всѣмъ волевымъ комплексамъ, входящимъ въ данный процессъ труда. Это—«пред-

*) Этимъ фактическимъ преобладаніемъ «внѣ-сознательной» иннервації объясняется, какъ мы полагаемъ, въ значительной мѣрѣ и то обстоятельство, что вопросъ о самомъ существованіи «иннервационныхъ ощущеній» такъ долго оставался нерѣшеннымъ, и даже, до весьма недавняго времени, чаще рѣшался отрицательно.

ставленіе», а не «воспріятіе», т. е. образъ, не находящійся въ непосредственномъ соотношеніи съ какими-нибудь воздѣйствіями среды, которыя бы въ немъ ближайшимъ образомъ «отражались» и прямо его «вызывали» въ психическомъ полѣ, а *косвенное* и *производное* отраженіе такихъ воздѣйствій. Комплексъ-«цѣль» обладаетъ, вообще говоря, положительнымъ аффекціоналомъ или, по крайней мѣрѣ, наименьшимъ отрицательнымъ по сравненію со всѣми, которые съ нимъ конкуррируютъ въ данной психикѣ. Именно благодаря такому аффекціоналу, цѣль, такъ сказать, фиксируется въ сознаніи на время трудового процесса.

Представленіе цѣли «опредѣляетъ» собою трудовые акты. Изъ числа возникающихъ волевыхъ комплексовъ-стремленій въ психикѣ удерживаются и развиваются до степени «дѣйствій» тѣ, которые находятся въ соотвѣтствіи съ комплексомъ-цѣлью, т. е. въ соединеніи съ нимъ представляютъ наибольшій положительный или наименьшій отрицательный аффекціоналъ; тѣ же, которые находятся въ противорѣчіи съ этимъ комплексомъ, т. е., комбинируясь съ нимъ, даютъ менѣе благопріятный аффекціоналъ, устраняются въ конкурренціи съ первыми. Ясно, что все это—прямой результатъ психическаго подбора, результатъ, который могъ бы быть теоретически предусмотрѣнъ на основаніи даннаго принципа.

«Цѣль» опредѣляетъ собою трудовой процессъ такимъ образомъ, что она имъ «достигается». Это значитъ, что въ результатѣ труда *представленіе* цѣли (осуществимой) смѣняется *воспріятіемъ* цѣли (какъ осуществленной). Отношеніе психической системы къ ея «средѣ» существенно измѣняется въ опредѣленномъ пунктѣ: переживаніе, которое не имѣло для себя прямо соотвѣтствующаго комплекса въ этой средѣ, теперь его имѣетъ; оно становится *непосредственнымъ* переживаніемъ. Колонистъ, положимъ, строитъ домъ. Домъ-цѣль есть только представленіе, болѣе или менѣе блѣдный производный комплексъ, образованный психикой изъ матеріала прежнихъ переживаній (воспріятія раньше видѣнныхъ домовъ и т. п.). Домъ постро-

сный означаетъ массу непосредственныхъ воспріятій, первичныхъ переживаній, являющихся въ свою очередь живымъ матеріаломъ для еще большей массы переживаній вторичныхъ, производныхъ *).

Трудъ, какъ процессъ достиженія цѣли, есть процессъ *приспособленія*. Другими словами, измѣняя отношенія комплексовъ «психики» и «среды», онъ измѣняетъ ихъ въ сторону большей взаимной гармоніи этихъ двухъ рядовъ. Такъ, постройка дома приводитъ къ тому, что изъ психическаго опыта колониста устраняется масса воспріятій «непріятнаго» характера—холодъ, сырость и т. д. и смѣняются воспріятіями «пріятными». Въ результатѣ является повышеніе жизнеспособности психической системы, возрастаніе ея энергіи. Конечно, иногда трудъ дастъ совсѣмъ иные результаты. Но для вопроса о психическомъ развитіи, его средствахъ и путяхъ важно то, что относится къ *полезному* труду, успѣшному, повышающему энергію системы.

Теперь нашъ анализъ выяснилъ намъ достаточное количество данныхъ, чтобы, опираясь на идею психическаго подбора,

*) Мы взяли наиболѣе типичный примѣръ—трудъ, измѣняющій отношеніе системы къ «внѣшней средѣ». Но возможенъ, какъ мы знаемъ, и трудъ, измѣняющій непосредственно только внутреннія отношенія психической системы, напр., трудъ выработки себѣ міровоззрѣнія, воспитанія въ себѣ характера и т. п. Но въ этихъ (производныхъ, вторичныхъ) формахъ труда обнаруживается только относительность понятія «среды». Если человѣкъ ставитъ своей цѣлью выработку цѣльнаго міровоззрѣнія, стройной познавательной организаціи опыта, то это значитъ, что извѣстныя области или стороны его психическаго опыта неорганизованы и дисгармоничны, и «воспринимаются» самой психикой въ отрицательной окраскѣ (т. е., выступая въ полѣ сознанія, окрашиваютъ его отрицательнымъ аффекціоналомъ). Эти области и стороны психической системы и составляютъ для болѣе организованной ея части ту «среду», которая преобразуется процессомъ труда. Единство психики отнюдь не имѣетъ абсолютнаго характера, и взаимная неприспособленность одного и другого какого-нибудь ряда ея комплексовъ дѣлаетъ одинъ изъ нихъ «внѣшней средой» для другого, внѣшней лишь относительно, разумѣется. Терминъ «среда» примѣняется при этомъ къ *менѣе организованному* ряду.

сдѣлать нѣкоторые опредѣленные выводы о значеніи полезнаго труда въ дѣлѣ преобразованія психической системы.

Трудъ означаетъ затрату энергіи психической системы, какъ со стороны ея главной («сознательной»), такъ и со стороны подчиненныхъ, побочныхъ («внѣ-сознательныхъ») координацій. Затрата энергіи ведетъ къ отрицательному психическому подбору. И подборъ этотъ совершается тогда не только въ полѣ сознанія. Какъ мы выяснили, *внѣ-сознательныя координаціи переживаній организованы по тому же ассоціативному типу, по какому и главная координація; а слѣдовательно и онѣ подлежатъ такому же психическому подбору.* Этотъ подборъ не воспринимается въ видѣ «удовольствія» и «страданія» по той же причинѣ, по какой не воспринимается въ такомъ видѣ психическій подборъ, протекающій въ *чужой* психикѣ: потому что онъ совершается въ предѣлахъ иной координаціи, не той, которая составляетъ содержаніе психическаго опыта даннаго лица. Тѣмъ не менѣе, онъ неизбѣжно совершается, и въ разбираемомъ нами случаѣ именно какъ подборъ отрицательный. Естественно, что онъ приноситъ съ собою и свою типическую тенденцію развитія системы: это тенденція гармонизирующая, «монистическая». При этомъ ея дѣйствіе простирается не только на главную координацію, но также не въ меньшей или даже въ большей степени—на координаціи подчиненныя, второстепенныя.

Въ этомъ существенное отличіе и жизненное преимущество данной формы отрицательнаго подбора предъ всѣми другими. Различныя страданія, зависящія отъ жизненныхъ невзгодъ—горе, печаль, боль и т. под.—поскольку они не разрушаютъ, а развиваютъ психику, вносятъ въ нее также монистическую, гармонизирующую тенденцію. Но совершенно не является необходимымъ, чтобы тенденція эта захватывала и низшія координаціи; во многихъ случаяхъ даже навѣрное дѣйствіе отрицательнаго подбора ограничивается областью «сознанія», въ другихъ случаяхъ оно, вѣроятно, распространяется и за ея предѣлы, но нельзя даже приблизительно судить, въ какомъ на-

правленіи, на какія именно частныя координаціи. Словомъ, здѣсь дѣйствіе психическаго подбора либо узко и односторонне, либо сравнительно безсистемно, такъ что должно меньше поддаваться регулированію. При трудовыхъ процессахъ оно, въ общемъ, разносторонне, потому что шире захватываетъ психическую жизнь, и систематичнѣе, потому что простирается на рядъ координацій жизненно-связанныхъ между собой отношеніемъ къ опредѣленной системѣ воздѣйствій среды, къ измѣненію которыхъ направленъ данный трудовой процессъ.

Съ другой стороны, полезный трудъ характеризуется тѣмъ, что въ конечномъ его результатѣ является возрастаніе энергіи системы, такъ что жизненный плюсъ, возникающій изъ новыхъ отношеній системы къ ея средѣ, даже превышаетъ общую сумму трудовыхъ затратъ энергіи. А это, конечно, означаетъ положительный психическій подборъ, по размѣрамъ своего дѣйствія не уступающій въ данномъ случаѣ отрицательному, и слѣдующій за нимъ во времени. Онъ приноситъ расширеніе психической жизни въ сторону ассоціативнаго творчества и волевой активности. И опять-таки расширеніе это не такъ неопредѣленно и безсистемно, какъ при какихъ-либо случайно возникающихъ «радостяхъ» и «наслажденіяхъ»; здѣсь оно распространяется ближайшимъ образомъ на тотъ же рядъ комплексовъ, который подвергается гармонизирующему дѣйствію отрицательнаго подбора, обусловленнаго даннымъ процессомъ труда.

Таково ближайшее вліяніе полезнаго труда на психическое развитіе. Но существуетъ еще вліяніе косвенное, быть можетъ, еще болѣе значительное и важное, хотя и менѣе опредѣленное. Измѣняются отношенія «психики» къ ея «средѣ», измѣняется непосредственное содержаніе того и другого ряда комплексовъ опыта, и «среда» становится для «психики» источникомъ новыхъ и новыхъ воспріятій; возрастающій такимъ образомъ матеріалъ непосредственныхъ переживаній становится исходной точкой для дальнѣйшаго развитія.

Величайшій соціологъ въ основу своей теоріи общественнаго развитія положилъ такую мысль: измѣняя въ процессѣ труда

природу внѣшнюю, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Нашъ психогенетическій анализъ позволяетъ придать этой формулѣ болѣе конкретное содержаніе: въ процессѣ полезнаго труда, человѣкъ измѣняетъ свою природу въ сторону возрастанія гармоніи и полноты своей жизни и измѣнчивости ея формъ.

Дѣйствіе психическаго подбора узко и случайно, какъ узко и случайно его поле—данное поле сознанія. Дѣйствіе это зачастую противорѣчиво: принося частную гармонизацію отдѣльнаго уголка системы, оно иногда увеличиваетъ тѣмъ самымъ ея общую дисгармонію, развивая отдѣльную область психики, оно дѣлаетъ это нерѣдко за счетъ другихъ ея областей; оно же создаетъ вредныя для психики привычки и поддерживаетъ гибельныя для ея жизни стремленія. Оно есть стихійное явленіе.

Въ процессѣ труда—полезнаго труда—психическій подборъ получаетъ опредѣленное направленіе; и это направленіе есть жизненно-прогрессивное. Здѣсь психическій подборъ утрачиваетъ свой стихійный характеръ—свою узость и неопредѣленность.

Трудъ преобразуетъ психику. Это было давно извѣстно, и служило базисомъ для безчисленныхъ примѣненій, раціональныхъ и не раціональныхъ *). Но въ прогрессивномъ для жизни направленіи измѣняетъ психику только трудъ полезный. А полезнымъ для развитія съ точки зрѣнія личности, какъ от-

*) Примѣръ раціональныхъ примѣненій—«интересный» и «пріятный» трудъ, какъ воспитательное средство. Примѣръ нераціональныхъ—принудительный трудъ, какъ «исправительное» средство. Принудительный трудъ есть растрата энергіи, которая, вообще говоря, *не* вознаграждается соотвѣтственнымъ или бо́льшимъ возрастаніемъ энергіи, являющимся въ результатѣ этой же растраты (противоположный случай можетъ быть только исключеніемъ). Поэтому онъ представляетъ изъ себя не болѣе, какъ частный случай «наказанія», и подлежитъ всей той критикѣ, которой подлежитъ принципъ «наказанія». При извѣстныхъ условіяхъ и онъ, слѣдова-

дѣльной психической организаціи, можетъ быть только такой трудъ, который вытекаетъ изъ этой самой организаціи, изъ собственныхъ и основныхъ потребностей личности. Это трудъ въ полномъ смыслѣ слова «свободный», трудъ, цѣль котораго ни «навязывается» личности никакимъ «внѣшнимъ принужденіемъ», т.-е. дисгармонически вступающимъ въ ея опытъ комплексомъ—насиліемъ другого человѣка, властью голода, безразлично.

Исторія ставитъ сложные вопросы, и она же ихъ упрощаетъ. Въ наше время она превращаетъ вопросъ о систематическомъ, планомѣрномъ, непрерывно прогрессивномъ развитіи человѣческой психики—въ вопросъ *о свободномъ* трудѣ.

тельно, «полезенъ» для психическаго развитія, но только при извѣстныхъ условіяхъ, и эта полезность есть всегда дифференціальная величина: полезность «меньшаго изъ золъ».

Двѣ теоріи жизнеразности.

Въ основу своей теоріи психическаго подбора я положилъ опредѣленную психо-энергетическую идею: постоянное соотвѣтствіе между «удовольствіемъ» и повышеніемъ энергіи центровъ сознанія съ одной стороны, между «страданіемъ» и пониженіемъ энергіи—съ другой.

Если теорія психическаго подбора позволяетъ «объяснить», т.-е. стройно систематизировать въ упрощающихъ схемахъ, многое, «не объясненное» или «менѣе объясненное» другими доктринами, то въ этой самой теоріи слѣдуетъ видѣть сильнѣйшее доказательство правильности моей энергетики удовольствія и страданія. Такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности—должна судить научная критика.

Но если бы удалось показать, что эта энергетика по существу невѣрна, то теорія психическаго подбора, на нее опирающаяся, могла бы быть отвергнута уже a priori, безъ всякой детальной критики. Поэтому я обязанъ особенно внимательно считаться съ возраженіями противъ моего пониманія связи между «аффекціоналомъ» и измѣненіями энергіи нервныхъ центровъ.

Такія возраженія дѣлаетъ А. Луначарскій въ своемъ «Изложеніи критики чистаго опыта» Р. Авенаріуса. А. Луначарскій защищаетъ противъ меня ученіе Авенаріуса объ аффекціоналѣ, ученіе, по которому удовольствіе связано съ уменьшеніемъ жизнеразности, а страданіе съ ея возрастаніемъ, все равно, будетъ ли эта жизнеразность заключаться въ перевѣсѣ «питанія» надъ «работою», или наоборотъ.

тѣмъ большей охотой пересмотрю аргументы Луначарскаго, что это дастъ мнѣ поводъ привести новыя общія доказательства правильности моей точки зрѣнія.

Свою критику Авенаріуса я началъ съ указанія на то, насколько неудачно выбралъ онъ понятіе «питанія» для характеристики одной стороны подвижного равновѣсія жизни, если другую его сторону онъ характеризуетъ, какъ «работу». Эти понятія просто *не соотносительны* другъ другу: «питаніе есть *доставка* къ данному органу матеріаловъ для жизненной ассимиляціи, но не самая эта ассимиляція, «работа» же есть *непосредственная дезассимиляція* энергіи. Употребляя самое современное сравненіе, понятія эти находятся въ такомъ взаимномъ отношеніи, какъ рекрутскій наборъ и потери людьми въ битвѣ одно другимъ отнюдь не можетъ прямо уравновѣшиваться, убитые и раненые не могутъ замѣщаться прямо рекрутами, армія должна «ассимилировать» это свое «питаніе», рекруты должны обучиться и быть размѣщены по отрядамъ, чтобы стать настоящимъ «плюсомъ» арміи въ полномъ соотвѣтствіи «минусу» потерь. Напротивъ, большое количество рекрутовъ можетъ требовать отвлеченія значительной части силъ арміи для ихъ обученія, дисциплинированія и т. д., что для дѣйствующей арміи составляетъ непосредственный минусъ, а не плюсъ. По этимъ соображеніямъ, до очевидности простымъ и яснымъ, я предлагаю связывать въ понятіи «жизнеразности» болѣе строгія и точныя, а въ то же время и вполнѣ соотносительныя понятія «усвоенія» и «траты» энергіи, ассимиляціи и дезассимиляціи.

Далѣе, я указывалъ, что при такомъ логически законченномъ, пониманіи жизнеразности, вполнѣ очевиднымъ является *обратное* жизненное значеніе двухъ типовъ жизнеразностей: перевѣсъ усвоенія надъ тратою есть повышеніе энергіи жизни, возможность большихъ затратъ въ дальнѣйшемъ, непосредственное увеличеніе жезнесохранимости; перевѣсъ затратъ—пониженіе энергіи жизни, уменьшеніе жизнесохранимости. Для Авенаріуса же всякая жизнеразность есть уменьшеніе жизнесохранимости

и самое большее, чего можетъ достигать жизненная система въ своей борьбѣ за существованіе, это «поддержанія» себя «среди уменьшеній жизнесохранимости», но отнюдь не увеличенія жизнесохранимости.

Эти соображенія Луначарскій стремится разбить, напрягая все богатство своей критической фантазіи, чтобы отстоять построенія своего учителя. Луначарскій пытается сначала доказать, что я не вполнѣ понялъ Авенаріуса, не постаравшись «охватить общій смыслъ» его ученія. Онъ цитируетъ мою аргументацію (стр. 99—101 въ сборникѣ «Эмпиріомонизмъ»), и возражаетъ такъ:

«Прежде всего критикъ косвенно заставляетъ думать, что фраза Авенаріуса: «либо уменьшеніе, либо поддержаніе системы при наличности уменьшеній» означаетъ, что абсолютное уменьшеніе жизнеспособности констатируется какъ нѣчто неизбѣжное. Между тѣмъ смыслъ фразы совсѣмъ не таковъ: измѣненія системы *C*, разсматриваются либо какъ *уменьшеніе* жизнесохранимости, либо какъ *поддержаніе* ея, что очевидно уже исключаетъ мысль объ уменьшеніи, но такъ какъ это поддержаніе ея должно уже считаться съ наличностью предшествующихъ и грядущихъ уменьшеній (unter solchen Verminderungen), то, очевидно, оно должно являться *новымъ типомъ* жизнесохранимости». (Изложеніе критики чист. опыта. стр. 60).

Ухищренія Луначарскаго безплодны, потому что явнымъ образомъ обходятъ вопросъ. Я указываю, что у Авенаріуса отсутствуетъ понятіе объ *увеличеніи* жизнесохранимости *). такъ какъ ея уменьшенію противополагается «поддержаніе

*) Не совсѣмъ отсутствуетъ. Его нѣтъ въ основныхъ понятіяхъ и во всей работѣ, кромѣ главы о «конгрегальныхъ системахъ» Тамъ оно неожиданно, въ противорѣчіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, всплываетъ на поверхность, держится безъ поясненій нѣсколько минутъ, и затѣмъ вновь безслѣдно исчезаетъ. Глава эта—совершенно особенная, она не сливается органически съ остальной работой, написана подъ явнымъ вліяніемъ дарвинисти-

системы». Луначарскій говоритъ, что это «поддержаніе» означаетъ «новый типъ» жизнесохранимости, который можетъ являться высшимъ, т.-е. въ сущности представляетъ большую жизнесохранимость, что и иллюстрируетъ своими примѣрами. При этомъ онъ увлекается до того, что предлагаетъ «поддержанію системы» считаться не только съ «предшествующими», но и съ «грядущими» уменьшеніями жизнесохранимости. Какъ онъ ухитрился вычитать это изъ трехъ словъ «unter Solchen Verminderungen», — это для меня загадка, но вполнѣ очевидно, что система *C*, какъ *физическій* комплексъ, не можетъ «считаться» ни съ чѣмъ «грядущимъ», и что уменьшеніе есть уменьшеніе, но поддержаніе отнюдь не есть увеличеніе; по крайней мѣрѣ это несомнѣнно по отношенію къ Авенаріусу, съ его классической точностью выраженій. Сущность дѣла заключается въ *абсолютномъ* характерѣ понятія жизнесохранимости у Авенаріуса: всякое колебаніе жизни для него есть «уменьшеніе» жизнесохранимости, а устраненіе этого колебанія — только «поддержаніе», т.-е. остановка въ уменьшеніи. Противополагать же количественному «уменьшенію» качественный «новый типъ», какъ дѣлаетъ въ увлеченіи Луначарскій, строгій формалистъ Авенаріусъ, разумѣется, не былъ бы способенъ.

Луначарскій смутно чувствуетъ, что онъ, собственно, подмѣнилъ Авенаріуса, и прилагаетъ спеціальныя условія, чтобы устранить такое подозрѣніе. Но тутъ дѣло выходитъ еще хуже: раньше онъ, по крайней мѣрѣ, передѣлывая Авенаріуса, приспособлялъ его къ себѣ, человѣку болѣе поздняго и потому бо-лѣе высокаго, въ цѣломъ, міровоззрѣнія, а теперь, доказывая отсутствіе такого извращенія, онъ невольно начинаетъ приспособлять уже и свои взгляды къ формуламъ Авенаріуса, искажая свое эволюціонное міровоззрѣніе. Вотъ что онъ говоритъ:

ческихъ идей, тогда какъ въ общемъ Авенаріусъ —безнадежный ламаркіанецъ.

Въ «Указателѣ» книги имѣется терминъ „Verminderung des Vital-Erhaltungswertes“, и нѣтъ термина „Vermehrung des V.-E“.

«Напрасно А. Богдановъ сталъ-бы утверждать, что мы извращаемъ смыслъ ученія Авенаріуса. Пусть онъ припомнитъ теорію «совершенной константы», и тогда ученіе Авенаріуса о развитіи предстанетъ ему самому въ слѣдующемъ видѣ: во чревѣ матери, этомъ святилищѣ сохраненія жизни, организмъ существуетъ въ почти идеальныхъ условіяхъ, т. е. ничто не нарушаетъ теченія жизни младенческаго организма, конечно маленькой и узенькой. И вотъ организмъ выталкивается въ новую среду, гдѣ онъ подвергается тысячѣ враждебныхъ вліяній: чтобы продолжать жить, онъ долженъ развить огромную систему предохранительныхъ формъ, расширить и обогатить свою жизнь (а вмѣстѣ и свое сознаніе), стремясь стать и къ этой, безконечно многообразной средѣ въ тѣ же, почти идеальныя условія: т. е. онъ долженъ приспособиться къ измѣнчивой и безконечно богатой дѣйствительности и приспособить ее къ себѣ такъ, чтобы жизнь его стала протекать гармонично, чтобы ничего не казалось ему «тайной», «неожиданностью», «опасностью», ничего не угрожало бы страданіемъ, не оскорбляло бы безобразіемъ. Путемъ роста и развитія мозга съ одной стороны и творческой обработки дѣйствительности съ другой, — человѣкъ идетъ къ идеальному равновѣсію между потребностями своими и средою: да, почти идеальное отношеніе, какое мы находимъ во чревѣ матери, мы должны вновь пріобрѣсти въ будущемъ, а пока мы осуществовляемъ его лишь приблизительно и крайне несовершенно: нѣкогда же весь широкій міръ станетъ «священнымъ святилищемъ жизни», но жизни безконечно усложняющейся, ибо приспособленной не къ чреву матери, а къ безконечной природѣ».

«Это достойный идеалъ! Жаль, что А. Богдановъ не захотѣлъ понять прекрасныя мысли ученія нашего философа и такъ небрежно отнесся къ его теоріи развитія» (стр. 61, 62).

Отвѣчаю категорически: идеалъ *не* достойный, мысли *не* прекрасныя. Жить въ святилищѣ *сохраненія* жизни, маленькомъ или большомъ, я не стремлюсь, да и самъ Луначарскій, подумавши, откажется, конечно, отъ этой квартиры.

Безконечный *ростъ* жизни совсѣмъ не то, что ея идеальное *сохраненіе* во чревѣ матери-природы. Перманентная *возможность успѣшной борьбы* за удовлетвореніе новыхъ и новыхъ, порождаемыхъ ударами и ласками этой матери, потребностей—совсѣмъ не то, что «идеальное *равновѣсіе* между потребностями и средою». Если Луначарскій скажетъ, что онъ подразумѣваетъ въ числѣ этихъ потребностей и потробность въ развитіи, ростѣ, расширеніи жизни, то это будетъ игра словъ: какъ можно тогда говорить о «равновѣсіи потребностей со средою»,—потребность въ развитіи означаетъ именно отсутствіе этого равновѣсія, она имъ исключается, если только не понимать ее мистически, какъ внутреннее стремленіе, имманентное человѣческой душѣ. Въ отсутствіи равновѣсія потребностей и среды лежитъ, въ конечномъ счетѣ, исходная точка всякаго возможнаго развитія.

Итакъ, я могу только повторить свое обвиненіе противъ теоріи Авенаріуса:

«Въ формулировкѣ Авенаріуса чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія».

Я даже прибавляю теперь новое обвиненіе:

«Формулировка эта имѣетъ свойства запутывать въ сѣть остатковъ консервативнаго мышленія даже тѣхъ, въ общемъ чуждыхъ статикѣ, мыслителей, которые, увлекаясь излишнимъ піететомъ по отношенію къ своему покойному учителю, стараются во что бы то ни стало отстоять всѣ его построенія».

Дальше, Луначарскій пытается защитить понятіе Авенаріуса о жизнеразности со стороны его логичности:

«А. Богдановъ возстаетъ противъ термина *питаніе*; онъ хочетъ, чтобы Авенаріусъ говорилъ объ ассимиляціи энергіи и ея расходѣ. Если бы Авенаріусъ не затемнилъ вопроса терминомъ «питаніе», то для него было бы ясно, что ассимиляція энергіи, въ какомъ бы то ни было количествѣ, никогда не была бы излишней, а расходъ ея всегда понижаетъ жизнесохранимость, утверждаетъ критикъ.

«Но въ данномъ случаѣ А. Богдановъ разсуждаетъ совершенно абстрактно, отрывается отъ фактовъ, и потому начинаетъ себѣ самому противорѣчить.

«Что является условіемъ возможно большей ассимиляціи энергіи? Можетъ ли эта ассимиляція происходить какъ-то сама по себѣ?

«Нѣтъ! если не единственнымъ, то безконечно наиважнѣйшимъ источникомъ того, матеріала, изъ котораго черпается ассимилируемая энергія, является питаніе. Возможно ли, однако, признать, что ассимиляція энергіи прямо зависитъ отъ количества питанія? Нѣтъ! Напротивъ, при условіи покоя, отсутствіи работы даннаго органа—ассимиляція не происходитъ. Это признаетъ и Богдановъ. Итакъ, работа есть необходимая предпосылка дальнѣйшей ассимиляціи, т. е. существуютъ случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствіе ея безусловно означало бы *пониженіе* жизнесохранимости. Въ этихъ случаяхъ въ наличности должна быть жизнеразность, отражаемая въ сознаніи, какъ потребность въ движеніи, въ работѣ, какъ Arbeitsbedürfniss, Mehrarbeitsbedürfniss. И въ опытѣ мы встрѣчаемъ соотвѣтственное чувство на каждомъ шагу. Теорія А. Богданова оставляетъ совершенно не объяснимымъ огромный рядъ относящихся сюда фактовъ (игра, творчество—плодъ Σχολή, вся роскошь жизни, какъ исходъ для *избытка силъ*).

«Но очевидно, что при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи никогда не могла бы ощущаться»... и т. д. (Излож. Авен., стр. 62—63).

Начну съ возстановленія своихъ мыслей. Я никогда не утверждалъ, что «ассимиляція энергіи въ какомъ бы то ни было количествѣ никогда не излишня, а расходы ея всегда понижаютъ жизнесохранимость», какъ это по недоразумѣнію приписываетъ мнѣ Луначарскій.

Я строго различалъ *непосредственное* повышеніе или пониженіе жизнесохранимости, совпадающее съ той или иной жизнеразностью, отъ *косвенныхъ* ея результатовъ, которые могутъ

быть иногда и прямо противоположными. Я старательно выяснилъ, что ассимиляція, совершаясь недостаточно гармонично, можетъ такъ измѣнить строеніе системы, что система станетъ менѣе устойчивой и перейдетъ къ сильнымъ колебаніямъ въ противоположную сторону, въ сторону растратъ энергіи. Я указывалъ примѣры такого рода (сплинъ, какъ результатъ долгой привольной жизни, и т. под.), при чемъ сравнивалъ такія явленія съ кризисами перепроизводства въ экономической жизни: ростъ производительныхъ силъ капиталистическаго общества есть, конечно, непосредственный жизненный плюсъ для него, однако при извѣстныхъ условіяхъ именно этотъ ростъ приводитъ къ еще большимъ ихъ растратамъ, къ нѣкоторой экономической деградаціи.

Авенаріусъ, а за нимъ Луначарскій, никакъ не желаютъ различать *непосредственныхъ* измѣненій жизнесохранимости отъ *послѣдующихъ результатовъ* этихъ измѣненій; и такое же смѣшеніе несправедливо приписалъ мнѣ Луначарскій.

Кромѣ того, Авенаріусъ и Луначарскій упорно смѣшиваютъ, а я не желаю этого дѣлать,—*источникъ* или *условіе* ассимиляціи—питаніе—съ самой этой ассимиляціей.

Изъ этихъ двухъ смѣшеній и возникаютъ аргументы Луначарскаго. Онъ говоритъ: «существуютъ случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствіе ея означало бы *пониженіе* жизнесохранимости». Прекрасно, что же изъ этого? Есть случаи, когда работа—затрата энергіи—необходима для надлежащей ассимиляціи или для предупрежденія гораздо большихъ затратъ энергіи на внутреннія перегруппировки въ самой системѣ. Есть случаи, когда надо затратить лишній капиталъ, чтобы получить гораздо большую прибыль; слѣдуетъ ли изъ этого, что затрата капитала *непосредственное* повышаетъ его величину, или что чрезмѣрная прибыль является для капитала болѣзненной жизнеразностью, что она понижаетъ соціальную жизнесохранимость капитала? Аналогія, очевидно, полная.

Луначарскій думаетъ, что игра, творчество и т. п. полезныя затраты при «избыткѣ силъ», не укладываются въ рамки моей

теоріи. Но чего же проще? «Избытокъ силъ» накопился отъ положительныхъ жизнеразностей, отъ перевѣса усвоенія надъ затратами. Его накопленіе совершалось не идеально-гармоничной и привезло къ менѣе устойчивому равновѣсію системы; всякіе дальнѣйшіе толчки вызываютъ уже повышенную растрату энергіи. Но эта растрата можетъ совершаться разными путями, съ одной стороны при помощи химическихъ и физическихъ реакцій, не переходящихъ за предѣлы системы *C*, съ другой стороны—при помощи иннерваціонныхъ реакцій, приводящихъ въ движеніе разные подчиненные органы. Въ первомъ случаѣ когда система *C*, такъ сказать, варится въ собственномъ соку—растрата энергіи не порождаетъ никакого плюса жизни, это только растрата, отрицательная жизнеразность: система *C* «страдаетъ» отъ избытка силъ, не примѣняемыхъ для внѣшнихъ реакцій, но тѣмъ не менѣе расходуемыхъ внутри системы и въ ея ближайшей физіологической средѣ. Въ второмъ случаѣ, когда «избытокъ силъ» тратится во внѣшній міръ, это приводитъ къ непрерывнымъ перемѣнамъ въ отношеніяхъ организма къ его средѣ, а слѣдовательно, къ новымъ и новымъ «впечатлѣніямъ». Эти послѣднія могутъ либо сами быть прямымъ источникомъ ассимиляціи для системы *C* (поскольку энергія раздраженій задерживается и накопляется въ клѣткахъ—совсѣмъ особый родъ «питанія»), либо косвенно вызывать въ ней повышеніе ассимиляціи, какъ ея «физіологическій стимулъ» (измѣняя химическое состояніе нервныхъ клѣтокъ съ одной стороны, физическія условія кровообращенія въ мозгу—съ другой). Въ обоихъ случаяхъ *для центровъ сознанія* можетъ установиться положительная жизнеразность, перевѣсъ усвоенія («игра, творчество—пріятны»), хотя *организмъ въ цѣломъ* больше тратитъ, чѣмъ усвояетъ (перевѣсъ работы низшихъ двигательныхъ центровъ, изнашиваніе мускуловъ и другихъ тканей). Однако, черезъ нѣкоторое время затраты другихъ органовъ и тканей, возрастая и измѣняя ихъ физіологическое состояніе, начинаютъ отражаться и на центрахъ сознанія: получаются уже не тѣ, гармонически-стимулирующія ассимиляцію впечатлѣнія,

а иныя, дисгармоничныя, ведущія къ увеличенію затратъ энергіи центровъ сознанія *). Тогда перевѣсу ассимиляціи приходитъ конецъ, система *C* «утомлена», «игра, творчество перестали быть пріятны».

Образцомъ поспѣшности можно считать заявленіе Луначарскаго, что «при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи, очевидно, никогда не могла бы ощущаться». Недостаточное питаніе, уменьшая жизненную устойчивость системы, на каждомъ шагу приводитъ къ усиленному расходованію энергіи, какъ и въ любой общественной системѣ недостатокъ средствъ обыкновенно приводитъ къ излишнимъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ затратамъ **). А «ощущеніе потребности» въ расходованіи, согласно современнымъ психофизіологическимъ теоріямъ, именно и означаетъ, что это расходованіе уже началось, но еще не вышло за предѣлы системы, не проявилось во внѣшнемъ мірѣ. «Очевидно», что «при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи» можетъ, и зачастую должна «ощущаться».

Идемъ за нашимъ критикомъ дальше:

«Много ударовъ наноситъ А. Богдановъ ученію объ аффекціоналѣ, стараясь доказать, что удовольствіе сопутствуетъ ассимиляціи, а неудовольствіе диссимиляціи энергіи. Однако, при этомъ имъ совершенно упускается фактъ, что, напр., бодрому, свѣжему человѣку доставляетъ удовольствіе бѣгать, прыгать, бороться, рѣшать задачи и загадки и т. д., для усталаго же все это, прямо, мука. Этотъ примѣръ съ очевидностью доказываетъ, что одинъ и тотъ же процессъ (будь то ассимиляція

*) Да и помимо этого, усиленная ассимиляція въ самихъ высшихъ центрахъ никогда не совершается вполнѣ гармонично, физіологическое состояніе клѣтокъ становится менѣе устойчивымъ, и за извѣстнымъ предѣломъ ихъ энергія начинаетъ разсѣиваться. И наконецъ, ассимиляція вполнѣ гармоничная также за извѣстнымъ предѣломъ можетъ переходить въ разсѣяніе энергіи, если данное строеніе клѣтки и окружающихъ тканей допускаетъ разность напряженій энергіи между ними не больше опредѣленной величины.

**) Физіологамъ хорошо извѣстно, что недостатокъ питанія есть уже самъ по себѣ *раздраженіе*.

или трата энергіи) можетъ сопровождаться разнымъ аффекціоналомъ. фактъ, вполнѣ ясно истолковываемый Авенаріусомъ и совершенно непонятный съ точки зрѣнія А. Богданова (стр. 63)».

Отвѣтъ на это замѣчаніе, въ сущности уже только-что данъ мною. Не могу однако не обратить вниманія критика на то, какъ быстро и легко устанавливаются у него, говоря на авенаріанскомъ языкѣ, «иденціалы». Одинъ и тотъ же процессъ! Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что въ системѣ *C* при «бѣганьи» бодраго и утомленнаго человѣка протекаютъ *совсѣмъ различные* процессы, имѣющіе только одну общую, да и то не въ смыслѣ полнаго тожества, часть: иннервацію извѣстнаго ряда произвольныхъ мускуловъ. Неужели одного и того же слова «бѣганье» достаточно, чтобы установить тожество процессовъ? Піететъ—хорошая вещь, но не надо увлекаться.

Я указывалъ, между прочимъ, на то, что біологическая роль аффекціонала для той точки зрѣнія, которую я защищаю, вполнѣ ясна и понятна: выражая прямо пониженіе или повышеніе энергіи системы *C*, онъ выступаетъ какъ жизненный стимулъ, въ первомъ случаѣ для борьбы противъ неблагопріятныхъ условій, во второмъ — для стремленія къ поддержанію условій благопріятныхъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія Авенаріуса, роль эта довольна спорна, и даже загадочна: тамъ онъ отмѣчаетъ не возрастаніе или пониженіе энергіи системы, а только уклоненія отъ равномѣрности въ этомъ возрастаніи или пониженіи. Системы *C* можетъ равномѣрно истощаться или равномѣрно расти и становиться сильнѣе — безъ всякаго указанія на это со стороны аффекціонала. Аффекціоналъ долженъ получаться отрицательный (страданіе), когда система отъ болѣе медленнаго роста и усиленія переходитъ къ болѣе быстрому, и положительный (удовольствіе), когда дѣло происходитъ наоборотъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ аффекціоналъ оказывается біологически несостоятельнымъ, что мало понятно и мало вѣроятно для современной теоріи развитія.

Луначарскій на это отвѣчаетъ:

«Однако, это такъ и есть въ дѣйствительности: человѣкъ

привыкаетъ къ болѣзни, униженію, нищетѣ, и иногда почти не замѣчаетъ того хроническаго физіологическаго или соціальнаго недуга, который медленно ведетъ его къ гибели. Аффекціоналъ дѣйствительно дастъ далеко не точныя указанія относительно медленныхъ процессовъ, да и вообще это не такой ужъ надежный руководитель: такъ, самъ А. Богдановъ констатируетъ на слѣдующей страницѣ, что самочувствіе больного маніакальной экзальтаціей бываетъ пріятно, и приводитъ другіе подобные примѣры» (стр. 64).

Луначарскій не видитъ, что «привыканіе къ болѣзни, нищетѣ, страданію» происходитъ совсѣмъ не такъ и не въ такомъ смыслѣ, какъ это слѣдовало бы изъ представленій Авенаріуса. Кто «привыкъ» къ нищетѣ и уже «не чувствуетъ» ея, тотъ просто отъ болѣе высокаго уровня жизни, съ болѣе значительными затратами энергіи, перешелъ къ болѣе низкому уровню, гдѣ недостатокъ усвоенія уравновѣшивается меньшею тратою. «Привыкшій» къ нищетѣ живетъ въ ней часто долгіе и долгіе годы, что было бы немыслимо, если бы растраты энергіи все еще сколько-нибудь значительно перевышали ея ассимиляцію.

Тѣ случаи, когда человѣкъ «не чувствуетъ» болѣзни, даже гибельной, ничего въ пользу Авенаріуса не говорятъ. *Система С* далеко не то, что весь организмъ, и нерѣдко разрушительные процессы въ другихъ органахъ и тканяхъ не производятъ на нее непосредственно-разрушительнаго, понижающаго ея энергію, вліянія, либо въ силу отсутствія въ этихъ органахъ и тканяхъ воспринимающихъ нервныхъ аппаратовъ, либо въ силу ранняго паралича или разрушенія этихъ аппаратовъ, либо въ силу относительно бо́льшаго сопротивленія на проводящихъ путяхъ, либо, наконецъ, просто въ силу того, что одновременно съ пониженіемъ энергіи системы *С*, отражающимъ болѣзненные процессы, происходитъ, благодаря разнымъ другимъ причинамъ, не меньшее ея повышеніе. При туберкулезѣ, напр., даже само специфическое отравленіе организма его ядомъ, повидимому, нерѣдко стимулируетъ жизнь системы

C такъ, что ея энергія въ ходѣ болѣзни довольно долго не понижается, а повышается.

Эти случаи, такимъ образомъ, ничего не говорятъ *за* Авенаріуса. Но другіе, изъ той же области, говорятъ прямо *противъ* него.

Вы обожгли себѣ руку, отраженнымъ путемъ (раздраженіе, сжатіе сосудовъ) въ системѣ *C* устанавливается большая *отрицательная* жизнеразность: затраты перевышаютъ усвоеніе, положимъ, на 1000 единицъ энергіи. Понемногу организмъ справляется съ пораненіемъ, отрицательная жизнеразпость системы *C* уменьшается: 900 единицъ, затѣмъ 800 и т. д. По Авенаріусу, страданіе должно смѣниться пріятнымъ самочувствіемъ. Но въ дѣйствичельности этого — увы — нѣтъ: боль остается болью, она только слабѣетъ, сообразно пониженію жизнеразности. Съ точки зрѣнія моей психо-энергетики это такъ и должно быть... *).

Но чего уже окончательно нельзя допустить это — «ненадежности» аффекціонала, о которой говоритъ Луначарскій. Онъ, повидимому, допускаетъ, что аффекціоналъ можетъ *ошибочно* отражать непосредственное состояніе системы *C*, какъ показываетъ его ссылка на мой примѣръ съ маніакальной экзальтаціей. Это—форменный отказъ отъ научнаго познанія.

Между состояніемъ системы *C* и «фактомъ сознанія» нѣтъ

*) Правда, имѣются при этомъ и такія высказыванія: «пріятно, что боль уменьшается». Но это вторичное, отраженное удовольствіе не измѣняетъ основного факта страданія. Происхожденіе его таково: большая отрицательная жизнеразность въ 1000 единицъ захватила цѣлый рядъ частныхъ системъ мозга L, M, N и т. д. Приспособляясь къ положенію, системы эти *повысили* ассимиляцію, хотя далеко не настолько, чтобы покрыть жизнеразность. Когда жизнеразность уменьшилась, эта повышенная ассимиляція не исчезаетъ сразу, и временно въ нѣкоторыхъ изъ системъ она получаетъ перевѣсъ надъ дезассимиляціей; къ этимъ системамъ и относится чувство удовольствія. Конечно, это именно тѣ системы, которыя затронуты ниибольше косвенно—обыкновенно, высшія системы: радость по случаю уменьшенія боли имѣетъ всегда нѣсколько *отвлеченный* характеръ.

ничего третьяго, что могло бы создать несоотвѣтствіе между ними. Аффекціоналъ долженъ *абсолютно вѣрно* отражать состояніе той системы, съ которой онъ связанъ, но конечно — ея *непосредственное* состояніе; входить въ оцѣнку возможныхъ результатовъ этого состоянія онъ не можетъ, ибо онъ не сознающая душа, а непосредственная функція непосредственнаго физіологическаго факта. Радость маніакальнаго больного *вѣрно* отражаетъ непосредственное повышеніе энергіи его мозгового аппарата, и никакой ошибки со стороны аффекціонала тутъ нѣтъ. Ошибается, очевидно, не аффекціоналъ, а Луначарскій.

Признать, что аффекціоналъ иногда путаетъ, значитъ признать связь системы *C* съ фактами сознанія *не однозначущей*. случайной; это скрытая персонификація сознанія и допущеніе нѣкоторой «свободы воли» для аффекціонала. Вотъ куда забирается Луначарскій, стремясь защитить безнадежное дѣло.

Но въ сущности, всѣ эти предпосылки уже заключаются въ самой авенаріанской теоріи аффекціонала. Схема ея такова: на средней линіи жизненнаго равновѣсія сидитъ аффекціональное божество и смотритъ, приближается ли къ этой линіи ходъ жизненнаго процесса или удаляется; въ первомъ случаѣ оно довольно, во второмъ недовольно, и ему нѣтъ дѣла до того, съ какой стороны идетъ приближеніе и удаленіе, справа или слѣва, сверху или снизу. Два противоположные случая оно оцѣниваетъ одинаково. Оно понятія не имѣетъ о строго-однозначной связи. И Луначарскій упорно хочетъ вѣрить въ это неосновательное божество. Право же не стóитъ.

Я указывалъ, что самое возникновеніе жизнеразностей, т. е. удаленіе отъ идеальнаго равновѣсія, несомнѣнно сопровождается иногда удовольствіемъ, именно тогда, когда жизнеразность положительная. Я приводилъ такой примѣръ:

«Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приноситъ ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидалъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталки-

ваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ. Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это жизнеразности положительныя» (Эмпиріомонизмъ», стр. 111).

Что же на это отвѣчаетъ Луначарскій?

«Что значитъ, что извѣстіе *кажется человѣку хорошимъ?* Очевидно это значитъ, что оно полезно ему, т. е. разрѣшаетъ какую-либо скрытую жизнеразность. Хорошимъ человѣкъ называетъ то, что такъ или иначе способствуетъ уравновѣшенью его мозга. Если бы *открытіе* или *извѣстіе* не имѣло никакого отношенія къ моимъ *потребностямъ*, то оно было бы безполезно и безразлично для меня; но, конечно, открытіе, хотя и удовлетворяетъ моимъ потребностямъ, въ то же время ставитъ предо мною много частныхъ жизнеразностей, задачъ по части его примѣненія, и отсюда очевидно, что ему обрадуется лишь человѣкъ вообще *радующійся труду*, потому что этотъ трудъ у него является «физіологическимъ стимуломъ» къ дальнѣйшему питанію отдѣльныхъ частей мозга; тотъ, у кого нѣтъ скрытой жизнеразности перенаполненія, даже получивъ наслѣдство или согласіе любимой женщины на бракъ, думаетъ прежде всего о безпокойствахъ и хлопотахъ». (Излож. Кр. ч. оп., стр. 64).

Догматическій характеръ возраженія очевиденъ. «Хорошимъ человѣкъ называетъ то, что способствуетъ уравновѣшенію его мозга» лишь въ томъ случаѣ, если этотъ мозгъ устроенъ по-авенаріански. Строго эволюціонная точка зрѣнія можетъ принять только такое положеніе: хорошимъ человѣкъ называетъ то, что повышаетъ энергію его мозга. Въ какой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія невидимо, но несомнѣнно присутствуетъ статическій идеалъ—это легко сообразитъ Луначарскій.—Но тутъ выясняется еще одна важная вещь.

Читая Авенаріуса, я не разъ колебался относительно того, что выражаетъ у него «жизнеразность»—*процессъ* или *предметъ*. То мнѣ казалось, что это строго-діалектическое соотношеніе: разность во всякій данный моментъ между прибываю-

щей и утекающей энергіей. То мнѣ казалось, что это статическій фактъ: накопился излишекъ питанія и лежитъ безъ движенія—жизнеразность. У Авенаріуса есть данныя и для того и для другого пониманія. Луначарскій, очевидно, принимаетъ второе: «жизнеразность *перенаполненія*» и т. под.

Но такое пониманіе научно-непригодно. Излишекъ, недочетъ —понятія бухгалтерскія, тамъ съ ними удобно имѣть дѣло; біологіи нужны непрерывно-текучія величины, ей нужны, говоря алгебраически, *производныя, выражающія жизнь какъ процессъ* *). Понятія накопленнаго излишка, недочета могутъ временно годиться, какъ очень неточныя вспомогательныя понятія, но сдѣлать ихъ основными невозможно.

Луначарскій полагаетъ, что моей точкѣ зрѣнія противорѣчитъ фактъ «сладкой меланхоліи»: я самъ указывалъ, что «эмоція печали по ея физіологическимъ условіямъ связана съ перевѣсомъ затратъ энергіи мозга надъ ея усвоеніемъ». Но Луначарскій думаетъ такъ только потому, что фактъ «сладкой меланхоліи» онъ беретъ безъ всякаго анализа.

«Сладкая меланхолія» слагается изъ двухъ элементовъ: пріятныхъ образовъ и печальныхъ мыслей. Человѣкъ, съ пріятной болью вспоминаетъ о близкомъ и дорогомъ существѣ, съ которымъ его разлучила жизнь или смерть. Самый образъ этого существа интенсивно-пріятенъ и будитъ рядъ другихъ эмоцій, напр., сенсуальнаго характера; а боль отъ разлуки притупилась и ослабѣла, эмоція печали не интенсивна. Если первая сторона психическаго состоянія перевѣшиваетъ вторую, то передъ нами и выступаетъ «сладкая меланхолія»; если нѣтъ, психика настоящимъ образомъ страдаетъ. Но печаль и въ первомъ случаѣ остается печалью, т. е. эмоціей страданія; она

*) Съ точки зрѣнія моей теоріи, аффекціоналъ, вмѣстѣ съ его знакомъ (+ или —) и есть прямо производная отъ величины энергіи системы С по времени (если эта величина энергіи есть q, а время —t, то $\frac{dq}{dt}$ есть точное выраженіе аффекціонала съ его измѣняющимся знакомъ).

уменьшаетъ величину пріятной эмоціи. Устраните эту печаль, напр., увѣренностью въ скоромъ свиданіи,—и тогда психическое состояніе немедленно станетъ гораздо болѣе «сладкимъ». Все это вполнѣ согласуется съ психо-энергетической точкой зрѣнія.

Остается еще одинъ, послѣдній конкретный аргументъ, направляемый противъ моей теоріи Луначарскимъ:

«Для того, чтобы окончательно показать, какъ легко, приводя отдѣльныя казуистическія возраженія, доказать какъ разъ положенія противника,—укажемъ А. Богданову еще одинъ фактъ. Аскетъ не имѣетъ возможности удовлетворить своей потребности въ повышенной жизни, потребности, являющейся результатомъ перенакопленія энергіи (долговременнаго отсутствія ея расходованія), поэтому ему рекомендуется въ одно и то же время мыслить о смерти, о скорбяхъ жизни, оплакивать крестныя страданія Христа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предаваться благочестивымъ упражненіямъ (бдѣнію, посту, колѣнопреклоненіямъ и даже самобичеваніямъ). Что же это такое, какъ не стремленіе одновременно усилить *расходованіе* энергіи и искусственно вызвать эмоцію печали, т. е. сокращеніе сосудовъ, о которомъ говоритъ А. Богдановъ. Однако же то и другое доставляетъ наслажденіе и приводитъ аскета къ желанной внутренней гармоніи. И такъ «физіологическій абсурдъ» оказывается дѣйствительностью. (Излож. Ав., стр. 66)».

Такъ, такъ! За 10 лѣтъ безсонныхъ ночей, голода, самобичеванія и всякихъ звѣрствъ, которыя продѣлывалъ надъ собою аскетъ, у него получилось «перенакопленіе» энергіи, которую онъ и старается дальнѣйшими звѣрствами израсходовать, что для него въ высшей степени пріятно... Хорошъ аскетъ, занимающійся «перенакопленіемъ», чтобы потомъ наслаждаться «расходованіемъ» по рентьерскому рецепту Авенаріуса! Позволю себѣ заступиться за аскета.

«Сокращеніе сосудовъ» не доставляетъ аскету никакого удовольствія, да и истязанія тоже «пріятны» ему отнюдь не сами по себѣ, а постольку, поскольку они ассоціированы съ мыслью

о высшихъ наслажденіяхъ, каковая мысль связана отнюдь не съ съуженіемъ сосудовъ соотвѣтственныхъ частей мозга. «Подвиги» аскета служатъ средствомъ достигнуть этихъ высшихъ наслажденій, которыя являются аскету въ формѣ *экстаза*. Экстазъ же есть эмоція, весьма родственная радости съ одной стороны, сексуальному наслажденію съ другой, эмоція, прямо противоположная болп и «сокращенію сосудовъ». Достигается она такимъ образомъ: при помощи истязаній и печальныхъ размышленій аскетъ долгое время удерживаетъ питающіе сосуды головного мозга въ судорожномъ состояніи, а нервныя клѣтки —въ такомъ относительномъ истощеніи, при которомъ становится возможной очень быстрая и сильная ассимиляція, разъ только достаточное питаніе будетъ на-лицо. Затѣмъ въ извѣстный моментъ, можетъ быть, какъ результатъ истощенія вазомоторныхъ центровъ долгимъ напряженнымъ состояніемъ, въ которомъ они находились, поддерживая съуженіе периферическихъ сосудовъ, можетъ быть инымъ—рефлекторнымъ путемъ, наступаетъ крайнее разслабленіе, почти паралитическое состояніе мелкихъ артерій и капилляровъ мозга. Просвѣтъ этихъ сосудовъ расширяется до крайности, и «питаніе» гангліозныхъ клѣтокъ рѣзко возрастаетъ, а трата оказывается значительно уменьшенной уже въ силу того, что прекратилось судорожное сжатіе безчисленныхъ кольцевыхъ волоконъ сосудовъ мозга. Новаго возрастанія тратъ не происходитъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ судорожныхъ сокращеній въ произвольныхъ мускулахъ. Поблѣднѣніе лица, аналогичное тому, какое наблюдается у многихъ, особенно у малокровныхъ и истощенныхъ людей, при крайней радости, можно легко объяснить себѣ такимъ образомъ: чрезмѣрный приливъ крови къ мозгу оставляетъ обезкровленными сосуды головной периферіи—мускуловъ и кожи, потому что и мозгъ и эта периферія получаютъ питаніе изъ общихъ главныхъ шейныхъ артерій.—Такимъ образомъ для системы С устанавливается громадная положительная жизнеразность, что и выражается въ святой радости аскета, по своей глубинѣ и остротѣ превосходящей даже половыя наслажденія

Между прочимъ, Авенаріусъ объясняетъ удовольствіе полового акта тѣмъ, что онъ возстановляетъ нарушенное въ періодѣ воздержанія равновѣсіе нервно-половыхъ центровъ. Удивительно, какъ Авенаріусъ не видитъ, что если даже для этихъ центровъ равновѣсіе возстанавливается путемъ растраты энергіи въ половомъ актѣ, то для всей системы С въ ея цѣломъ оно рѣзко нарушается: та страшная буря, которая проносится по всей вазомоторной и двигательной системѣ, слишкомъ мало похожа на «возстановленіе равновѣсія». И опять-таки, съ моей точки зрѣнія, здѣсь все просто: сильнѣйшее переполненіе мозга кровью при учащенномъ пульсѣ означаетъ громадную положительную жизнеразность, въ которой тонутъ иннерваціонныя растраты энергіи, вызываемыя судорожными движеніями произвольныхъ мускуловъ.

Резюмирую. Та концепція жизнеразности и аффекціонала, которую принимаетъ, слѣдуя большинству старыхъ физіологовъ, Р. Авенаріусъ. должна быть отвергнута по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Она не логична въ основѣ,—ея исходныя понятія, «питаніе» и «работа», не соотносительны между собою, а понятіе жизнеразности выступаетъ въ ней то съ динамическимъ значеніемъ, то со статическимъ.

2. Она принимаетъ не однозначную, а *двузначную* связь психическихъ процессовъ съ физіологическими.

3. Она находится въ противорѣчіи со многими фактами.

Взамѣнъ этой теоріи я далъ другую, родоначальникомъ которой я считаю Спинозу, а основной матеріалъ для котор й далъ, по моему мнѣнію, воззрѣніями Мейнерта, и отчасти теоріей эмоцій Джемса—Ланге.

Относительно этой, чисто энергетической теоріи жизнеразности и аффекціонала вполнѣ очевидно, что она совершенно чужда обоихъ формальныхъ недостатковъ теоріи Авенаріуса. Что касается до ея отношенія къ фактамъ, то я полагаю, что

все изложенное мною прежде *), и только что данный мною разборъ возраженій Луначарскаго показываетъ, что съ настоящими противорѣчіями она до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не сталкивается.

Эвристическое и рабочее значеніе этой теоріи я иллюстрировалъ пока ученіемъ о психическомъ подборѣ. Но это, конечно, только ближайшее изъ ея примѣненій.

Все, что до сихъ поръ дала критика моей теоріи, подтверждаетъ, на мой взглядъ, справедливость той мысли, что *теорія эта для нашего времени является интегрально-необходимой частью эмпиріомонистическаго міровоззрѣнія.*

———

*) „Жизнь и психика", Эмпиріомонизмъ, книга I.

Оглавленіе.

	Стр.
Вещь въ себѣ съ точки зрѣнія эмпиріомонизма . . .	3
Психическій подборъ	44
А. Основы метода	—
1. Схема психо-энергетики	—
2. Схема психическаго подбора . . .	49
3. Схема ассоціацій	68
В. Примѣненіе метода	92
Двѣ теоріи жизненазности	162

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

50 книжекъ въ годъ.

ЖУРНАЛЪ „БИБЛІОТЕКА РАБОЧАГО“

Подъ редакціей В. А. ПОССЕ.

5 р. въ годъ съ дост. и перес.

№ 1	I. Манифестъ коммунистической партіи. II. Изъ исторіи коммунистическихъ идей	Ц. 30 к.
№ 2	I. Основы рабочаго законодательства. II. Исторія рабочаго законодательства въ Россіи.	Ц. 20 к.
№ 3	I. Политическія слова, понятія и вещи. II. Національная автономія и всемірная федерація. III. Формы правленія и демократія.	Ц. 20 к.
№ 4	Народное представительство и народное законодательство.	Ц. 30 к.
№ 5	I. Изъ исторіи партійныхъ названій. II. Изъ исторіи партійныхъ программъ. III. Эрфуртская программа.	Ц. 15 к.
№ 6	**Государственная Дума.**	Ц. 30 к.
№ 7	**Рабочія стачки.** I. Англія.—Америка.—Австралія.—Японія.	Ц. 15 к.
№ 8	**Рабочія стачки.** II. Франція. Испанія.—Италія.—Швейцарія.	Ц. 15 к.
№ 9	**Рабочія стачки.** III. Германія.—Австрія.—Венгрія.—Бельгія.—Голландія.—Швеція.	Ц. 20 к.
№ 10	**Рабочія стачки.** IV. Россія.	Ц. 45 к.

Съ № 5 постановленіемъ С.-П.-Б Судебной Палаты отъ 29 сент. 1906 г. арестъ снятъ.

Подписная цѣна на годъ **5** р. съ дост. и пер.; на 1/2 года **2** р. **50** к.; на 1/4 года **1** р. **25** к.

Новымъ подписчикамъ, внесшимъ не менѣе 1 р. 25 к., высылаются всѣ вышедшія книги.

Подписка письменно (черезъ почту) принимается въ редакціи **„БИБЛІОТЕКИ РАБОЧАГО“** (СПБ. Кирилловская, 6), лично въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» (СПБ. Невскій, 60).

Главный складъ книжекъ «**БИБЛІОТЕКА РАБОЧАГО**) Невскій пр., 92, С.-Петербургскій Центральный Складъ **„Освобожденіе“**. (Телефонъ 4848). Здѣсь же принимается подписка.

Редакторъ-Издатель **В. А. Поссе.**

Изданія С. ДОРОВАТОВСКАГО и А. ЧАРУШНИКОВА.

Р. Авенаріусъ. Критика чистаго опыта въ популярн. изложеніи А. Луначарскаго. Новая теорія позитивн. идеализма. (Holzapfel Panideal) Критическое изложеніе, А. Луначарскаго. Ц. 80 к.

В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Ц. 40 к.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ (приложеніе: уставъ Казанскаго О-ва защиты несчастн. женщинъ). Ц. 40 к.

Т. Барвенкова. Раздолье (повѣсть). На мели. По способу Коха (разсказы). Ц. 80 к.

Н. Блиновъ. Жизнь Робинзона. (Въ чемъ счастье?) Изд. 9-е, съ 102 рис. Ц. 70 к. въ коленкор. папкѣ 1 р.

А. Богдановъ. Краткій курсъ эконом. науки. Изд. 9-ое вновь исправлен. Моск. 1906 г. Ц. 60 к.

Его же. Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. К. I, изд. 2-с. Ц. 80 к.

Его же. Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. К. II. изд. 2-е. Ц. 70 к.

А. Богдановъ. Эмпиріомонизмъ. Кн. III-я Ц. 75 к.

Его же. Новый міръ. Статьи 1904—1905 г. Ц. 40 к.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника (съ 23 рис.). Ц. 50 к.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи съ XII вѣка до нашихъ дней. (Портреты: Парнеля и О. Коннеля). Цѣна 80 к.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII—XVIII в. (Эпоха Бурбоновъ). Ц. 1 р.

Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой). Ц. 80 к.

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей. Очерки (съ 12 рис.) Ц. 25 к.

Его же. Божьи дѣти. (Сборникъ). Ц. 7 к.

Викторъ Гюго. Маленькій Наполеонъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

Е. Джунковская. Средняя школа новаго типа въ Западно-Европейскихъ государствахъ. Съ 12 рис. Цѣна 75. к.

Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Цѣна 75 к. Моск. 1903 г. Стр, 176.

Г. Жеффруа. Л. Бланки. Его жизнь и революціон. дѣятельность. Съ портретомъ и рисунками. Цѣна 1 руб.

В. Я. Канель. Судорабочіе и судовладѣльцы. Цѣна 30 к.

Н. Катаевъ. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. Цѣна 25 к.

Его же. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. М. 1903 г. Цѣна 80 к.

А. А. Кирпищикова. Повѣсти и разказы. (Изъ жизни въ пріуральскихъ заводахъ). Цѣна 70 к.

С. Н. Кривенко. На распутьи (культур. скиты и культ. одиночки). Ц. 80 к.

А. Маликовъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго (по приволжскимъ степямъ). Цѣна 80 к.

Н. Мировичъ. Страница изъ исторіи Великой Французской Революціи (г-жа Роланъ). Съ 3 портр. Цѣна 1 руб.

Ф. Д. Нефедова. Сочиненія тт. III и IV. Цѣна по 1 руб.

Его же. Святочные разсказы. Цѣна 60 к.

И. Озеровъ. Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика. И. И. Янжула 2-е изданіе, значительно дополненное и исправлен. Цѣна 2 руб.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. (Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни). Издан. 2-е Спб. 1905 г. стр. 466. Цѣна 2 р. 50 к.

В. П. Павловъ. За десять лѣтъ практики (воспоминанія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни). Ц. 50 к.

А. Погорѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Пріуралья). Ц. 80 к.

И. И. Поповъ. Самоуправленіе и земскія учрежденія. Ц. 10 к.

Дж. Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Ром. изъ жизни Италіи. Перев. А. Серебряковой. М. 1903 г., стр. 378. Ц. 1 р.

В. Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р.

Танъ. Стихотворенія. Ц. 80 к.

Е. Тимновскій. Повѣсти и Разсказы. Кн 1. Изд. 2. Ц. 1 р.

Его же. Повѣсти и разсказы. Кн. 2. Ц. 1 р.

Его же. Повѣсти и разсказы. Кн. 3. Ц. 50 к.

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Профессіональное движеніе и право коалицій. Пер. съ нѣмецк. подъ редакціей И. Степанова. Ц. 1 р. 25 к.

Ол. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. Ц. В. 2-е дополненное изд. съ портр. автора. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ У ИЗДАТЕЛЕЙ: Москва, Воздвиженка, д. 6, кв. 47, А. П. Чарушникова. Петербургъ, Басковъ пер., д. 19, кв. 20, С. П. Дороватовскаго. Выписывающіе изъ склада на 2 руб. и болѣе за пересылку не платятъ.

Изданія научно-образовательной библіотеки:

Токвиль. Старый порядокъ и революція. Переводъ А. Гуковскаго, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. 350 стр. 1903 г. 3-е изд. Ц. 36 к.

Вилюльменъ. Біологія растеній. Пер И. А. Подровскаго, подъ ред. проф. К. Тихомирова. 290 стр., 71 рис. 1897 г. Ц. 50 к.

Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. для учит. библіот., реал. училищъ и учит. институтовъ.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Перев. Н. Н. Шамонина. Вып. 1-й. 340 стр. 1897 г. Ц. 50 к. Вып. 2-й. 392 стр. 1898 г. Ц. 70 к. Вып. 3-й (послѣдній). 408 стр. 1900 г. Ц. 80 к.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Полный перев. М. Н. Павловой. Съ пред. А. Л. Павлова. Вып. 1-й. Ц. 12 к. Вып. 2-й и 3-й. Ц. 28 к. Вып. 2-й и 5-й. Ц. 40 к. Вып. 6-й и 7-й. Ц. 45 к. Всѣ выпуски вмѣстѣ 568 стр., 48 табл., 133 рис. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. Эта книжка представляетъ полный переводъ двухъ книгъ «Вымершія чудовища» и «Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ», причемъ главы размѣщены въ послѣдовательномъ зоологическомъ порядкѣ.

Допущена Уч. К. М. Н. Пр. въ ученич., ст. возр. библ., средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. библ. и читальни.

Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 347 стр. 1898 г. Ц. 60 к.

Кеймайръ. (авторъ «Исторія Земли»). Корни животнаго царства. Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Пер. М. В. Павловой. Съ пред. проф. К. П. Павлова. 232 стр., 28 стр. 1898 г. Ц. 40 к.

Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. для фундамент. библ., реальныхъ училищъ.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Пер. И. И. Щитца. Съ придисл. проф. П. Г. Виноградова. 192 стр. 1898 г. Ц. 35 к.

Кейнсъ Предметъ и методъ политической экономіи. Перев. А. Гуковскаго. Съ пред. пр.-доц. А. А. Мануилова. 285 стр. 1898 г. Ц. 40 к.

Тьери. Исторія третьяго сословія. Под. ред. и съ предисл. проф. Г. Ю. Виппера. 306 стр. Ц. 60 к.

Романесъ. Теорія Дарвина. Подъ ред. и съ предисл. проф. М. А. Мензбира. 366 стр. 124 рис. Ц. 70 к.

Гостъ. Зачатки государств. и правовыхъ отношеній. Перев. Н. В. Теплова. Съ пред. проф. М. Ковалевскаго. 275 стр. 1900 г. Ц. 60 к.

СЕРІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ КУРСОВЪ.

Бутми. Развитіе государств. и общественнаго строя. (Исторія англійской конституціи). Перев. съ новаго англійск. изданія подъ ред. М. В. Покровскаго. 182 стр. М. 1904 г. Ц. 10 к.

Роско. Химія. Перев. подъ редакц. прив.-доц. моск. унив. С. Г. Крапивина. Съ 31 рис. 122 стр. 1902 г. Ц. 25. .

Допущено Уч. К. М. Н. Пр. въ ученич. библ. средн. уч. завед., въ безпл. народн. библ. и читальни и для публичн. народн. чтеній.

Гексли. Введеніе въ науку. Перев. Д. Кашкарова, подъ ред. приватъ-доцента моск. унив. Н. К. Кольцова. 80 стр. 1903 г. 30 к.

Допущена Уч. К. М. Н. Пр. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. народн. библ. и читальни.

Фостеръ. Физіологія. Перев. Д. Кашкарова, подъ ред. приватъ-доцента Н. Л. Кольцова. Съ 19 рис. 120 стр. 1905 г. Ц. 30 к.

Допущена Уч. К. М. Н. Пр. въ безпл. народн. библ. и читальни.

Гетте. Зоологія. Съ рисунками. М. 1904 г. 40 к.

Допущена Уч. К. М. Н. Пр. въ ученич. библіот. и читальни.

Склады изданія въ Москвѣ: 1) Большая Никитская, книжн. магаз. «Грамотей». 2) Тверская, въ книжн. магаз. «Трудъ». 3) С.-Петербургѣ—книжн. магаз. «Обществ. Польза», Большая Подъяческая, 39, соб. домъ; 4) книжн. магаз. Карбасникова. 5) Одесса, Дерибасовская ул., магазинъ Распопова.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа переплачивается 10 коп.